

Штабс-ротмистр
Сергей Вакар

**НАША ГЕНЕРАЦИЯ,
РОЖДЕННАЯ В КОНЦЕ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ**

Москва – 2000 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ.....	16
Глава 1. МИРНОЕ ВРЕМЯ. ТАМБОВСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ..	20
Глава 2. МОЕ ДЕТСТВО И ОБРАЗОВАНИЕ	29
Глава 3. В ВАРШАВСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ	43
Глава 4. НАЧАЛО ВОЙНЫ И РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ, ВЫЗВАННЫЙ МАНИФЕСТОМ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ОТ 20 ИЮЛЯ 1914 ГОДА.....	51
Глава 5. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ОБЩИЙ ОБЗОР.....	57
Глава 6. МОЕ УЧАСТИЕ В ВОЙНЕ.....	68
Елисаветградское кавалерийское училище.....	69
Служба в кавалерии	76
Химическая война.....	82
Заключение	85
Глава 7. НАЧАЛО И ПЕРВЫЙ ГОД РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	86
Глава 8. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И БЕЛАЯ АРМИЯ	94
Глава 9. ЭВАКУАЦИЯ	107
Глава 10. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЮГОСЛАВИИ	118
Глава 11. РУССКИЙ КОРПУС В СЕРБИИ. Часть 1.....	131
Глава 12. РУССКИЙ КОРПУС В СЕРБИИ. Часть 2.....	148
Глава 13. КОНЕЦ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЗАОКЕАНСКАЯ ЭВАКУАЦИЯ.....	158
Глава 14. ЖИЗНЬ РУССКИХ В АРГЕНТИНЕ	166
ПРИЛОЖЕНИЯ	180
I. ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	180
II. УКАЗАТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ (УЧРЕЖДЕНИЙ) И ОТДЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ.....	183
ВОСПОМИНАНИЯ РУССКОЙ ДЕВУШКИ.....	194

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПОКОЛЕНИЕ ОБРЕЧЕННЫХ

*Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные темной волей
И горьким дымом городов.*

*Другие из рядов военных,
Дворянских разоренных гнезд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных...*

Максимилиан Волошин
"Гражданская война",
22 ноября 1919 г.

Сформировавшееся в годы Советской власти представление об офицерском корпусе Русской армии, как о привилегированной, оторванной от народа касте, в наибольшей степени отвечало классовому подходу для интерпретации драматических событий отечественной истории первых десятилетий XX столетия. Отношение к собственности выдвигалось в качестве чуть ли не единственной причины, определившей раскол российского общества на «красных» и «белых» в годы братоубийственной Гражданской войны. Русское офицерство, согласно этому критерию, в массе своей было отнесено к «эксплуататорским буржуазно-помещичьим классам».

Действительно, достаточно немногочисленный в мирное время 40-тысячный офицерский корпус (в 1908 г. – 44.800 чел., в т.ч. 1.300 генералов, 7.811 штаб-офицеров¹ и 35.689 обер-офицеров²) был полностью дворянским. Но только примерно каждый второй (53,6%) имел дворянство от рождения, т.е. являлся *потомственным* дворянином. Остальные получали *личное* дворянство (не распространявшееся на их потомков) с первым офицерским чином. Каждый четвертый офицер (25,8%) был представителем податных сословий (крестьян, казаков, ремесленников, рабочих), 13,6% происходили из потомственных почетных граждан, по 3,5% – из купечества и духовенства.³ Так что «белая кость и голубая кровь» становились

¹ Старшие офицеры армии от подполковника до полковника.

² Младшие офицеры армии от прапорщика до капитана.

³ Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914. С.228.

непременными атрибутами любого российского гражданина, пожелавшего надеть офицерские погоны.

При доминировании в офицерском корпусе потомственных дворян, титулованных особ (князей, графов и баронов) было ничтожно мало. Даже в среде высшего командования, например, среди генералов – не более 5%, а среди полковников – чуть более 2%.

К тому же офицерство из потомственных дворян «было, как правило, беспоместным... для подавляющего большинства офицеров жалование (а после выхода в отставку – пенсия) представляло единственный источник средств существования».⁴ Так что отнесение всего или большей части российского офицерства к эксплуататорским классам (по критерию собственности) представляется неоправданным.

Изменения же происшедшие в годы первой мировой войны кардинально повлияли на сословный характер русского офицерства. Многократное увеличение численности Русской армии с 1.100.000 чел. – в мирное время, сначала – до 2.700.000 чел. к 1 октября 1914 г., а затем и до 6.900.000 1 января 1917 года потребовало дополнительно огромное количество офицеров. Около 40 тысяч офицеров запаса было призвано по мобилизации и еще около 220.000 офицеров подготовлено непосредственно в ходе войны, т.н. «офицеров военного времени» (в т.ч. 78.581 чел. из военных училищ и 108.970 из школ прапорщиков, остальные – за боевые заслуги из вольноопределяющихся, унтер-офицеров и солдат), то есть, «за три с лишним года больше, чем за всю историю русской армии до первой мировой войны»⁵.

В этой примерно 300-тысячной массе растворились кадры мирного времени (составлявшие ее 1/5 часть). Ко всему боевые потери в офицерском корпусе убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести оцениваются в 70 тысяч (около 20 тыс. впоследствии вернулись в строй). При этом основная часть боевых потерь (около 45 тыс. чел.) пришлась на 1914-1915 годы, – когда большая часть прежнего кадрового офицерства была выбита. К 1917 году офицерский корпус сменился на 7/8. В пехотных частях офицерский состав сменился несколько раз (от 300 до 500%), в кавалерии и артиллерии – от 15 до 40%.⁶ К концу войны во многих пехотных полках из 60 офицеров кадровыми являлись всего 2-3 офицера.

О социальном составе офицеров военного времени свидетельствует следующий пример: из 1000 прапорщиков, прибывших зимой 1915-1916 гг. на доукомплектование 7-ой армии Юго-Западного фронта 700

⁴ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973. С.203.

⁵ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С.9.

⁶ Там же. С.11.

происходили из крестьян, 260 – из купцов, мещан и рабочих, и только 40 – из дворян.⁷ Вообще в военных училищах и школах прапорщиков военного времени количество дворян не превышало 10%.

Так что к Октябрьской революции офицерский корпус по своему социальному составу имел очень мало общего с офицерами довоенного времени. По существу в тот период, офицерство зеркально отражало состав образованного слоя, существовавшего в Российской Империи, было всесословным.

Поэтому в ходе гражданской войны офицерский состав, не представлявший собой уже однородную, духовно сплоченную социальную группу, раскололся и влился в противоборствующие группировки. Подходить к анализу причин, приведших тех или иных представителей офицерского корпуса в красную, белую или «зеленые» армии, используя только «имущественный» или «классовый» подход представляется малоперспективным. Иначе трудно объяснить массовое участие в Белом движении младших офицеров военного времени – выходцев из крестьянской массы и добровольное служение большевикам сотен генералов и старших офицеров, принадлежавших к аристократическим кругам императорской России. Очевидно, не малую роль здесь сыграли различия, и в видении будущего России, и понимании своего гражданского и офицерского долга.

В Красной Армии к концу гражданской войны служили около 75 тыс. военных специалистов – бывших офицеров (или 56% от всего командного состава), в их числе 775 бывших генералов и 1726 штаб-офицеров (в т.ч. 980 полковников и 746 подполковников), основную же массу (65 тыс. чел.) составляли бывшие офицеры военного времени.⁸ Среди красных «военспецов» было и 12 тыс. бывших белых офицеров, попавших в плен или добровольно перешедших на сторону Советской власти, и после соответствующей проверки принятых на службу.

По заключению военного историка А.Г. Кавтарадзе, указанная число военных специалистов в Красной Армии к концу гражданской войны составляла до 30% от всего офицерского состава старой армии, численность которого на октябрь 1917 г. составляла около 250 тыс. чел. Количество офицеров, служивших в белых и других (национальных и «областнических») армиях оценивается примерно в 100 тыс. чел., или около 40% офицерского корпуса старой армии. Что же касается остальных примерно 30% офицеров, то эта часть в период от слома старой армии до конца гражданской войны, избегая всеми легальными (в частно-

⁷ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Париж, 1937. Т.1. Кн.1. С.85

⁸ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов 1917-1920 гг. М., 1988. С.178, 222.

сти, состояние здоровья) и нелегальными способами службы как в Красной, так и в противостоявших ей армиях, «обратилась в первобытное состояние», т.е. перешла на гражданское положение и рассеялась по всей территории бывшей Российской империи, пропала без вести, дезертировала из Красной и белой армий, эмигрировала, погибла и т.д.⁹

Гражданская война унесла тысячи жизней офицеров с каждой из противоборствующих сторон. Кстати, утверждение об участии в гражданской войне чуть ли не всего населения России, мягко говоря, мало соответствует действительности. Специально проведенные исследования показывают, если в первой мировой войне участвовало примерно равное количество городского (26,4%) и сельского (24,5%) населения, то в гражданской войне – в несколько раз меньше: 13,6% – горожан и только 6% сельских жителей.¹⁰ То есть в братоубийстве участвовали преимущественно идейно убежденные, либо насильно мобилизованные, большинство же населения предпочитало занимать выжидательную позицию.

Как мы видели, около 70% бывших офицеров, как кадровых, так и военного времени, приняли участие в гражданской войне.

Судьба большинства военных специалистов, оказавших неоценимую помощь Советской власти в строительстве Красной Армии и победоносном завершении гражданской войны, оказалась трагичной: массовые репрессии 1930-х годов обрекли их на смерть или долгие годы заключения в тюрьмах и лагерях. Частично их судьбу разделили и офицеры, уклонившиеся от участия в гражданской войне и оставшиеся на территории СССР.

Не менее трагично сложились и судьбы участников Белого движения: эмиграция, беженство, нищета и лишения в зарубежье, участие в коллаборационистских вооруженных формированиях в годы второй мировой войны, и как следствие этого, – либо смерть и советские лагеря, либо вторичная эмиграция.

По данным Лиги Наций, всего Россию после революции покинуло 1 млн. 160 тыс. беженцев. Согласно переписям населения, проведенным в начале 1930-х годов, наибольшее количество эмигрантов, прибывших из России (в это число не входит дореволюционная эмиграция и население отторгнутых от России территорий), проживало: в Германии – около 100 тыс. чел., во Франции – 71.928, Польше – 50.000, Югославии – 29.500, Чехословакии – 23.630, Болгарии – 21.330, Эстонии – 16.422, Финляндии – 14.318, Латвии – 9.908, Бельгии – 7.000, Румынии – 7.000, Венгрии – 5.045, Литве – 5.000, Великобритании и ее колониях – около 4.000, Австрии – 2.958, Швейцарии – 2.665, Италии – 2.500, Греции –

⁹ Там же. С.176-177.

¹⁰ См.: Молодцыгин М.А. Красная Армия: Рождение и становление, 1917-1920 гг. М., 1997.

1.659, Турции – 1.400, Швеции – 1.000, Испании – 500, Голландии – 300, Дании – 300, Данциге – 269, Норвегии – 170.¹¹

По приблизительным оценкам около четверти всех эмигрантов принадлежали к воинским чинам белых армий и их членам семей. По данным советского командования в 1927 году в военных белогвардейских организациях состояло около 25 тыс. офицеров и казаков¹².

В Югославии, где в тот период находился автор очерков, только Совет объединенных офицерских обществ объединял 3.580 бывших офицеров¹³.

Характерно, что в трудных условиях эмиграции вплоть до периода конца 1970-х – начала 1980-х годов функционировали десятки воинских объединений. Бывшие юнкера и офицеры, взявшие на вооружение лозунг: «Рассеяны, но не расторгнуты», поддерживали между собой постоянные контакты, проводили регулярные собрания и встречи, осуществлялись сбор и хранение училищных и полковых реликвий, на общественных началах устраивались музеи и выставки, на скудные средства были изданы истории и хроники многих российских военных училищ и полков.¹⁴

С началом второй мировой войны русская эмиграция разделилась на два лагеря: «оборонцев» и «пораженцев».

К первым принадлежал бывший лидер Белого движения А.И. Деникин, отстаивавший двуединую формулу: «чтобы свергнута была советская власть и чтобы Империя Российская не потерпела ущерба от внешних сил». Он был принципиальным противником участия русских

¹¹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Париж, 1971. С.32-33

¹² Будущая война. /Под ред. М.Н. Тухачевского. М., 1928. С.41

¹³ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С.351.

¹⁴ К сожалению, в советское время дух корпоративности в значительной степени был утрачен. После распада Советского Союза имеются только единичные случаи создания училищных и полковых объединений. Кроме официальных изданий практически отсутствуют книги, изданные на общественных началах, посвященные истории того или иного военно-учебного заведения, содержащие помимо официальных исторических фактов неформальные воспоминания бывших курсантов. Стремления к сохранению и поддержанию взаимной связи, корпоративности, увековечиванию памяти о своих училищах и воинских частях очень слабы. А ведь выпускники советских вузов и бывшие однополчане, проживающие преимущественно на постсоветском пространстве находятся в более благоприятных условиях, нежели их соотечественники, разбросанные по всему миру в 1920-1930-х годах.

эмигрантов в иностранной интервенции: «Наша активность... должна быть направлена не на пользу, а против внешних захватчиков»¹⁵. Часть русских эмигрантов, в т.ч. и бывших офицеров, следуя идеям «оборончества», вступила во французскую армию, участвовала в движении Сопротивления.

«Пораженчество» видело в фашистской агрессии возможность освобождения родины от «антинационального и преступного режима». Большой частью бывших русских офицеров, два десятилетия жившей мечтой о «весеннем походе» на Советскую Россию, был поддержан черно-белый «пораженческий» лозунг: «Вы не за Сталина? – Значит вы за Гитлера». Это создало предпосылки для достаточно быстрого создания Русского корпуса в Югославии, участия офицеров-эмигрантов в других коллаборационистских воинских формированиях (РОА, РННА, «Особой дивизии», «восточных батальонах» и др.).

Итог известен: для уцелевших и избежавших наказания – очередная, теперь уже заокеанская эмиграция.

Все поколение, родившееся в конце века девятнадцатого, прошедшего братоубийственную гражданскую и две мировых войны в веке двадцатом, обречено было на невероятные испытания и утраты.

Ответы на многие вопросы, связанные с судьбами этого поколения, по-прежнему продолжают оставаться для нас без ответа. Это и подлинные причины, вызвавшие развал Российской империи и приведшие тысячи людей в тот или иной лагерь смертельного, жестокого и бескомпромиссного противостояния в гражданской войне. И обстоятельства, вынудившие население безропотно переносить на себе великие социальные эксперименты. И подлинные источники героического противостояния и победы нашего народа в Великой Отечественной войне, а также причины, толкнувшие десятки тысяч наших соотечественников в ряды оккупантов и коллаборационистов.

Наверное, со временем, после избавления от идеологически окрашенных подходов и оценок, ответы на эти и многие другие вопросы все-таки будут получены. Пока же некоторую ясность помогают внести живые свидетельства участников тех драматических событий: как мемуары крупных политиков и военачальников, вершивших судьбами народов и стран, так и воспоминания рядовых граждан, на плечи которых и легли основные тяготы и невзгоды.

* * *

Одним из таких свидетельств являются публикуемые в этом издании очерки, принадлежащие перу штабс-ротмистра Сергея Васильевича

¹⁵ Деникин А.И. Письма 1939-1946 гг. //Грани. 1988. №149. С.189; Он же. Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939. С.68.

Вакара, объединенные им под названием «Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия».

Его судьба – достаточно типичный жизненный путь представителя русской интеллигенции, добровольно влившегося по патриотическому порыву в годы первой мировой войны в ряды русского офицерского корпуса, а затем разделившего с ним тяготы братоубийственной гражданской войны, горечь и тяжесть поражений, трудный хлеб и последний приют в зарубежной эмиграции.

Сергей Вакар родился 29 декабря 1892 года. В 1911 году окончил Тамбовскую гимназию и поступил на химическое отделение Варшавского политехнического института. В связи с началом первой мировой войны повинуясь патриотическому порыву он, добровольно прервав свое обучение на выпускном курсе института, в октябре 1914 г. стал юнкером ускоренного выпуска Елисаветградского кавалерийского училища, из которого в феврале 1915 г. был выпущен прапорщиком в 1-й Сумской гусарский полк. Участие в первой мировой войне ознаменовалось для него службой в кавалерии и участием в становлении химической службы русской армии.

В кавалерийских полках, в отличие от пехоты, потери в офицерах были значительно меньше, поэтому кадровые офицеры сумели передать своим младшим товарищам – офицерам военного времени многовековые традиции, привить и сформировать чувство долга и чести. Офицер военного времени, сугубо штатский человек, Сергей Вакар сумел в условиях боевой обстановки впитал традиции русского офицерства и всю жизнь старался им следовать. После развала армии он продолжает выполнять свой офицерский долг.

В своих очерках он описывает малоизвестный эпизод контрреволюционного выступления в Тамбове в 1918 году, организованного бывшими офицерами, в котором поручик Вакар принимает непосредственное участие.

Далее – служба в Добровольческой армии, в ее описании отсутствует героический пафос, с болью и горечью автор раскрывает перед читателем совершенно неприглядные стороны гражданской войны, приведшие к краху Белого движения. Затем полное драматизма отступление и эвакуация на остров Лемнос. Во всех этих перипетиях и дальнейших странствиях вплоть до последних дней его неизменно сопровождает его верная подруга и жена Зинаида Викторовна Вакар (Запокольская-Хведкевич) (1898-1981). И не только сопровождает, но и трижды спасает ему жизнь.

Описание последующего четвертьвекового беженского существования русских военных эмигрантов в Югославии в какой-то степени позволяет осмыслить подлинные причины, побудившие наших бывших соотечественников в массовом порядке вступать в Русский корпус.

В 50-летнем возрасте Сергей Вакар, как и многие его соотечественники – бывшие офицеры, вновь возвращаются на военную службу. Описание обстановки и нравов, царивших в Русском корпусе, раскрывает причины краха коллаборационизма. В 1945 году отступление с остатками корпуса в Австрию. Далее – нахождение в лагере для перемещенных лиц, а в 1949 году переезд в Аргентину.

Период проживания в Белграде был ознаменован для Вакара обучением в 1939-1941 гг. на Высших военно-научных курсах генерала Н.Н. Головина. Это обусловило его интерес к военно-научной деятельности, который в 1950-1970-е гг. получил свою реализацию в рамках общественной военно-научной организации Южно-Американского отдела Института по изучению проблем войны и мира имени профессора генерала Н.Н. Головина. Сергей Вакар принимает участие в подготовке коллективных монографий: «Сумские гусары: 1651-1951»¹⁶, «Незабываемое прошлое славной Южной школы: 1865-1965»¹⁷ и «Российские офицеры»¹⁸, в которых описываются история и традиции его родного Елисаветградского кавалерийского училища и русского офицерства в целом. Его перу также принадлежат десятки публикаций в русскоязычных эмигрантских изданиях «Русское слово», «Наша страна».

Кстати, корпоративность, любовь к своему военному училищу и воинской части – неотъемлемые черты российского офицерства штабс-ротмистр Сергей Вакар впитал и сохранил до самой смерти. Он являлся активным участником воинских объединений «Объединения бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища» и «Объединении 1-го гусарского Сумского полка».

Наряду с описанием дореволюционной России, Аргентина – это, пожалуй, наиболее светлая страница в жизни автора и его очерках. Достаточно подробно в книге описаны жизнь и быт русской военной эмиграции в этой латиноамериканской стране.

Сергей Васильевич Вакар, как и многие его соотечественники, всю жизнь мечтал о возвращении в Россию, но мечтам этим, увы, не суждено было сбыться. Он умер на 89-м году жизни 16 февраля 1981 года, и последний приют обрел на маленьком кладбище вблизи курортного городка Санта Клара дель Мар в провинции Буэнос-Айрес на берегу Ат-

¹⁶ Сумские гусары: 1651-1951. Буэнос-Айрес, 1951. 322 с.

¹⁷ Незабываемое прошлое славной Южной школы: 1865-1965. Исторический очерк Елисаветградского кавалерийского училища /Под ред. С.Н. Ряснянского. Нью-Йоркб 1965. 239 с.

¹⁸ Меснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. Российские офицеры. Буэнос-Айрес, 1959. 47 с. Современное издание впервые осуществлено Издательским Центром «Аикил» - «Воин» в 1995 г.

лантического океана. В Россию же возвращается его книга, и можно надеяться, что она обретет благодарных читателей.

Поколение, рожденное в конце позапрошлого столетия, уж ушло. После него остались только печатные и рукописные материалы, предоставляющие нам возможности для осмысления и понимания их жизненного пути, их достижений и ошибок, сохраненной и пронесенной ими через все испытания горячей и беззаветной любви к России.

* * *

Основой для публикации послужила рукопись, подготовленная Сергеем Васильевичем Вакаром и переданная в распоряжение редакции его дочерью Елизаветой Сергеевной Серб (Вакар), ныне проживающей в Аргентине¹⁹.

Структурно рукопись включает более 50 очерков, написанных Сергеем Вакаром в период с мая 1970 г. по ноябрь 1980 г. Каждый из этих очерков по существу представляет законченное самостоятельное произведение, описывающее определенный временной интервал. При подготовке рукописи к печати очерки были объединены в 14 глав, из них были изъяты неизбежные повторы, проведено редактирование в соответствии с новой орфографией. Для удобства текст снабжен именным и событийным указателями.

Игорь Образцов

¹⁹ Редакция выражает искреннюю признательность Елизавете Сергеевне Серб (Вакар), принявшей самое деятельное участие в подготовке рукописи к печати и предоставившей в распоряжение редакции фотографии из личного семейного архива.

ВВЕДЕНИЕ

Детство и юность нашей, впоследствии – жертвенно-героической генерации, рожденной в мирное время конца XIX века, протекли счастливо и благополучно. Это было вполне естественно, так как Великая Российская Империя того времени была богатейшей страной мира с золотым запасом и процветающей буквально не по дням, а по часам во всех духовных, культурных и экономических отношениях.

Конечно, не исключена была возможность личного горя после смерти дорогого члена семьи, или по случаю пожара, но горя в государственном масштабе, в России никогда не было и, казалось бы, и быть не могло. Зато существовала искренняя народная радость, особенно ярко вылившаяся в ликованиях на Московских юбилейных торжествах по случаю столетия Бородинской битвы, трехсотлетия Дома Романовых, и при открытии памятника Императору Александру III.

Первый гром русского всенародного горя, прогремел с началом первой мировой войны, и окончательное и бесповоротное горе нанесло отречение Государя от престола и падение многовековой Русской исторической монархии.

Последствия бескровного перехода власти в руки республиканцев хорошо теперь всем известны, и закончились полной гибелью России и русского народа. То, до чего довели советы, создав сверхмощное государство на русской земле, отнюдь не есть Россия, а есть международный коммунистический интернационал, высасывающий последнюю кровь и разлагающий душу русского народа, поработленного силой мирового масштаба.

Будущим русским историкам на предмет будущего суда истории, предстоит трудная задача найти виновников катастрофы, сокрушившей Великую Российскую Империю, ведя научное и беспристрастное расследование, начиная с верхов правительства и главного командования действующей армии во время первой мировой войны.

Я же в настоящем изложении касаться всего этого не буду, так как этот вопрос большого исторического значения, а я не юрист и не историк и в данном случае я слишком незначительная личность, чтобы брать на себя право суда над Высочайшими Особами.

Я вполне разделяю мнение Владыки Архиепископа Никона, первого заместителя главы Зарубежной Церкви Митрополита Филарета – человека с высшим университетским юридическим образованием, добровольного кавалерийского офицера во время войны, и Председателя Общества Памяти Государя Императора Николая II в Америке, который сказал: "Как и всякому человеку, и последнему Императору свойственно ошибаться, и неизбежные человеческие ошибки Императора, по-христиански надо давно Ему простить, так как Он смыл их Своей кровью, и кровью всей Своей Се-

мы". Конечно, добавил Владыка, "каждое порицательное слово о Царемученике, и без того тяжело оклеветанного, больно ранит наше сердце, но мы должны меньше негодовать, а больше молиться и прощать"²⁰.

Не на суд и не в осуждение, а ради высказывания своего личного мнения, с которым никто не обязан считаться, я хочу добавить, что мне непонятно халатное отношение высших военных властей к подготовке боеспособности войск к будущей войне на основании дорогих опытов проигрыша Японской войны. Мне совершенно непонятно, как могли Царское Правительство и Государственная Дума допустить отречение Государя, обезглавившее Россию, что являлось не только личным вопросом Царя, но и важнейшим вопросом огромного государственного значения?

Мне также непонятно, как мог акт отречения Государя от престола произойти так скоропалительно, с передачей Царской власти брату – Великому Князю Михаилу Александровичу, без предварительного соглашения с ним, и как мог Великий Князь, приняв власть, передать ее не следующему за ним по старшинству члену Императорского Дома, а – в руки революционеров, тем самым ликвидировать многовековую монархию в России?

Как сказано выше, мы не должны судить Государя, а должны простить Его ошибки, сделанные Им под влиянием вероломных политических проходимцев и клятвопреступников. Хотя ошибка отречения Царя во время войны ознаменовала начало «великой бескровной», завершившейся кровавой вакханалией октября, торжеством сатанинского интернационала, развалом доблестной армии, цареубийством и гибелью Российской Империи, существование которой было залогом прежнего всемирного политического равновесия.

Дальше в лес, больше дров, – говорит русская пословица, – и с началом гражданской войны Россию затопил бушующий океан, содрогавшийся от страшного небывалого шторма, который поднимал огромные волны злобы и ненависти, и своим ураганом разрушал все, что ему попадалось на пути. Все бушевало, все было охвачено злобой друг к другу. Восставал брат на брата, отец на сына, сын на отца. Что вчера было свято, чему поклонялись, сегодня попиралось и уничтожалось. Люди потеряли свой человеческий облик, и как ветер урагана сносили все на своем пути, с силой беспощадного шторма в океане. Кругом лилась кровь, и разливалась по необъятным просторам России, как волна во время прибоя.

И только на Юге России, а под конец – только в Крыму сохранялась горсточка чудо-героев Белой Армии, сражавшихся за освобождение России от постигшего ее зла. Но ни храбрость, ни жертвенность человека не в силах бороться со стихией и стихийными бедствиями, и никакой воинский

²⁰ «Русская жизнь», С.Женук и «Наши Вести». –1976. –№360 (сентябрь-октябрь).

подвиг белых чудо-богатырей не мог преодолеть стихийного развития красной революции, дошедшей до стихийных размеров и стихийной злобы. Русским героям, прижатым к морю, пришлось эвакуироваться за границу, а с их отъездом Россия погрузилась в беспросветный мрак, провожая последнюю светлую точку, удаляющуюся за горизонт Черного моря.

Попав за границу, под законную защиту различных правовых государств, военная эмиграция Белой Армии не превратилась в жалких, безличных беженцев, а, сняв форму, продолжала сохранять свои воинские организации, входившие в состав Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), являвшегося продолжением Русской Армии, хотя и на чужой земле.

Во вторую мировую войну, когда всем стало ясно и понятно, что победа немцев над коммунистами есть последняя, единственная и неповторимая надежда на свержение большевиков в России, в Сербии сформировался Русский Корпус, куда добровольно стеклись старые боевые соратники и национальная молодежь, подросшая за 20 лет эмиграции. Новый героизм, новые подвиги, новые жертвы...

Сказанное выше дает ясную картину ужаснейшей обстановки, захватившей «нашу генерацию», подвиги которой не увенчались победой. И наша молодежь, родившаяся и возмужавшая в эмиграции, естественно не может ценить наших доблестных воинских заслуг. И теперь, когда память невозвратного прошлого мы один за другим уносим в могилу, оно и лучше, что молодежь вошла в жизнь своих новых родных государств и живет реальной действительностью, не зная и не переживая нашей зарубежной печали и тоски.

Не дай Бог им переживать того, что пережили мы!

Не наша и не моя вина, что эти строки я пишу из далекой Аргентины. 83-х летний возраст и сильный удар инфаркта приковали меня к дому, но к счастью не лишили меня возможности писать свои воспоминания прошлого.

Все написанное здесь, не есть ни роман, ни весть, ни статья для газет, хотя может быть это можно было бы назвать "сказкой прошлого". Я написал здесь в первом лице свои личные наблюдения, выбранные из действительной жизни, три четверти века тому назад, описал факты и события, свидетелями коих я лично был, но я не делаю из всего этого никаких выводов. Я дал свидетельский материал ученым историкам, и представляю им право самим делать выводы и заключения.

Да простят они мне мои старческие взгляды, когда прошлые юность и молодость всегда кажутся неповторимо прекрасными.

Далее последует подробное описание жизни и заслуг «нашей генерации».

Сергей Вакар
23 мая 1977 г.,

Буэнос-Айрес

Глава 1. МИРНОЕ ВРЕМЯ. ТАМБОВСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Наша генерация, рожденная, как и я, в царствовании миролюбивого Императора Александра III и в первые годы еще благополучно царствовавшего Императора Николая II, с появлением на свет, вступила в счастливую жизнь, предвещавшую в будущем полное благоденствие и благополучие. Так как Россия того времени, была лучшей страной в мире, быстрыми шагами идущей к полному культурному, экономическому и техническому расцвету. Ничто, казалось бы, не могло омрачить нашей предстоящей жизни, и никаких туч на ясном горизонте тогда еще не было, и, казалось бы, быть не могло. Наши родители с умилением смотрели на своих детей, вкладывая старания, чтобы доставить нам детскую радость, а в годы юности - дать нам по возможности высшее образование, чтобы к зрелым годам жизни мы твердо стояли бы на ногах, всецело обеспеченными до мирной, глубокой старости.

Первые тучки, временно омрачившие Россию, бесследно пронеслись в 1904-1905 годах, когда произошла Русско-японская война, и так называемая "революция пятого года". Эти события не коснулись нашей генерации, так как, например, мне было тогда всего 12 лет, и я не мог еще быть их участником, а мог ими только интересоваться. Я собирал открытки с портретами генералов Японской войны и защитников Порт-Артура, с видами всех военных судов нашей Тихоокеанской эскадры. Дальневосточный фронт был так далеко от Европейской России, что здесь его никто не замечал и не чувствовал. При недооценке сил противника предполагалось "япошек шапками закидаем", но когда это не удалось, то поражение тоже осталось незначительным и не отразилось на жизни страны. В Европейской России война совершенно не давала себя чувствовать, и только на афишах благотворительных балов и танцевальных вечеров добавлялось, что чистый сбор идет в пользу раненных, и в моду вошел вальс под названием "На сопках Манчжурии".

На европейских войсках Японская война мало отразилась, а отдувались главным образом Сибирские войска. Так, например, из 10-ти гвардейских кавалерийских полков и из 56 драгунских, уланских и гусарских полков регулярной армейской кавалерии на фронте участвовал только один — Приморский драгунский полк, стоявший до войны в селе Раздольном, близ Владивостока. А всю боевую конницу, составляли Сибирские, Забайкальские, Семиреченские, Амурские и Уссурийские казачьи войска, и Заамурские пограничные конные полки.

Горе войны переживалось только в тех семьях, где были убитые родные, во всем же остальном война прошла незаметно, и даже дрянная революционная молодежь послала поздравительную телеграмму Японскому Императору по поводу его победы над русскими.

"Революция пятого года" была событием, широкой волной прокатившимся по Российской Империи и даже вызвавшим временные аграрные беспорядки, с поджогами зажиточных усадеб.

Центром революционного движения была Москва, пережившая тревожное время. Там возникли крупные беспорядки. В рабочем фабричном квартале Пресня стали формироваться сильные боевые дружины, которые с боем постепенно захватывали районы города, вступая с войсками в перестрелку и бросая самодельные бомбы. Несмотря на артиллерийский огонь, разрушавший дома, где обосновывались революционеры, восстание все больше разгоралось.

Гренадерские полки Московского гарнизона были не совсем надежны, и даже имел место случай вооруженного выступления Ростовского гренадерского полка. Однако, прибывший из Санкт-Петербурга лейб-гвардии Семёновский полк под командой генерала Мина, при четырех орудиях и при поддержке Сумских гусар и Донских казаков Московского гарнизона быстро подавил восстание. Порядок в Москве был восстановлен, что положило конец "революции".

Я в это время был учеником 2-го класса Уманской гимназии (Киевской губернии), и никакой революции в глубокой провинции я не видел.

Война и революция 1904-1905 годов, прошли для нашей генерации и незаметно и благополучно, не втянув нас по молодости лет в свой водоворот. В обоих случаях с наступлением мира быстро забылись пролетевшие невзгоды, оставив нам и правящим государственным и военным властям жизненные уроки. Последние гласили, что всегда по мирному времени, надо быть готовыми к неожиданной войне и вооруженными не шапками для закидывания врага, а всегда новейшим, современным оружием боя, и что каждая война может вызвать революцию к подавлению которой надо быть серьезно и заранее подготовленными.

Эти два урока, власть имущие круги, к сожалению, совершенно позабыли или просто проворонили.

После пережитых тревог снова настал мир и с еще большим стремлением к культурным достижениям, и к счастью России страна наша стала процветать во всех отношениях. Новая гениальная земельная реформа премьер-министра Столыпина, человека высокого государственного ума, в его действительных заботах о русском народе, привели к тому, что каждая бедная, но трудолюбивая крестьянская семья могла льготно переселиться на хутор, и упорным, дружным трудом всей семьи встать на ноги. Превратившихся в зажиточных хуторян крестьян впоследствии большевики прозвали "кулаками" и зверски стали "раскулачивать".

Революционеры поспешили убить гениального Столыпина, понимая, что он ведет к благосостоянию крестьянства и при нем народ никогда не захочет никакой революции. Настали лучшие времена в истории Руси и России, но все же Св. о. Иоанн Кронштадтский своим пророческим даром

предвидел и замечал дурное влияние революционеров на религию, и упорно призывал русский народ к благочестию, указывая, что ослабление Святой Православной Церкви и утрата веры в Бога могут привести страну к плохим последствиям.

Всеобщая и всенародная радость и ликование, особенно ярко выразились в Московских юбилейных торжествах 1912 и 1913 годов, на столетии Бородинской битвы, трехсотлетию Дома Романовых, и при открытии памятника Императору Александру III-му, когда в Москву приезжал Государь со всей Семьей и свитой. И колокол с Ивана Великого, подхваченный перезвоном колоколов всех Московских церквей, возвещал о прибытии Царя в Москву.

Кортеж следовал в сопровождении Конвоя Его Величества, Сумских гусар и Донских казаков. По всему пути от вокзала до Кремля каждый дом был убран флагами, вензелями, драпировками, зеленью и живыми цветами, тротуары, окна и балконы были заполнены нарядной публикой в праздничных костюмах, шпалеры войск стояли в парадной форме, а духовенство в праздничном облачении. Сотни тысяч людей стояли вдоль Тверской улицы, и при приближении Государя их крики "ура" заглушали военные оркестры, игравшие национальный гимн.

Традиционный, торжественный выход Царя с Семьей с Красного Крыльца в Успенский Собор, дворцовые приемы депутатов, Царский обед, и блестящий бал в Московском дворянском собрании – все проходило в торжественной обстановке, полной красоты и блеска. Это краткое описание Московских торжеств все же дает яркую картину того, как русские люди умели встречать и поздравлять своего Царя с юбилейным праздником. И если в блеске и роскоши дворцов, могло участвовать лишь ограниченное число людей из высшего слоя, то празднично декорированные улицы Москвы едва вмещали восторженные массы русского народа, добровольно собравшегося для искреннего чествования Государя Императора и Его Семьи.

Как это не похоже на современные уличные политические демонстрации, когда силой выгоняют на улицу толпу и заставляют ее выкрикивать давно надоевшие лозунги, носить портреты ненавистных вождей революции.

Радостные и сердечные душевные Московские юбилейные торжества, были последним искренним ликованием счастливого, свободного русского народа, и никто в эти дни еще не предполагал, что следующий год принесет кровопролитную войну со всеми ее тяжелыми последствиями.

Я родился в Тамбове, там окончил гимназию и приезжал ежегодно на лето в Тамбовское имение, а на Рождество – в город, куда бы судьба не забрасывала меня, по месту службы отца или меня самого в студенческие, юнкерские и офицерские года. Поэтому я опишу Тамбов и как родной, и

как типичный великорусский, губернский город, лежащий в черноземной полосе Европейской России.

"Тамбов на карте генеральной, кружком означен не всегда", написал Лермонтов в своей поэме "Тамбовская казначейша", но все же это был губернский город Российской Империи, заслуживающий уделения ему должного внимания.

Кроме многочисленных церквей, с конкурировавшими по высоте колокольнями, других высоких построек в Тамбове не было. Единственным трехэтажным зданием в городе был окружной суд, а затем шли на перечень двухэтажные средние учебные заведения, дом губернатора и небольшое количество частных домов; все остальные были одноэтажные, невысокие, главным образом деревянные, частные постройки, утопающие в садах. Поэтому, глядя издали, на лежащий на высоком берегу реки Цны Тамбов, со стороны заливных лугов, город казался сплошным лесом, из которого возвышались многочисленные церковные колокольни. Как приятно было бы теперь любоваться этой православной картиной, и как радостно было бы слышать тамбовский колокольный перезвон!

Городское движение тогда было только пешком, на лошадях, на велосипедах, а моторной тяги тогда еще не было. Позже появился первый тамбовский автомобиль, у богатого фабриканта Асеева, но, попадая в сосновые леса дачной местности, он там часто застревал в песке, и его оттуда вытягивали лошадьми. На определенных местах в городе можно было нанимать извозчика, т.е. лошадь запряженную в пролетку, с колесами на железном ходу, громыхавшими о булыжник мостовой. Чтобы избежать стука колес и сохранять копыта лошадей, тамбовские улицы мостились наполовину, и в сухую погоду вся езда шла по не мощеной стороне, и лишь в грязь, — по мостовой. Такая забота о копытах лошадей, как бы в ущерб городскому благоустройству станет понятной, если заметить, что тамбовское коннозаводство стояло на одном из первых мест в России, и почти в каждом имении был обязательно хоть маленький конный завод, в том числе и у нас, зарегистрированный на имя моей матери. Из семи запасных кавалерийских полков в России, поставлявших лошадей в армейские полки регулярной кавалерии, три полка стояли в Тамбовской губернии, а лучший Тамбовский зал, где устраивались благотворительные и студенческие вечера со спектаклями и танцами был в клубе коннозаводского собрания.

Административно город Тамбов делился на три полицейских части, при чем каждая из них имела свою пожарную команду с высокой каланчей, где постоянно дежурил пожарный наблюдатель, поднимавший тревогу при виде дыма. Первым по тревоге, верхом на лошади, в медной каске выскакивал пожарный трубач, трубным звуком оповещавший жителей о пожаре и расчищающий путь для следующей за ним пожарной команды. Наша задача гимназистов того времени была быстро вскочить на велоси-

пед и первым прибыть на пожар, чтобы там не только присутствовать в качестве любопытного зрителя, но и качать ручным насосом воду, из привезенных бочек, что, как правило, входило в обязанность глазеющей публики.

Движение пожарных полевым галопом, с грохотом колес о мостовую, представляло весьма эффектную картину. Несколько троек везли пожарную команду в блестящих медных касках, затем бочки с водой, насосы, лестницы и предметы технического оборудования для тушения огня; тройки следовали одна за другой, с колокольчиками на дугах коренных лошадей и все повозки – на красных колесах. На трубные звуки и грохот жители выскакивали из домов, и пожарные проезжали по очень оживленным и многолюдным улицам.

Причины и результаты каждого пожара или даже ложной тревоги на некоторое время подвергались горячему обсуждению публики, но вскоре забывались. Иметь колокольчики на дугах лошадей было исключительным правом пожарных и поэтому ямщики, въезжая в город должны были подвизывать свои колокольчики, заставляя их замолчать.

Пожарная каланча, как видная отовсюду, кроме оповещения жителей, поднятыми шарами, в какой части города случился пожар, имела еще одно другое назначение. Там вывешивался красный флаг, когда морозы достигали -21° по Реомюру, т.е. $-25, 26^{\circ}\text{C}$, и в такой холод, занятия всех школ отменялись. Это заставляло учащуюся молодежь в морозные дни, с желанной надеждой ждать с каланчи радостного оповещения, чтобы подольше остаться в кровати под теплым одеялом и вздохнуть от надоевших уроков; такие морозные каникулы в Тамбове бывали иногда довольно продолжительными.

Интересной особенностью жизни Тамбова того времени была организованная возможность горожан в своих особнячках держать коров, чем пользовались и мы. На весь летний сезон, за небольшую плату, коровы сдавались на городское пастбище, причем из города на заливные луга они ежедневно утром переплывали речку Цну, в ее узком месте, а вечером, тем же путем возвращались назад.

Таким образом, в Тамбове, каждый летний вечер представлялась занятная картина, когда стадо мокрых коров, с громким мычанием, рассыпалось по городским улицам, причем каждая корова безошибочно шла к воротам своего дома, где ее уже ждала ее доярка. Это давало жителям Тамбова возможность иметь абсолютно свежее молоко за незначительную цену. Такого рода деревенские порядки в большом губернском городе, могли быть только благодаря общему укладу жизни того времени, когда все было проще и вместе с тем домовитая жизнь людей была уютнее, гостеприимнее и сердечной, чем теперь.

В Тамбове, как и во всяком губернском городе, было Губернское управление, Архиерейская епархия, Городская управа, Земская управа,

Окружной суд, почта, банк, казначейство, средние и начальные учебные заведения, гарнизон войск и, так называемые, Царские конюшни – орган Государственного коннозаводства.

Высших учебных заведений в Тамбове не было, а из средних: мужская гимназия, женская гимназия, реальное училище, институт благородных девиц, духовная семинария, женское епархиальное училище, мужская и женская частные гимназии.

Как сказано было выше, в Тамбове был Институт Благородных Девиц, закрытое женское заведение, для девушек дворянского происхождения с очень своеобразными и щепетильными порядками.

Так как там всегда учились кто-либо из моих родственниц, мне иногда приходилось их посещать в приемные дни и получать приглашения на скучные институтские балы. Я называл эти балы скучными, потому что на гимназических балах, с гимназисткой можно было потанцевать, пойти с ней в фойе, угостить холодным лимонадом и сладостями, а после бала проводить ее домой. Институтки же при нашем входе в зал чинно сидели на скамейках вдоль стен зала, в ожидании кавалеров; их можно было приглашать танцевать и, посадив на прежнее место, немедленно отходить в сторону или к другой жертве церемонного уклада. И если институтки физически жили в золотой клетке, то мысленно они всегда витали на свободе и точно знали и горячо обсуждали, все то что творится в Тамбове и в тамбовском гарнизоне войск.

В начале первой мировой войны, с 1-го февраля 1915 года, я несколько месяцев, до отъезда на фронт, служил в Тамбове, в маршевом эскадроне 1-го гусарского Сумского полка, при 7 запасном кавалерийском полку, развернувшимся во много маршевых эскадронов, трех драгунских, трех уланских и трех гусарских полков. Яркие цвета кавалерийских фуражек, звук шпор и лязг сабель, ловко и умело подсмотренные и подслушанные девицами, несмотря на их изолированную обстановку, возбуждали в институтках особый интерес к кавалеристам, и каждая институтка обязательно должна была "обожать", ею выбранный один из кавалерийских полков. (Обожать – это специально институтское выражение).

Тамбовский гарнизон до 1-й мировой войны составляли: 27-й Витебский и 28-й Полоцкий пехотные полки, 7-й запасной кавалерийский полк и 7-я артиллерийская бригада.

Чтобы показать, как тонко и энергично велась институтками разведка в военных кругах, и как все это их интересовало, приведу пример, касающийся лично меня. В то время я был недавно произведенным офицером 1-го гусарского Сумского полка, в мирное время стоявшего в Москве. По старым неофициальным кавалерийским традициям, по типу "звериады", в полках кавалерии было принято петь довольно вольготного "Журавля", в котором, каждому кавалерийскому полку, уделялось две строчки стихов. Эти стихи "Журавля", относящиеся к моему полку были:

Всех купчих бросает в жар
Голубой Сумской гусар!

Что институтки, очевидно обожательницы этого полка, переделали на свой лад:

Всех девиц бросает в жар
Молодой корнет Вакар!

И это подтверждало проникновение институток в жизнь Тамбовского гарнизона. Бедные пленницы институтского режима были лишены выхода на волю, даже по субботам, воскресеньям и по праздникам, как это было в закрытых кадетских корпусах и в военных училищах. И мне кажется, что гимназистки с меньшим гонором и не так цирлих-манирлих воспитанные, в общем результате оказывались развитые и пригодные к предстоящей жизни, чем институтки.

Как я уже отмечал, высших учебных заведений в Тамбове не было, и по окончании здешних средних школ молодежь для продолжения образования разъезжалась по университетским городам, но на летние и рождественские каникулы съезжалась домой. Это было особенно заметно на рождество, так как празднично настроенные и жизнерадостные молодые люди, в разнообразных студенческих и юнкерских формах, ярко бросались в глаза на оживившихся с их приездом улицах, обклеенных широковетсельными, соблазняющими афишами, предстоящих студенческих балов и концертов.

Недавние провинциальные ученики Тамбовской гимназии и реального училища, превратившиеся в столичных студентов, в глазах местных барышень становились не только интересными кавалерами и собеседниками, но среди них, под шумок, милые юные красавицы старались пригласить завидного жениха. Лучшим местом зимних встреч и свиданий был каток под звуки военного оркестра, а летом была река Цна, с уютными дачами в сосновых лесах и в живописной прибрежной местности, под звуки пения соловья.

В юные студенческие годы всегда и всюду, зимой и летом все было очень хорошо, а по окончании каникул, не плохо было вернуться в Москву или Санкт-Петербург для продолжения прерванных учебных занятий.

Студенческие рождественские балы в Тамбове были очень веселыми и шикарными, они устраивались в отличном зале Коннозаводского Собрания. Эти балы считались благотворительными, поэтому, кроме уличных афиш, устроители развозили почетные приглашения видным и представительным жителям Тамбова, откликаясь обычно денежной помощью и личным посещением бала. Это уже были не гимназические балы, где не

было никого кроме учащихся, а открытые общественные балы, куда съезжалось лучшее общество губернского города, где дамы, барышни и дамы-патронессы, наряжались в шелка бальных платьев, блестели золотыми кольцами, брошками, браслетами и серьгами со сверкающими драгоценными камнями и составляли живой цветник, от которого трудно было оторвать восхищенный взор.

Кавалерами были главным образом студенты и молодые офицеры, блестевшие золотом парадных форм. Формы университетов и лицеев были по образцу наземных офицерских форм, но без погон, а формы высших технических учебных заведений были как у морских офицеров, с той разницей, что моряки носили продольные золотые погоны, а студенты-техники носили поперечные с массивными, накладными Императорским золотыми или серебряными вензелями своих шефов. Я, будучи студентом политехнического института Императора Николая II, носил золотые вензеля Его Величества.

Бывали на балах и государственные чиновники, и учителя гимназии и реального училища, знавшие студентов еще с их детства, и они тоже были в своей бальной форме ведомства Министерства Народного Просвещения, так что черные штатские костюмы были в меньшинстве по сравнению с разнообразными блестящими формами.

Танцевали тогда красивые старые танцы, из коих особенно выделялись по красоте и по бравурности, вальс и мазурка с фигурами, требовавшие опытного дирижера. При его умении дирижировать зал оживлялся общим весельем, и все знакомились друг с другом. Построив, например, круг из дам, окруженный кругом из кавалеров, дирижер двигал оба круга в противоположном направлении и, остановив движение с поворотом дам лицом к кавалерам, дирижировал продолжать танец с пришедшимся визави, как они есть. Так получались новые вальсирующие пары, знакомящиеся и танцующие до приглашения дирижера искать своих дам.

Вообще же, каждому студенту приходилось перетанцевать со всеми своими знакомыми дамами и барышнями, чтобы ни одну из них не обидеть пропуском внимания к ним, так что танцевать приходилось до упаду, но это было весело и приятно, а отдохнуть можно было и завтра.

Обычно бал начинался с предварительной концертной программы, в исполнении известных артистов, часто для этой цели приглашенных из Москвы. Хороший концерт приезжих знаменитостей, привлекал к себе пожилую не танцующую публику почетных гостей, обычно не остававшихся на танцы, но приятно и полезно было их видеть, хотя бы на концерте. На всех студенческих балах всегда играл военный оркестр.

Вообще же студенческие годы всегда считались лучшими годами жизни человека, в сочетании молодости, жажды научных знаний и умения веселиться, с действительно полной студенческой независимостью без принуждения со стороны начальства: студенты учились сами для себя, са-

ми были заинтересованы в своих знаниях и сами добивались экзаменационных успехов; понукать студентов не было никакой надобности.

Еще шикарнее, но может быть более официальными, но менее интимными, бывали балы в Тамбовском Дворянском Собрании, в роскошном зале, с колоннадами, хорами и зеркалами, считавшимся одним из шикарных дворянских залов в России.

В этом же зале бывали и концерты всех знаменитостей того времени: Шаляпина, Вальцевой, Плевицкой и других; близость и прекрасная связь с Москвой скорыми плацкартными поездами со спальными вагонами давали возможность Московским знаменитым артистам выступать в Тамбове.

Тамбовские учебные заведения принадлежали Харьковскому учебному округу, гарнизон – Московскому военному округу, а Окружной суд – Саратовской судебной палате.

Жизнь в Тамбове до первой мировой войны была тихой, спокойной и благополучной, что наблюдалось и в других городах процветавшей Российской Империи. Озираясь назад, просто трудно себе представить, как несравнимо оказалось когда-то счастливое прошлое, с тем что творится теперь во всем свете. Правда, по небу тогда не летали аэропланы и люди еще не побывали на Луне, но в менее совершенных технических условиях жизни, люди жили в гораздо более совершенных условиях морали и духовных достижений. Ярче всего эта перемена коснулась России, где Святая Русь превратилась в безбожный СССР и стала гнездом коммунизма и рассадником мирового зла. Но и в других демократических странах, падение морали дошло уже до последних пределов.

Мои Тамбовские воспоминания несколько не прикрашены, а верно описывают то, что я сам пережил и видел своими глазами, а видел я тогда Святую Русь, давшую Православной Церкви, многочисленный "сонм святых, в земле Российской просиявших". Мои личные наблюдения, глубоко религиозного народного настроения и святого подвига простых русских людей, дают мне право вынести свое суждение хотя бы на основании нижеследующего. Летние дачи, в пяти верстах от Тамбова, были красиво расположены в сосновом лесу, близ железной дороги, бывшей местом дачных прогулок. Кроме быстрого движения поездов по рельсам линии Саратов – Тамбов по шпалам того же полотна часто происходило другое, медленное, пешеходное, почти стихийное движение богомольцев, пешком идущих из Сибири в Киев.

Это шли обычно простые люди, обоего пола, пожилого возраста, без гроша в кармане, жившие на подаяние, с глубокой религиозной идеей дойти до Киево-Печерской Лавры и поклониться ее святыням. На вопрос "откуда вы идете?" следовали ответы: "Из Иркутска, с Енисея, из Забайкалья", а они спрашивали: "Далече ли до Киева"? и, какой ближайший город лежит на их пути. Приходилось отвечать что: "до Киева еще далеко, но они

больше прошли, и меньше осталось. Такое паломничество продолжалось иногда год и больше, но твердое религиозное убеждение о спасении души, доводило богомольцев до выполнения задуманной цели.

В России в то время не было никаких угроз нарушения мира, тишины и спокойствия. И каждый из нас среди общего благополучия путем получения образования, своим трудом и личным талантом, вступая в зрелый возраст, стремился начать новую плодотворную жизнь с надеждами на материальное благосостояние, семейное счастье, домашний уют, занятие интересующим его делом и на идейное служение Родине на поле ее культурного, духовного и технического развития и процветания.

Много красивых страниц истории оставила о себе Российская Империя, и радостно и грустно их переживать: радостно, потому что все это прекрасное прошлое было на нашей дорогой Родине, и грустно, что это прошло и стало неповторимым в современной мировой демократической обстановке.

Глава 2. МОЕ ДЕТСТВО И ОБРАЗОВАНИЕ

Сперва наша генерация, моих ровесников по мирному времени в Императорской России пережила много хорошего и счастливого, но с началом войны 1914 года и особенно после революции 1917 года нам пришлось пережить много такого плохого и ужасного, что даже нельзя пожелать и врагу.

В мирное время жизнь отдельных людей складывалась чисто индивидуально и нельзя всех подводить под одну гребенку, а поэтому я опишу лично мою жизнь, как один из примеров общего благополучия в довоенной Российской Империи.

Свои исторические воспоминания я начну с самого себя, со своей родословной.

Вакары – старинный русско-литовский род. Семейное предание ведет его со времен князя Витовта, от поселенцев вдоль реки Вака к югу от Вильно. Наш родоначальник Николай Вакар отличился в боях против Москвы, и в 1588 году он был пожалован королем Речи Посполитой Стефаном Баторием в Литовское рыцарское достоинство и одарен именьями в Могилевщине и Смоленщине. После того, как с разделом Польши эти земли отошли к России, потомство Николая Вакара было занесено в VI книгу российского дворянства по Могилевской губернии, а позже – переписано по Тамбовской губернии. За нами сохранился герб "Слеповрона", изображающий слепого ворона с золотым кольцом в клюве, обращенного головой на запад, на фоне красного щита, поддерживаемого двумя львами и накрытого рыцарским шлемом со страусовыми перьями.

Сведения о моем роде сохранились даже и за границей в книге "Родословная Российского Дворянства", составленной князем Долоруковым и в энциклопедии Брокгауза и Эфрона.

В прошлом столетии мой прадед был известен тем, что, будучи Смоленским губернатором, во время нашествия Наполеона сказал французам: "Если ваш император меня не тронет, то и я его трогать не буду". За это потом он был судим, но оправдан и даже награжден за "спасение города от разорения, а людей от истребления".

Его брат Николай был мальтийским рыцарем, кавалером ордена Святого Иоанна Иерусалимского и женат на побочной дочери Павла I Мусиной-Юрьевой. Он был очень образованным человеком своего века, его перу принадлежит первый в России труд по сельскому хозяйству.

Родовым имением было Лешно Оршанского уезда Могилевской губернии. После смерти губернатора Алексея Григорьевича оно перешло к его старшему сыну Александру, не оставившему мужского потомства, — имение ушло приданным за его пятью дочерьми.

Мой дед — гвардии полковник артиллерии в Петербурге, по видимому, близко стоял ко Двору, это видно из того, что мой отец был крестником Императора Александра II. Был ли государь лично на крестинах или выслал в церковь адъютанта — заместителя, я не знаю, но, во всяком случае, имя Императора как крестного отца делало большую честь моему деду и доказывало оказанную ему Высочайшую монаршую милость.

Мой отец Василий Модестович по окончании Александровского лицея в Царском Селе быстро продвинулся по службе судебного ведомства, и совсем молодым действительным статским советником был назначен в Туркестан первым председателем вновь открытого Ашхабадского окружного суда. Позднее он перевелся в Европейскую Россию председателем Уманского окружного суда Киевской губернии. Выйдя в отставку, он был избран членом 4-й Государственной Думы от Тамбовской губернии, и скончался в Петербурге в 1914 году. Женат он был на моей матери, Елизавете Сергеевне урожденной Гусевой, крупной тамбовской помещице, получившей образование в Тамбовском Институте благородных девиц.

Обладая домами в городе Тамбове и имением в Тамбовском уезде с конным заводом и породистым скотом, бравшим медали на тамбовских сельскохозяйственных выставках, моя семья была материально обеспеченной.

Я родился в Тамбове в декабре 1892 года, в период царствования Императора Александра III, так что мое раннее детство и дошкольный возраст прошли еще в XIX веке. Я родился в чистой Великороссии, и хотя моя фамилия Вакар, давно занесенная сюда из Виленской губернии, не выдает меня за уроженца Центральной России, я фактически являюсь таковым. Моя бабушка по отцу была урожденная Скоробогатова, дед по матери был Гусев, а бабушка — урожденная Кузьмина-Караева; мои близкие родствен-

ники были Волковы, Рождественские, Сытины... Таким образом, и по роду, и по месту рождения, и по воспитанию я являюсь великороссом и потомственным дворянином Тамбовской губернии.

Уклад жизни и мировоззрение того времени сильно отличались от всего современного. Поэтому мои личные воспоминания детства, юности и получения образования могут зеркально отражать отошедшую в вечность эпоху и представлять некоторый интерес для молодых историков, изучающих прошлое Императорской России.

При моем рождении мой отец, юрист по образованию, окончивший Царскосельский Александровский лицей, был товарищем прокурора Тамбовского Окружного суда. У моих родителей до меня было двое детей: мой брат старше меня на 4 года и сестра – старше на 2 года.

В то время в России еще законов об обязательном начальном образовании и о всеобщей грамотности населения страны не было, и поэтому состоятельный и интеллигентный класс людей не посылал своих детей в начальные школы, а подготавливал их к поступлению в гимназию у себя дома при помощи гувернанток или приглашенных учителей.

В начальные же школы обычно ходили лишь дети неимущих родителей, не связанных с предрассудком общественного мнения и не могущих нанимать учителей и гувернанток; это привело к тому, что посылка детей в начальные школы стала считаться в высшем обществе плохим тоном, поэтому состав учеников начальных школ был много демократичнее состава учащихся гимназий, реальных училищ и кадетских корпусов, куда поступали дети всех слоев интеллигентного общества, и где отфильтровывались те, кто начальной школой заканчивал свой курс наук.

В нашей семье никто из детей в начальные школы не ходил, и в доме всегда жили бонны и гувернантки с французским или немецким языком и приглашались нужные учителя. Таким образом, мой дошкольный возраст прошел под надзором родителей и гувернанток, с подчинением строгой домашней дисциплине, где многие мои поступки предварительно требовали разрешения или одобрения старших.

Никакое разгильдяйство в доме не допускалось: особенно за столом дети должны были сидеть чинно, после обеда, обернувшись к иконе, перекреститься и затем подойти к матери и поблагодарить за обед. Вообще же умение держать себя за столом и соблюдение изысканных правил еды часто являлись важнейшим фактором в оценке хорошего тона и хорошего воспитания человека. Безнадзорный выход на улицу и самостоятельное знакомство с детьми улицы абсолютно нам воспрещались, и для игр мой детский круг знакомства подбирался моими родителями исключительно из детей интеллигентных семей. Аналогичные требования детского воспитания твердо проводились в нашей семье и во всем остальном.

Так протекало мое раннее детство, но, наконец, подошло время для поступления в гимназию. Тогда мой отец был Председателем Уманского

окружного суда в чине действительного статского советника, и вся наша семья жила в городе Умани Киевской губернии.

В Умани уже не было того единства русского языка, как в Тамбове: здесь город говорил по-русски, паны-помещики в своих имениях – по-польски, а деревня – по-малороссийски, в довершение всего, в торговом мире слышалась еще и еврейская речь. Но государственным языком в Уманских гимназиях, в казенных учреждениях и в гарнизоне был, конечно, русский. Русские жители Умани, как говорящие на государственном языке, были в господствующем положении, не смотря на это, с их стороны не могло быть никакого недоброжелательства к прочим народностям. Русское соприкосновение с поляками было довольно незначительным, но русские признавали польскую аристократию и ценили хорошее воспитание и изящество польского общества.

Русско-поданные поляки были абсолютно полноправными гражданами Российской Империи, и поэтому многие из них состояли государственными чиновниками или офицерами русской армии. В этом случае они сближались с русскими сослуживцами, и русско-польских разногласий здесь не бывало.

Такой пример был и в Уманском гарнизоне, где командиром Батуринского пехотного полка был поляк полковник Бояровский. Сын его Коля был моим другом и одноклассником по гимназии, и по-польски не говорил. Старший его брат был офицером. Это была преданная Царю и России военная семья, доблестно отличившаяся во время войны. Каждое воскресенье и каждый праздник полковник Бояровский отстаивал в соборе православное богослужение, после чего на Соборной площади принимал парад своего полка. Коля со своим гимназическим классом посещал тот же православный храм. Это был образец польской военной семьи, беззаветно преданной русскому офицерскому долгу, и таких в Императорской Армии было сколько угодно.

В Умани я мог наблюдать характерные особенности взаимоотношений народностей различных по языку и вероисповеданию. Несмотря на некоторую разнородность Уманского населения, нам, русским не было заметно присутствие инородцев, так как каждая группировка жила в своем мире, своей жизнью, со своей верой и языком, и никто не мешал друг другу жить, кто как хочет.

Хотя я жил в Умани в тревожные, богатые политическими событиями, революционные времена 1905 года, по своему юному возрасту я в политику не вникал и о политической стороне того времени я судить не могу. Из местных Уманских событий в памяти остался жестокий еврейский погром, организованный национальными манифестантами, певшими Русский гимн перед портретом Царя.

Русская жизнь в Умани протекала совершенно также, как и во всяком другом городе обширной Российской империи. Она сводилась у каж-

дого к своим личным интересам: у гимназистов – интересам гимназии, у чиновников – к интересам службы, у офицеров – к полковой жизни. В нашем доме гостями преимущественно были старшие чины судебного ведомства, педагогический персонал гимназий, случайно завязавшиеся знакомства; а у младшего поколения круг гостей составляла гимназическая молодежь моего возраста и возраста моих старших брата и сестры. Среди учащихся гимназии попадалось много поляков, ставших нашими школьными друзьями, и их присутствие нисколько не нарушало цельности состава и единства нашей учащейся молодежи.

Осенью 1903 года я успешно выдержал вступительный экзамен в 1-й класс Уманской мужской гимназии и начал новую интересную жизнь с расширенным кругозором, со стремлением к наукам и знаниям, и окунулся в товарищескую среду своих одноклассников. Сразу же появилось много новых впечатлений, и возникла гордость ношения формы государственного учреждения – фуражки с гимназическим гербом и ранца за плечами, наполненного книгами.

В Уманской гимназии я проучился 5 лет. При моем поступлении гимназию возглавлял старик директор – действительный статский советник Пучковский, вскоре вышедший в отставку и не проявлявший ни в чем никакой особенной энергии. Занятия в гимназии, где латинский язык стоял на первом месте, шли своим чередом, точно по расписанию и с заданием уроков на дом: точно «от точки до точки». По окончании занятий в гимназии все ученики, кроме оставленных без обеда, расходились по домам, чтобы завтра повторять все то же самое.

Но с выходом Пучковского в отставку, в Уманскую гимназию пришел новый молодой директор Янковский (даже не действительный статский советник, что должно было соответствовать занимаемой им должности). Он перевернул весь уклад жизни, поборол казенную рутину, возбудил у учащихся интерес к наукам и любовь к своей школе, и жизнь закипела не только в дневные часы занятий, но и в вечерние часы досуга.

Сам он как преподаватель русского языка и словесности сумел на своих уроках заинтересовать учеников русской литературой, но в свободное от занятий время организовал открытые литературные семинары с лекторами и оппонентами из числа учеников старших классов, устраивал спектакли и концерты при участии учеников-артистов, завел хор балалаечников и даже духовой оркестр, устраивал литературно-музыкальные и танцевальные вечера, где учащиеся кроме удовольствия в танцах приобретали навык выступать перед публикой на сцене.

Одним словом, при директоре Янковском гимназия жила, и гимназисты стали ее любить. Переход от скучной, казенной обстановки к жизни с разнообразными интересами сразу же отразился на настроении и психологии учащихся, и выявил у них много талантов и способностей, бывших до

сего времени потенциально скрытыми за неимением подходящего поприща.

С выходом моего отца в отставку и с переездом нашей семьи в Тамбов я перевелся в 6-й класс Тамбовской гимназии, где старик-директор Успенский, как и бывший Уманский директор Пучковский, управлял гимназией по заведенному казенному шаблону. Я же сразу почувствовал, как мне недостает осмысленного организованного школьного досуга, введенного в Умани энергичным директором Янковским, что расширяло кругозор учащейся молодежи и возбуждало их интерес к жизни и учению.

Итак, я перевелся и окончил Тамбовскую гимназию, мало, чем отличавшуюся от прочих гимназий Российской Империи того времени. Поэтому в своих гимназических воспоминаниях, я не выделяю только Тамбовскую гимназию, а обобщаю гимназическую жизнь России в одно целое.

Гимназическая программа, где главным предметом была латынь, вполне отвечала понятиям того времени об образованности и интеллигентности человека. Латинский язык приводил окончивших курс гимназии абитуриентов к аттестату зрелости и к поступлению в университет, а без латыни двери университета были плотно закрыты для молодых людей, окончивших реальные училища и кадетские корпуса.

Восьмилетний курс гимназии, по сравнению с семилетними курсами реальных училищ и кадетских корпусов, на лишний год задерживал гимназистов в стенах средней школы и гимназисты на год позже становились студентами или юнкерами, чем их ровесники из семиклассных школ. Компенсировалась ли эта досадная задержка в чем-нибудь другом? Конечно да. Нет никакого сомнения, что лишний год пребывания в общеобразовательной средней школе юношей в наиболее восприимчивом для наук возрасте, это намного увеличивало познания и значительно расширяло их умственный кругозор. Поэтому гимназические аттестаты зрелости были много полноправнее всех прочих свидетельств и без дополнительных экзаменов при гимназии, семиклассники в университет не допускались.

Позже зарубежные русские кадетские корпуса в Югославии перешли на гимназическую программу и многие из кадет стали инженерам, и людьми получившими высшее образование в университетах.

Прошлая оценка интеллигентности человека составлялась главным образом по степени знания латинского языка, что послужило поводом Пушкину, дать следующую биографию Евгению Онегину:

Латынь из моды вышла ныне:
Так если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать о Ювенале,
В конце письма поставить Vale,

И помнить, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Чего же вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил!

Этот издавна укоренившийся взгляд на исключительно большое значение латинского языка еще не изжил себя, и в мои гимназические годы, а вот греческий язык в мое время был в гимназии уже отменен, конечно без всякого ущерба для общего учебного дела. Эта отмена греческого языка, искренно возмущала старого юриста, друга моего отца А.И.Мирославского, который с негодованием осуждал упадок современного образования и называл нас гимназистов, не классиками, а «полуклассиками», то есть недоучками и полуобразованными людьми.

Такая однобокость понятий в области просвещения в начале XX века стала постепенно отживать, и новая программа реальных училищ без курса латыни оказалась много реальнее чем гимназическая. Она стала давать больше конкретных знаний и более широкий кругозор для понимания величайшего технического прогресса, возникшего после появления пара, электричества, моторных двигателей, воздухоплавания и прочих технических достижений.

Изучение французского языка в гимназии имело много большее значение, чем теперь, так как это был международный, дипломатический, и, кроме того, салонный язык. Без знания или хотя бы понимания французского языка, лучше было не появляться в салонах высшего аристократического и военного общества, чтобы не чувствовать себя там в довольно глупом положении. Наша классическая русская литература, и особенно в произведениях графа Льва Николаевича Толстого, была щедро пересыпана французскими фразами, которые приятнее было понимать в оригинальном тексте, чем по сноскам переводов на русский язык.

Изучение и знание делового немецкого языка сыграли большую роль в моей жизни: сперва в ходе первой мировой войны, затем в Русском Корпусе в Сербии, и, наконец, в Аргентине на службе в немецких технических фирмах до освоения испанского языка.

Постановка изучения математики в гимназиях, не требует особого рассмотрения, так как при всех обстоятельствах, дважды два всегда четыре. В таком же положении находится и физика, постановка изучения которой в каждой гимназии, отчасти зависит от богатства оборудования ее физического кабинета.

Изучение географии того времени, теперь кажется абсурдным, вследствие перекройки государств, на новый лад и громадных изменений политического строя во всем мире.

Нас учили, что кроме двух республик: Франции и Швейцарии, - во всех многочисленных европейских государствах царствовали короли, цари

и императоры, а вне Европы, еще и шахи, султаны, эмиры, богдыханы и даже цари царей. Тогда существовали такие государства, как Королевство и Империя Австро-Венгрия (Konig- und Kaisezreich), простиравшаяся от границы с Россией до Адриатического моря, где имела свой сильный морской военный и богатый торговый флот, такие государства, как неделимая Германская Империя, со столицей в Берлине, и как крохотные королевства – Сербия и Черногория.

Не было тогда ни Польши, разделенной между Россией, Австрией и Германией, ни Финляндии, входившей в состав Российской Империи. С тех пор возникли новые крупные государства, как Югославия, за счет Австро-Венгрии, вышедшая к морю Польша, две отдельных Германии, разделенных стеной позора, Израиль, Национальный Китай на острове Формозе, и множество Африканских мелких образований, как результат повсеместного выхода Азиатских и Африканских колоний из Европейской зависимости.

Могущественное Королевство Великобритания, называвшееся "страной незаходящего солнца" и "царицей морей", выигравшее победоносно две мировых войны, с потерей колоний в Индии, в Египте, в Австралии и проч. превратилась в небольшое островное королевство, потерявшее все свое мировое первенство. И если английский язык приобрел теперь дипломатическое значение, то не благодаря Англии, а благодаря Соединенным Штатам Америки.

Но самым главным и самым ужасным явлением в жизни человечества оказалось появление в мире коммунизма, разрушившего Императорскую Россию, и на месте счастливой, богатой и процветавшей Империи, образовавшего разоренную страну, орошенную слезами и кровью русского народа. Это новое государство СССР, разделившее неделимую Россию на никому не нужные Калмыцкую, Казахскую, Киргизскую, Азербайджанскую, Абхазскую и на многие прочие республики, стало рассадником зла и кровавых вооруженных столкновений по всему свету, но борьба с ним очень трудна, так как Советская Россия, возглавляемая коммунистической партией, за счет обнищания народа, вооружилась до зубов и стала супермощным государством.

Таким образом, от того чему нас учили по географии в гимназии, мало что осталось, кроме рек, морей, природы и рельефа местности, и то подверженных некоторым изменениям от руки человека.

Хотя прямое назначение всякой истории, есть изучение только прошлого, все же она должна иметь и другое назначение, служить фундаментом для понимания настоящего времени и предвидения неожиданных сюрпризов будущего. Гимназическая программа истории этих требований не удовлетворяла.

Приписывая всем предыдущим Императорам как личную их заслугу в культурном развитии России и восхваляя лишь красивые стороны ее ис-

торического прошлого, гимназическая программа истории не показывала обратной стороны медали преуменьшала и замалчивала все отрицательные стороны русской жизни, что привело учащихся, в том числе и меня, к твердой уверенности в незыблемости царствования Дома Романовых и к убеждению в отсутствии какой-либо внешней опасности со стороны соседей. И в самом деле: если на востоке Япония попробует напасть на нас, мы «япошек» шапками закидаем, а на нашей западной границе, стоит столько войск, что там никто нас пальцем тронуть не посмеет. Так одностороннее изучение истории не только в гимназиях, но и в военном ведомстве, привело русскую армию к полной беспечности и к блестящим парадом вместо боевого обучения, в результате чего ни японцы, ни немцы не побоялись напасть на Россию, приведя ее к поражению.

Предвидеть коммунизм в России, в то время было конечно абсолютно невозможно, но предупреждение о борьбе левых элементов, за свержение монархии, история давала, но на это, в правящих кругах очень мало обращалось внимания и Россия, и в военном, и в политическом отношениях оказалась захваченной врасплох.

В наш век общего падения морали и широкого распространения безбожия, с отменой уроков Закона Божьего во всех школах, даже передовых и культурных государств, трудно теперь себе представить, что в то время Закон Божий идеологически считался важнейшим предметом по курсу гимназии. При пятибалльной системе иметь оценку знаний по Закону Божьему, меньше пяти баллов, считалось стыдным и позорным. По праздникам посещение церкви было обязательным.

Преподавание русского языка и литературы требует от учителя словесности больших педагогических способностей, чем по другим предметам, чтобы действительно увлечь и заинтересовать своих учеников литературным творчеством. Подбор преподавателей русского языка в Тамбовской губернской гимназии был всегда удачным. Тамбовская гимназия называлась губернской, с тех пор, как ее основал бывший Тамбовский губернатор, известный поэт Екатерининских времен – Державин, это название оставалось за ней до наших дней. Здание гимназии с темными, сводчатыми коридорами, тоже сохранило архитектуру времен Императрицы Екатерины II.

Отвратительной советской литературы, тогда еще не было, а русская классическая литература, изучалась молодежью без принуждения со стороны начальства, с искренним захватывающим интересом.

Такие гимназические предметы, как естествоведение, гигиена, психология, логика, рисование, чистописание и законоведение, имели общеобразовательное значение, и лишь законоведение, в дальнейшей жизни подвергалось изменениям, так как справедливые царские законы, сменились явным революционным беззаконием.

Занятия по гимнастике в годы моего пребывания в младших классах Уманской гимназии вел молодой пехотный офицер местного гарнизона, превративший ее в пехотные строевые занятия, с главной задачей построения строя как по ниточке. С моим переводом в 6-й класс Тамбовской гимназии я застал там новую, интересную спортивную, сокольскую гимнастику с параллельными брусьями и прочим отличным техническим сокольским оборудованием, возглавляемую гимнастом-виртуозом чехом, еще неважно говорившим по-русски. Сокольство, имевшее не только гимнастическое значение, но и свою идеологическую сторону, вывело гимназистов на спортивные состязания с другими соколами и такая русская национальная организация молодежи, как сокола, скауты и витязи, получили широкое распространение по всей России и поныне еще существуют даже в далекой Аргентине.

И если учебная часть всех русских гимназий было однообразной, так как Министерство Народного Просвещения одобряло одни и те же учебники для всех гимназий необъятной Российской Империи, и всюду уроки по ним задавались от "А" до "Я", то жизнь каждой гимназии, в часы досуга, по праздникам и в торжествах была различной, в зависимости от энергии или бюрократической косности директора.

Выпускной гимназический бал, будь он с предварительной литературной программой как в Умани или без нее, как в Тамбове, был большим радостным событием, так как для окончивших гимназию абитуриентов, он был прощальным с родной школой и завершением многолетнего учебного труда. Выпускной бал как бы открывал путь к новой жизни, полной интересных ожиданий, и это радостное возбуждение в сочетании с танцами и общим весельем были неповторимы на балах в последующей жизни. Для не окончивших еще гимназии, этот бал был связан с радостью перехода в следующий по старшинству класс.

Бальной формой для гимназистов во всем государстве был мундир синего сукна, длиною по колени, застегнутый на девять гладких серебряных пуговиц, с серебряным галуном на стоячем воротнике и при серых брюках. Гимназистки на балах были в коричневых платьях и в белых, нарядных, кружевных передниках, с бантиками и ленточками. Гимназисты должны были быть в крахмальных воротничках и манжетах, а все танцующие обязаны были быть в белых лайковых перчатках.

Для организационной работы по устройству бала, для встречи гостей и их обслуживания, гимназисты по классам избирали распорядителей бала, отличавшихся на балу большими шелковыми распорядительскими бантами, обычно голубого цвета. Дирижер танцев, тоже с бантом на груди, дирижировал фигурными танцами всегда по-французски и танцующие даже совершенно незнающие французского языка отлично его понимали, давно заучив все французские названия фигур вальса и мазурки. Умелое дирижирование вносило в танцы большое оживление и знакомило, и сливало в

общее веселье всех танцующих в зале. Легкий буфет, с прохладительными напитками, бутербродами и сладостями, часто организовывали дамы из родительского комитета гимназии.

Танцевали в то время, так теперь называемые, старые танцы: вальс с фигурами, кадриль, польку, мазурку с фигурами, краковяк, падеспань, падекар, падепатинер, чардаш, кохеночку, хиовату и другие теперь позабытые танцы и обязательно – под военный оркестр.

Гимназические балы в стенах гимназии без блеска студенческих и офицерских форм и без дам в бальных платьях, в шелках и бархате, с откровенными декольте и с завитыми прическами, внешне были скромнее общественных балов в клубах или в дворянском собрании. Но молодость и жизнерадостность танцующей гимназической молодежи в том возрасте, когда загорался восторг первой влюбленности, а даже иногда – и первой любви, делали эти балы особенно радостными и остающимися в памяти на всю жизнь.

Заканчивая обзор гимназических воспоминаний, нельзя обойти вниманием и некоторые другие стороны гимназической жизни, вне стен гимназии. Так, например, девятилетний малыш, поступивший в подготовительный класс гимназии и с гордостью надевший гимназическую форму с гербом на синей фуражке с белыми кантами, тем самым превращался в небольшую персону, причастную к Министерству Народного Просвещения.

Такой пригостишка, почему-либо задержанный полицией, за нарушение общественной тишины и порядка, как например, за стрельбу камнями из рогатки по оконным стеклам домов с несимпатичными ему хозяевами, не мог быть посажен за решетку полицейского участка, а должен был быть препровожден директору гимназии для наложения наказания по его усмотрению.

Обязательное ношение формы и дома и на улице, способствовало успеху внешкольного надзора и воспитывало гимназистов в чувстве собственного достоинства и ответственности за непристойное поведение. Форма подтягивала внешний вид гимназиста, который надев ее, не мог иметь неряшливый и неопрятный вид ни дома, ни в гимназии, ни на улице города или в других общественных местах. Таким образом, форма с детства подтягивала и имела большое воспитательное значение, давая понятия о чести мундира и исключая всякую возможность уличного хулиганства, что наблюдается в государствах, где учащиеся средних школ формы не носят.

Оглядываясь назад, даже трудно стало вспоминать, что, будучи учеником 8 класса гимназии, я в первый раз в жизни увидел полет аэроплана, управляемого летчиком Ефимовым, объезжавшего русские города с целью заработка и прибывшим в Тамбов на платные показательные чудо гастролы. Полеты по воздуху, а тем более на Луну, в дни моего детства считались

никогда недостижимой и противоестественной мечтой, и лишь в виде фантазии появлялись в романах Жюль Верна.

Я помню появление первого и единственного примитивного автомобиля на улице Тамбова, освещаемых по ночам тусклыми керосиновыми фонарями, и помню Киев, освещаемый уже газовыми рожками. Помню Москву с Красной и Театральной площадями, мощенными булыжником, со стуком колес пролеток на железном ходу. Все наземное движение тогда происходило только на лошадях, и чудом техники были железные дороги со скоростью поездов 30 км в час, то есть даже быстрее галопа лошади. Из Тамбова в Варшаву я доезжал на третий день. И за мой недолгий век люди дошли до полетов на Луну, с посылкой оттуда телесвязи на землю, дошли до атомной энергии, способной сокрушить мир и не видно конца и пределов, будущего развития техники.

Этот технический прогресс потребовал массу талантливых инженеров и техников, и сама жизнь стала требовать не латинистов, а творчески созидательный технический персонал: изобретателей, проектировщиков и исполнителей усовершенствованных работ.

Стыдно сказать, что из двух классов основного и параллельного выпуска 1911 года из Тамбовской гимназии я был единственным, получавшим высшее техническое образование в политехническом институте, дающем при окончании диплом инженера. Кроме нескольких человек поступивших на медицинский факультет, никто не пошел по конкретному пути, ведущему к небывалому культурному техническому расцвету в мировом масштабе.

Однако по этому вопросу могут возникать разногласия. Это может быть оттого, что культурная жизнь всякой страны состоит не из одного только технического совершенства, но и из успехов деятельности и прочих профессий, имеющих первостепенное значение. Лишь общая их совокупность, каждой на своем месте может создать сильное, великое и культурное государство. Но, несмотря на ясность такого положения, у большинства профессионалов возникает убеждение, сопровождаемое самохвальством, что именно его профессия является самой лучшей, нужной, возвышенной и достойной уважения, и что представители этой профессии стоят в государстве выше всех других, на первом месте.

Поэтому обычно юристы считают себя единственными высокообразованными людьми с широким умственным кругозором, недоступным никому другому, и свою службу правосудию возвышают над всем остальным.

Доктора считают себя людьми науки, обладающими исключительно высокими знаниями и образованием, что дает им возможность оказывать пациентам общего уровня помощь и милосердие, включая часто спасение их от смерти.

Инженеры и техники считают себя носителями технического прогресса, так как без их творческого гения жизнь и теперь была бы примитивной – в халупах, освещаемых лучинами, и с ездой только на лошадях.

Духовенство по сути дела считает себя отцами духовными и с родительским авторитетом относится к пастве, как отцы к детям, которых надо поучать наставлениями и проповедью.

Артисты считают себя людьми, одаренными талантом и на них бездарная публика должна с восхищением смотреть и восторженно им аплодировать.

И вообще, представители всех других профессий умеют находить свои преимущества и заслуги, считая себя в праве гордиться и хвастаться ими.

Наиболее яркое самомнение, пожалуй, проявляют военные и офицеры, считая себя рыцарями чести, презрительно называют всех штатских шпаками. Это самовосхваление, конечно, не выдерживает никакой критики, так как офицеры кроме небольшого числа академиков не имели даже высшего образования, и их служба сводилась лишь к укреплению физической силы страны. Однако во время войны офицеры и все воины в праве претендовать на уважение к себе, так как с началом военных действий военная служба становится смертельно жертвенной, кровопролитной и сопровождается тяжелыми походами и лишениями в окопах. И если люди штатские в военное время продолжают пользоваться домашним уютом и семейным благополучием, то в этом случае военные имеют право претендовать на особое к себе уважение.

Это, конечно, относится лишь к героической службе военных на фронте, а не в глубоком тылу: ни к офицерам постоянного состава запасных полков, ни к комендантам тыловых городов и узловых станций, ни к преподавателям военных училищ и кадетских корпусов, ни к персоналу военных заводов, изготавливающих оружие и снаряды. Эти военно-тыловые должности, тоже очень нужны во время войны, но все же фронт – это одно, а тыл – это совсем другое.

И хотя, как говорится, всяк кулик свое болото хвалит, мы должны признать, что в правовом и культурном государстве, нужны все профессии и специальности, дополняющие одна другую, и что они общими силами ведут страну к расцвету и к культурному благополучию.

Однбоким историческим примером того, до чего может довести односторонняя победа оружия без участия нормального государственного аппарата, может служить татарское нашествие. Нельзя отрицать воинской храбрости татарских всадников при одном только взятии Киева, оказавшего отчаянное сопротивление (пала половина войска Батыя), но Киев все же был взят и татары дошли до Адриатического моря.

Татары воспели своих героев и слагали песни во славу их. И все же история не назвала победоносную татарскую конницу ни армией, ни вой-

ском, а сохранила татарское название «орда» – в нашем понятии воплощающее нечто низменное и недостойное воинской чести. И не только территория, занятая победоносной ордой, подверглась несправедливости, нищете, рабству и отсталости, но и сами победители-татары не стали существовать как законное, самостоятельное государство.

Все это лишний раз подтверждает, что лишь общая совокупность профессий – каждой на своем месте составляет государственный аппарат, способный вести страну к наилучшим результатам.

Я родился и вырос в семье юриста, по своей профессии дошедшего до высокого служебного поста – его превосходительства председателя Окружного Суда. Поэтому вполне естественно, что круг знакомства и подбор гостей в нашем доме составляли, главным образом, старшие чины Судебного Ведомства, и мне с детства приходилось слышать разговоры взрослых на различные темы из судейской жизни. Чем дальше, тем больше я вникал в психологию юристов и убедился, что они, как я сказал выше, считали себя единственными высокообразованными людьми с широким умственным кругозором и службу правосудия возвышали над всеми остальными профессиями.

Они твердо стояли на точке зрения, что доктора, инженеры, агрономы и прочие представители иных различных профессий хотя и получили высшее образование и соответствующие большие знания в медицине и в технике, но по получению докторских и инженерских дипломов они все же не стали людьми с широким умственным кругозором как у юристов. Они стали лишь высоко-квалифицированными знатоками своего дела, то есть, в сущности, стали знатоками, каждый своего ремесла.

Совсем другую оценку юристы давали сами себе за свои широкие взгляды на жизнь и за идейное значение своего служения правосудию. Свой кругозор и высокое образование они объясняли умением переводить на русский язык подлинную латинскую классическую литературу Овидия Назона, Тита Ливия или Гая Юлия Цезаря и прочих латинистов, и изучением римского права, а так же и современных законов, лежащих в основе правосудия.

По их мнению, юрист не должен был являться ремесленником: если у него протрутся подошвы на ботинках, он не должен сам уметь подбивать подметки, а обувь должен отдать в починку сапожнику. Если по ходу служебного процесса юристу явится необходимость разрешить медицинский или технический вопрос, он для экспертизы вызывает судебного врача или инженера и их показание прилагает к делу судебного следствия, а сам он не должен вникать в технические и медицинские дела, это дело, так сказать, ремесла. Роль юриста, по его собственному мнению, возвышенная и стоит выше следственных данных экспертов, на основании которых он судит обвиняемого, и от его решения зависит освобождение или тюремное заключение лица привлеченного к ответственности.

Дело юриста моральное и возвышенное и требует умственного развития и понимания жизненных вопросов, чтобы не обвинить невиновного и не оставить без наказания явного преступника. На суде юрист чувствует силу своего слова и от его "да" или "нет" зависит дальнейшая судьба человека, или получившего оправдание и освобождение, или приговоренного к многолетнему заключению и наказанию. Все это в юридической среде создает ореол славы правосудия, в реальность и справедливость которого юристы искренне верят, вследствие чего и восхваляют сами себя.

Мой старший брат в 1907 году окончил с золотой медалью Уманскую гимназию и о дальнейшей его судьбе в доме разговора не было. Путь из Уманской гимназии мог быть только одним: на юридический факультет Императорского Киевского университета Святого Владимира, и по этому пути он и пошел. Никаких колебаний, никаких сомнений и никаких размышлений по поводу его выбора профессии в нашем доме не было, так как оно иначе и быть не могло.

Я же в 1911 году окончил Тамбовскую гимназию, но юридический факультет меня не соблазнял, и я решил получать высшее техническое образование, дающее по окончании курса диплом инженера. Предварительно поборов возмущение в семье я поступил студентом в Варшавский политехнический институт Императора Николая II. И я благодарю Бога, что он направил меня по этому пути, давшему мне реальные технические знания, удачно позже использованные мною в эмиграции. Люди же с юридическим образованием не так-то легко в эмиграции находили себе интеллигентный труд.

Глава 3. В ВАРШАВСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Мое поступление в политехнический институт не встретило дома должного одобрения, и друг моего отца старший юрист А.И.Мирославский с искренним возмущением говорил мне: "Сережа, что ты наделал? Твой отец и твой брат, высокоинтеллигентные и образованные люди, а ты хочешь быть инженером и опозорить семью! Опомнись пока не поздно!" Но это конечно меня не переубедило.

В конце XIX и в начале XX века, то есть в мирное время перед 1-й мировой войной Российская Империя шла быстрыми шагами к высоким культурным достижениям, среди которых видное место занимали успехи развития современной техники, где русское производство отличалось доброкачеством и прочностью.

В количественном отношении, индустрия России быть может и уступала Западной Европе, но только "относительно", а не "абсолютно". Поясню примером последнюю сказанную фразу. Если сравнить "относительную" густоту русской железнодорожной сети с Западно-Европейской,

то наша сеть покажется редкой, но если взять "абсолютную" длину русского рельсового пути, в 71 тысячу верст, до войны 1914 года, то наш километр окажется среди первых в мире.

Русские технические условия во многом отличались от западных, что требовало от русского инженера более широких знаний и сообразительности, чем от заграничного шаблонного инженера, узкого специалиста только своего дела.

Сибирский великий путь, например, строился не так как всюду. Стоверстные расстояния от ближайшего жилья до места постройки, девственная непроходимость тайги и абсолютное бездорожье, все это не давало никакой возможности подвозить к месту работы ни материала, ни железных конструкций мостов, ни обозов с цементом. И все же выход нашелся! Был на месте использован неограниченный, бесплатный, крепкий, местный материал девственной тайги, все мосты временно были построены деревянными и когда по ним осторожно пошли поезда, уже не трудно стало доставлять окончательный материал, железо, цемент и подъемные краны для разгрузки и все то, что было построено временным, легко заменялось постоянным. Проявление аналогичной сообразительности и приспособление к местным условиям требовались и во многих других отраслях техники.

Из сказанного видно, что знания русского инженера должны были быть очень широкими и что его техническое образование должно было отвечать специально особым русским требованиям.

Технических факультетов, как за границей в Российских Императорских университетах не было, а высшее техническое образование, давали специальные институты, принадлежавшие даже различным министерствам; это были: 5 политехнических институтов, 3 технологических института, 2 института путей сообщения, 2 горных института, Институт гражданских инженеров, Электротехнический институт, Межевой институт и Императорское техническое училище.

И если университеты, на юридический и прочие факультеты ежегодно могли принимать без вступительных экзаменов в неограниченном числе всю молодежь, имеющую аттестаты зрелости, то здесь, предоставляя каждому студенту отдельное место в лабораториях, в кабинетах, в чертежных залах и мастерских с полным оборудованием для практических работ, высшие технические институты принуждены были ограничивать число вакансий приема вновь поступающих.

При широком стремлении русской молодежи того времени получать высшее техническое образование с дипломом инженера по его окончании, количественное ограничение приема подымало его качественно, так как при конкурсном соревновании институты получали возможность производить основательный отбор для приема лучших из числа всех участников конкурса.

Нам, бывшим гимназистам, владевшим аттестатами зрелости, стоявшим перед распахнутыми дверями университетов, трудно было конкурировать с окончившими реальные училища, лучше гимназистов подготовленных по математике, которые шли на конкурс ва-банк, пан или пропал, и готовились к экзамену у специальных "натаскивателей", хорошо знакомых со специальными ежегодными, каверзными и ехидными экзаменационными вопросами.

Не рискуя вступить в безнадежную и чрезвычайно высокую конкурсную борьбу в Москве или Петербурге, я поступил на химическое отделение Варшавского политехнического института Императора Николая II, где конкурс в прекрасно поставленный и роскошно оборудованный институт был пониже из-за политического бойкота, объявленного местным польским населением русским Варшавским высшим учебным заведениям. После студенческих выступлений 1905 года политехнический институт временно был закрыт, а после его открытия в 1907 году, он подвергся польскому бойкоту.

Сам факт антирусских выступлений говорит о том, что в Привисленских губерниях существовали шероховатости в русско-польских взаимоотношениях.

Варшава была чисто польским городом, и на улицах господствовала польская речь. Польское население Варшавы, будучи в громадном численном большинстве, чувствовало себя здесь вполне как дома, и с подчиненностью России оно в душе никак не могло примириться. Частое появление на улицах Варшавы людей в русских формах: офицеров, полицейских, студентов, гимназистов, кадет, чиновников и пр. лишний раз напоминало полякам о русской зависимости, но за несколько лет моего пребывания в Варшаве в политехнической форме, я не разу не слышал от поляков никакого недоброжелательства, но недружелюбие они высказывали своим же полякам, надевшим русскую форму политехнического института.

Варшава была настолько характерно и специфически польской, что, несмотря на многие ее превосходства над другими русскими городами, она вызывала у нас, студентов – уроженцев Великороссии, даже некоторую тоску по родине. Помню, как было приятно по дороге домой на каникулы традиционно заказывать на станции Смоленск русский борщ с настоящим русским хлебом, и слышать вокруг себя чисто русскую речь.

И если после Варшавы, называемой поляками "маленьким Парижем", Москва казалась громадной, пыльной, шумной, вымощенной булыжником деревней, но она была дорога русскому сердцу с ее колокольным перезвоном, радушием, гостеприимством и русской душой.

Вспоминая Варшаву мирного времени нельзя обойти вниманием красоту города с его историческими королевскими дворцами, театрами, парками, аллеями, с красивой современной архитектурой домов, и с общим

веселым жизнерадостным укладом польской жизни. Ведь не даром Варшавская оперетта считалась второй в мире, то есть первой после Венской.

Поистине подлинным украшением центра города в то время был величественный русский православный Храм с золотыми куполами, отличавшийся помимо редкой внешней красоты еще и внутренней его отделкой. Красота иконостаса, художество стен и мозаика были просто поразительны, а поддерживающие высокие своды колонны были сделаны из отшлифованного мрамора и гранита. После войны и революции, с объявлением Польши самостоятельным независимым государством, поляки варварски взорвали православную святыню, а дивный мрамор и гранит колоннады употребили для обозначения пешеходных переходов на уличных мостовых.

Что их побудило к такому варварству, я не знаю! Не есть ли это зависимость независимой Польши от независимых от Бога безбожников-большевиков, так же варварски разрушивших дивный Храм Христа Спасителя в Москве?

Варшава была очень чистым городом с бесшумными деревянными торцевыми мостовыми и вымытыми тротуарами, так что калоши там почти никто не носил даже в дождь. Публика на улице была очень нарядная, не допускающая никакого разгильдяйства. Дамы и барышни конкурировали между собой изяществом и нарядами, и даже горничные не выходили на улицу не покрутившись предварительно перед зеркалом. Мужчины, соответственно, тоже одевались опрятно, элегантно и со вкусом. На улицах и в парках Варшавы, как говорится, можно было и на людей посмотреть, и себя показать.

Все это, конечно, отражалось и на русских студентах. Мы ходили в институт на лекции и занятия в форменных тужурках, с большими крахмальными воротничками и манжетами, и маленькую вольность — расстегнуть воротничок мы позволяли себе лишь в жару в поле, на геодезических съемках за 30 верст от города. Студенты-поляки даже и это себе не позволяли.

Как-то, будучи проездом в Москве, со мной произошел такой случай. В сквере ко мне подошел заметно подвыпивший московский студент в университетской тужурке, надетой на малиновую косоворотку, подпоясанный шнурком с кистями, и сказал: "Коллега, подайте 20 копеек на выпивку!" Ничего подобного ни по внешнему виду, ни по костюму студента, ни по его поступку в Варшаве быть не могло. И вообще русские варшавские студенты выделялись среди общего русского студенчества.

Публика на улицах Варшавы всегда производила самое хорошее впечатление, и если приходилось спросить у прохожего по-польски, как пройти в нужное вам место, любой поляк объяснял вам все в самой вежливой форме. Но на тот же вопрос, заданный по-русски, тот же поляк так же вежливо по-русски, вкрапливая в ответ выражение "прошу пана", объяснял

вам маршрут, но в этом случае не было никакой гарантии, что он не направит вас в противоположную сторону. Такие случаи бывали нередко. Аналогичные проявления невинного польского шовинизма в Привисленском крае наблюдались довольно часто, чего совершенно не было в Центральной России. Приведу примеры.

Мой родной дядя (брат матери), Петр Сергеевич Гусев, крупный тамбовский помещик, ученый-агроном, получивший высшее образование в Москве, польского языка, конечно не знал, и проездом в Германию, пользовался русским и немецким. Проезжая по Варшавской губернии, он зашел в вагон-ресторан скорого поезда и хотел заказать обед, но лакей-поляк не понимал русского языка, и пришлось объясняться на пальцах.

Спустя немного времени в вагон-ресторан вошел русский офицер, и тот же лакей заговорил с ним на чисто русском языке. Когда же мой дядя пообедал, и дело дошло до расплаты, лакей опять перестал понимать по-русски. Из-за невозможности договориться о стоимости обеда дядя положил приготовленные деньги обратно в карман и сделал вид, что собирается уходить, лакей быстро вспомнил только что забытый русский язык, и расчет произошел без всяких затруднений.

Когда я после окончания Тамбовской гимназии приехал в Варшавский политехнический институт, там я встретился со своим другом Колей Бояровским, сыном командира Батурина полка, одновременно со мной обучавшегося в Уманской гимназии. Мы встретились, расцеловались и дальше стали учиться вместе.

Коля приехал в Варшаву, не зная ни слова по-польски, но здесь он почувствовал себя врожденным поляком и начал учить польский язык. Однажды идем мы вдвоем по главной улице города, и вдруг Коля демонстративно плюнул на тротуар.

- Коля, что ты делаешь? – спросил я его.

- Я плюнул потому, что встретил попа.

И, действительно, нам повстречался русский священник, никого и ничем не затронувший. Идем дальше. Коля снова плюется, хотя никаких предосудительных встреч не было.

- А теперь, Коля, почему ты плюешься?

- А как же? Ведь мы проходили мимо памятника Паскевичу!

По своему историческому прошлому Польша была значительным и культурным европейским королевством и ее три раздела, несмотря на сопротивление и восстания, были большим насилием, совершенным над свободным и независимым Польским государством. Таким образом, при полном равноправии в России, Польша находилась как бы в известном русском порабощении, и польский народ был вправе желать полной самостоятельности с польским государственным языком в своей стране.

При таком положении естественно возникал польский патриотизм, и нет ничего удивительного, если среди поляков могли попадаться люди,

недоброжелательно настроенные по отношению к русским властям, а попутно — и к русскому народу.

Варшавяне считали, что они живут в Царстве Польском, и спрашивали нас: "давно ли вы из России"? Мы же считали, что и здесь Россия или, во всяком случае, Российская Империя.

Хотя Варшава с коренным польским населением была чисто польским городом, русская жизнь в ней текла своим обособленным чередом, даже без знания польского языка. Поляки же хорошо владели русским, с детства изучая его во всех начальных и средних польских школах. Я говорить по-польски не научился, так как целые дни с утра до вечера проводил в Политехническом институте за изучением наук на русском языке. В свободное от занятий время моя жизнь проходила в кругу русской молодежи, а если надо было что-либо купить в городе, то польские купцы всегда отлично знали русские названия своих товаров.

Русская жизнь в Варшаве принадлежала государственным чиновникам с их семьями, студентам высших учебных заведений, учащимся русских гимназий, отдельным жителям русского происхождения и, конечно, войскам, чрезвычайно многочисленным в Варшаве и во всех Привислинских губерниях ввиду близости границ с Германией и Австро-Венгрией.

Войска занимали особенно видное место в "русской Варшаве", чувствовавшие себя здесь хозяевами положения, так как после победоносных действий фельдмаршала Суворова и генерала Паскевича на их штыках фактически держался порядок в Варшаве, вокруг нее и во всем Привислинском крае.

В Варшаве, в самом городе стояли блестящие части русской гвардии: лейб-гвардии Литовский, лейб-гвардии Волынский, лейб-гвардии Кексгольмский и лейб-гвардии Санкт-Петербургский пехотные полки, лейб-гвардии Уланский Его Величества полк, лейб-гвардии гусарский Гродненский полк и гвардейская артиллерия. В Варшаве были сосредоточены штабы многих крупных военных соединений Варшавского военного округа и Пограничной стражи Привислинского края. Вокруг Варшавы, в непосредственной близости, и вдоль границ России было расквартировано видимо-невидимо различных войск Российской Императорской армии, так что и армейские офицеры бывали частыми посетителями города Варшавы.

В Варшаве никаких выпадов польского населения против русского офицерства никогда не бывало, и очень много офицеров польского происхождения служило именно в полках со стоянками в Привислинском крае.

Варшавские русские средние учебные заведения были точно такими же, как и все другие в необъятной России: та же учебная программа, те же умственные интересы молодежи; те же педагоги, с удовольствием ставившие "кол" нерадивому ученику; те же гимназистики в синих мундирчиках с серебряными галунами и пуговицами; те же гимназисточки в коричневых платьях в будни — с черными, а в праздники — с белыми кружевными пе-

редничками; те же кадеты, здесь – Суворовского корпуса, с трафаретами "Сув." на красных погонах... Та же обычная жизнь учащейся молодежи со скучной зубрежкой наук, чередующейся с гимназическими балами в залах гимназий, где было весело и зарождалась первая невинная влюбленность.

Польских высших учебных заведений в Варшаве в то время не было, а из русских: Варшавский Императорский университет, Варшавский политехнический институт Императора Николая II и Варшавский ветеринарный институт. Форма университета и Ветеринарного института была общей для всей России, а форма Политехнического института была общего со всеми покроя, но с поперечными погонами темно-зеленого бархата с накладными массивными золотыми коронованными вензелями Императора Николая II.

Варшавский университет был единственным в России, предоставлявшим право поступления в него лицам окончившим духовные семинарии, и это привлекало их из русских отдаленных мест, что вносило в университетскую студенческую среду чисто русский духовный оттенок.

Программа Политехнического института была очень серьезной. С удачным поступлением в него еще не заканчивались мытарства, тревоги и нервное напряжение студента-первокурсника. Дело в том, что за первый год обучения в институте студент-политехник должен был сдать обязательный минимум экзаменов, практических и графических работ, невыполнение чего влекло увольнение его из института, а для возвращения обратно надо было снова, как со стороны, участвовать в новом приемном конкурсе, но еще неизвестно как он пройдет в новом учебном году. Этот вторичный, строгий студенческий фильтр окончательно оставлял в институте студенческий контингент, который в дальнейшем обучении мог спокойно и серьезно продолжать свое высшее техническое образование.

Занятия в технических институтах требовали от студентов очень много труда, напряжение и личных способностей. Студент буквально раздирался на части, так как нужно было поспеть и на дневные лекции и на вечерние решения математических задач, работать в чертежном и рисовальном залах, в химической и физической лабораториях, на станции испытания сопротивления материалов, в котельной, на электрической станции, в минералогическом и кристаллографическом кабинетах, в музее строительного искусства, практически работать с микроскопом, с геодезическими инструментами, участвовать в научных экскурсиях на фабрики, заводы и постройки и т.д.

Научно-техническая и учебная программа Политехнического института была очень обширной, и иностранцы не верили, как можно было изучать на химическом отделении геодезию, а мне в дальнейшей заграничной жизни, именно знание геодезии принесло большую пользу на изыскании трасс для постройки новых железных дорог в Югославии.

По праздникам, когда институт бывал закрыт, и подзубривать можно было только дома, студент находил время оторваться от книг и вспомнить

молодость. В этом случае город открывал перед ним двери, а в Варшаве было что посмотреть и где повеселиться. Русская Варшава была многолюдна, с развлечениями, театрами и клубами, где можно было познакомиться и потанцевать с русскими барышнями и курсистками. Окрестности Варшавы тоже были красивы: дачные местности утопали в сосновых лесах, и приятно было кампанией русской молодежи выехать на лоно природы.

Студенты, как и государственные чиновники в свободное время имели возможность окунаться в жизнь веселого, музыкального и жизнерадостного города, не выходя из круга русского знакомства, если только изящные польские женщины очаровательными улыбками не отвлекали к себе их внимания.

Летние каникулы не приносили студенту-технику желанного отдыха, так как минимум три лета уходило на геодезическую, строительную и заводскую практику. Зато летняя практика обычно была очень интересной и поучительной и даже часто приносила студенту хороший заработок – первый на его техническом поле деятельности.

В институт я поступил в 1911-м году, что теперь кажется допотопным веком, времена примитивной конной тяги и коптящих керосиновых ламп. На самом же деле, это был уже начальный, творческий, прогрессивный век, когда только что были изобретены три главных фактора технической культуры: электричество, мотор и железобетон. Эти новшества техники легли в основу использования теперь всех многочисленных видов электрической энергии, в основу развития работы мотора, в воздухе, на суше, в море и в космосе, и дали возможность поднять ограниченную высоту строительства с железобетонными каркасами до высоты стоэтажных небоскребов.

Техническое творчество, в мои студенческие годы, что ни день, приносило все новые и новые ошеломляющие сведения, но о возможности полета человека на Луну и о посылки оттуда на Землю киносъемок по телевидению, мы в то время не могли ни думать, ни воображать.

Из всего сказанного видно, как трудны, но и как интересны были технические науки моего времени, и как, обладая широким кругозором, инженеры и студенты-техники должны были быть вдумчивыми и восприимчивыми для понимания творческих новшеств техники того времени.

Мое учение в Политехническом институте шло вполне успешно и казалось, что нет оснований не довести его до конца, то есть до диплома инженера-технолога. Будучи сыном состоятельных родителей, я не ставлю себе в заслугу получение нормального высшего образования, тем более что студенческие годы не без основания принято считать лучшими годами человеческой жизни.

За время моего долголетнего обучения в Политехническом институте я успел сдать много математических, общеобразовательных и техниче-

ских экзаменов, пройти практические занятия в химической лаборатории и в физическом и минералогическом кабинетах, выполнить все графические работы по механике, топографии и архитектуре, включая эпюры с задачами по начертательной геометрии и завершить зимние работы в институте летними практиками, в поле и на постройках, с исполнением там должности помощника инженера.

Из всего, чему я научился, наиболее полезным в моей будущей жизни оказались: химия – во время войны, геодезия и строительное искусство – в Европе, а технология металлов – в Аргентине.

В моей личной жизни все шло отлично. Я был материально обеспеченным студентом, твердым шагом шел к диплому инженера и никогда не думал, что события государственного масштаба могут прервать мое высшее техническое образование.

Таким образом, детство, отрочество и юность нашей генерации протекли в нормальной обстановке мирного времени, с полной уверенностью в завтрашнем дне и без предвидения жестоких, грозных событий, могущих перевернуть вверх дном весь личный и государственный уклад жизни.

Колоссальный перелом в жизни, не только в России, но и во всем мире произошел с началом 1-й мировой войны, и нет ничего удивительного в том, что этот перелом коснулся и лично меня.

После призыва Государя, всем как один русским людям встать на защиту Родины, в возвышенном патриотическом подъеме откликнулось лучшее студенчество, заполнившее широко открытые военные училища, чтобы научиться быть сменой офицерам, павшим в честном бою на поле брани и чести. И не моя вина, что я, прервав высшее техническое образование, рассчитывал продолжить и закончить его в России по окончании войны, а получилось так, что я сейчас пишу свои воспоминания из отдаленной Аргентины.

Как с неба свалилась жестокая, кровопролитная, и нам совершенно ненужная, первая мировая война... Так по чужому желанию бывает сорвана красавица-роза именно в самый момент ее полного расцвета и чудесного благоухания, с тем, чтобы эта сорванная роза обречена вскоре обязательно завянуть.

Глава 4. НАЧАЛО ВОЙНЫ И РУССКИЙ ПАТРИОТИЗМ, ВЫЗВАННЫЙ МАНИФЕСТОМ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ОТ 20 ИЮЛЯ 1914 ГОДА

28 июля 1914 года в городе Сараево выстрелом сербского террориста, были убиты Австрийский престолонаследник Франц-Фердинанд и его супруга. Считается, что это убийство послужило поводом к началу первой мировой войны.

История Сараевского преступления давно широко и подробно описана в мировой военно-исторической литературе, и на этом вопросе я останавливаться не буду. Однако более чем полувековая давность, пресекая жизнь пожилых и состарившая молодых современников начала первой мировой войны, привела к забвению многих событий того времени. Это заставляет меня кое о чем напомнить, чтобы мои последующие воспоминания были бы ясны и понятны уважаемому читателю.

Всякая война имеет повод и причину ее возникновения, при чем повод есть только придирка, чтобы войну начать. Если война назревает, то рано или поздно она должна разразиться. Если данный повод окажется недостаточным, то война будет временно отложена до более яркой и активной вспышки. И вот поводом к первой мировой войне послужило Сараевское убийство, как бы давшее право Германии, осуществить свою долгожданную "причину" войны, заключавшуюся прежде всего в лозунге: "Deutschland, Deutschland uber alles", то есть стремление Германии к мировому первенству и господству.

Подвернулся удобный случай, чтобы под предлогом наказания, раздавить независимую Сербию, а заодно и другие славянские государства на Балканах. Вместе с тем, попутно завоевать себе Европейскую Россию, как необходимое для Германии Lebensraum – жизненное пространство, выкинув русских Untermensch'en за Урал, в Сибирь. Я написал непереводное слово Untermensch по-немецки, так как в русском языке такого слова нет: есть слова - подполковник, подпоручик, унтер-офицер, но слова подчеловек, или слова унтер-человек, в русском языке нет.

И хотя русский Lebensraum, считавшийся уже немцами как бы своим, не был еще синицей в руках, а был лишь журавлем в небесах, – немцы уже заранее поделили шкуру убитого русского бурого медведя и разрабатывали план немецкого переселенческого движения на освободившуюся русскую землю.

Немецкая самоуверенность и убежденность, что Blitzkrieg (молниеносная война) принесет Германии быструю и неоспоримую победу над Россией, видно из следующего исторического эпизода.

5 июля 1914 года в Потсдамском дворце австрийский посол в Берлине граф Чеджени лично передал письмо Императора Франца Иосифа, Императору Вильгельму II, с просьбой поддержать Австрию, в ее столкновении с Сербией.

Прочитав письмо, Кайзер заявил графу Чеджени, что Австрия в праве рассчитывать на полную поддержку Германии, хотя действия Австрии могут вызвать вмешательство России. Но Кайзер и этого не боится: "еще не беда, если из этого произойдет война с Россией". Вильгельм при этом отметил, что Россия совершенно неподготовлена к войне, и прежде чем решиться на мобилизацию, она должна сильно подумать.

С нахальной самоуверенностью вели себя немцы и во Франции. Первого августа 1914 года, президент Пуанкаре и его министры думали, что германский посол помешался и вышел из ума, когда в категорической форме он изложил свои невероятные требования: "По поручению своего правительства, имею честь просить правительство Франции реально подтвердить свое стремление на сохранение нейтралитета в настоящем конфликте. Как фактическую меру доказательства Германия требует немедленного очищения, всех восточных укреплений Франции от войск". Это циничное требование поразило и возмутило французских министров, и надо ли упоминать, что эвакуация мощных фортов, защищающих Францию с востока, не могла даже подвергнуться обсуждению? Предложение фон Шека было понято, как явное желание спровоцировать войну, что, и оказалось совершенно верным.

Все стремления России и Сербии передать возникший конфликт на мирное рассмотрение в Международный суд в Гааге успехом не увенчались, и России пришлось встать не только на защиту маленькой славянской Сербии, но и на собственную самозащиту, так как дерзкий враг привел в исполнение наглую инициативу нападения на искренне миролюбивую Российскую Империю.

Сказанное выше не есть мое личное мнение или фантазия, с которыми никто не обязан считаться. Манифест Государя по поводу войны, является неоспоримым и вечным историческим документом большого мирового значения. Для большей ясности и убедительности в подтверждение сказанного, даю выдержки из Царского манифеста, так как много лет спустя, не все его помнят и не все его знают.

Высочайший манифест: "Божьей милостью, Мы Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая... Объявляем всем Нашим верным подданным: Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взидала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особую силу пробудились братские чувства русского народа к славянам, когда... презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные принять необходимые меры предосторожности, но, дорожа кровью и достоянием наших подданных, мы прилагали все усилия к мирному исходу переговоров. Среди дружественных сношений союзная Австрии Германия, вопреки нашим надеждам на вековое дружное соседство, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не только заступаться за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России, и положение ее среди великих держав.

Мы непоколебимо верим, что на защиту русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши поданные, ...и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек дерзкий натиск врага.

С глубокой верой, ... мы молитвенно призываем... Божье благословение. 20 июля 1914 г. ...подписано НИКОЛАЙ".

Под нависшей угрозой порабощения России обнародованный Царский манифест с призывом Государя Императора всем, как единому человеку, встать на защиту Родины, мгновенно вызвал небывалый патриотический подъем во всем русском народе до самых отдаленных мест Империи.

Подъем патриотизма был действительно всенародным, но так как он застал меня в мои студенческие годы, я несколько детальнее остановлюсь на психологии студенчества, добровольно откликнувшегося на Царский манифест и оказавшегося неисчерпаемым источником, пополнявшим поредевшие ряды боевого офицерского состава.

Студенты, пользуясь отсрочками для окончания высшего образования или службой по специальности в тыловых учреждениях и в военной индустрии, легко могли уклониться от фронта. Но студенчество добровольно шло и переполняло все военные училища, чтобы там получать знания и права на совершение воинского офицерского подвига в действующей армии. На их взгляд, военные училища, как и университеты, были храмами науки, — науки побеждать, науки вести войска в бой, а не на убой, науки технологии новейшего оружия и науки, охватывающей все стороны военного искусства.

По совершенно непредвиденным обстоятельствам, работая в химической лаборатории политехнического института, и того не зная и не подозревая, я как бы готовился к предстоящей сказочно-чудовищной химической войне. И с ее началом, мы, химики-технологи и университетские химики, неожиданно оказались более подготовленными к такой неожиданной войне, чем кадровые офицеры. И на наши плечи легла организация химических войск, быстро сумевших дать немцам такой реванш, что отбили у них раз и навсегда всякую охоту продолжать это новое всесокрушающее средство войны, на которое возлагались большие надежды.

Студенты — люди молодые, их жизнь еще впереди, и не столкнувшись еще с житейскими дрызгами и невзгодами, в их головы всегда лезут всякие отвлеченные идеи, готовые вылиться в зависимости от обстановки в различные энергичные и реальные поступки. Пользуясь этим, революционерам часто удавалось сбивать невинных юношей на свой предательский путь, посылая их даже на политические убийства, стоивших жизни и им самим. И до сих пор еще студенчество вмешивается в политические события своих стран, устраивая забастовки, вместо того чтобы учиться.

В мои студенческие годы грянула первая мировая война, и манифест Государя Императора привлек к себе пылкую идеологию, и полную сил

энергию студенчества. И направил студентов на доблестный путь воспламенившего патриотизма с жадой, каждого из них, встать на защиту Родины.

Начало войны застало меня студентом старших семестров химического отделения Варшавского политехнического института Императора Николая II во время летних каникул, на строительной практике. После выдержанного экзамена по строительному искусству я практиковал на постройке больницы Красного Креста в Тамбове на положении помощника инженера, что было интересно, поучительно и хорошо оплачивалось. Уже не так далеко мне оставалось до диплома инженера-технолога, так что, казалось бы, мне не следовало бы ни при каких обстоятельствах прерывать высшее техническое образование, но в то же время, нельзя было оставить призывной манифест Государя Императора без должного внимания.

В то время все были уверены, что коварно напавший на нас враг будет скоро отброшен, и после войны Российская Империя снова перейдет к новой счастливой и нормальной, мирной жизни. Но чтобы отбросить врага, сперва всем нам надо было по Царскому призыву встать на защиту Родины, так как враг никогда добровольно сам назад не уйдет. Того, что произошло после войны, никто конечно тогда не ожидал, и предвидеть не мог.

Всеобщий высокий патриотический подъем, вызванный войной, естественно прежде всего захватил русскую идейную золотую молодежь, в лице студенчества, а в том числе затронул и меня. Я рассуждал так: "Жаль прерывать получаемое высшее образование, но этот перерыв считался временным, с тем, чтобы мне по окончании войны закончить политехнический институт".

Встать на защиту отечества, я считал долгом каждого русского патриота. Себя я счел морально особенно "добровольно-обязанным", так как я был тогда молодым, способным носить оружие, холостым, то есть несвязанным обязательством содержать семью, жену и детей. Кроме того, воинская доблесть и военный подвиг мне казались чрезвычайно красивыми и заманчивыми. Так рассуждал не я один, а многие студенты, перешедшие в военные училища.

И если переход на военную службу во время войны я считал своим долгом, то выбор рода войск я счел своим правом и как тамбовский коннозаводчик, с детства привыкший к лошади и к лихой езде, я избрал кавалерию. Не говоря об этом дома, чтобы не встретить оппозиции своей матери и родных, я самостоятельно подал прошение о приеме меня в Елисаветградское Кавалерийское Училище, откуда 1 февраля 1915 года я вышел офицером в 1-й гусарский Сумской полк. А высшее военное образование я позже продолжал на Высших Военно-Научных Курсах профессора Головина, в Белграде. И хотя сейчас я живу в далекой Аргентине, свой долг перед родной Россией, я считаю исполненным.

Подробно описывая студенческий патриотизм, коснувшейся также и лично меня, я не умаляю достоинства и общего русского патриотического

подъема, который ярко вспыхнул во всех слоях населения России. Так как среди них было много интеллигентных людей, способных пойти на пополнение убыли в боевом офицерском составе, но не все из них имели должный образовательный ценз для поступления в военные училища. Поэтому во время войны было открыто много школ прапорщиков со льготными условиями приема.

По своему патриотизму, и по жажде воинского подвига школы прапорщиков никак не отставали от военных училищ, и прапорщики оказались истинными героями войны: они или погибали в боях, или доходили за боевые отличия даже до штаб-офицерских чинов и должностей. Точно с тем же патриотизмом молодые девушки и женщины проходили курсы сестер милосердия, готовясь к совершению на фронте чудес жертвенного подвига.

Всеобщее народно-национальное чувство, возникшее с началом первой мировой войны, широко охватило всю Россию. Взрыв патриотизма после Царского манифеста по своему масштабу был единственным во всей русской истории. И если Минину и Пожарскому был воздвигнут памятник в Москве, а подвиги Бородинской битвы увековечены многочисленными памятниками и исторической памятью, то всенародный национальный подъем 1914 года по своему объему превзошел все прошлое и должен быть ознаменован как событие совершенно исключительное, высокопатриотическое и грандиозное.

К сожалению, наша русская зарубежная национальная литература почти не затрагивает этого очень важного вопроса, и приходится признать, что советские писатели, оказали ему много больше заслуженного внимания, чем это сделали писатели-эмигранты. Эти чрезвычайные события описаны Солженицыным, в бытность его в Советском Союзе в его облетевшей весь мир книге "Август четырнадцатого". Там яркий революционер студент Саня после Царского манифеста вдруг почувствовал себя русским патриотом и поступил в военное училище, несмотря на отчаянный протест со стороны его подруги, курсистки-революционерки Вари. Аналогичные примеры встречаются и у других советских писателей.

Современной молодежи, родившейся и проживающей в демократических странах зарубежья, быть может, непонятен вышеописанный всенародный русский патриотический подъем, но зато он был понятен и ясен русской молодежи, в сороковых годах проживавшей в Югославии и в Болгарии. Когда при первоначальных успехах Гитлера против Советов в русской эмиграции мелькнула последняя надежда, что германский вермахт сметет с лица земли советскую власть. Аналогичный взрыв патриотизма охватил русских на Балканах, и при формировании Русского Корпуса в Сербии абсолютно добровольно явились тысячи русских патриотов. Старые генералы, офицеры, студенты, юнкера, кадеты и гимназисты, - плечом к плечу дружно пошли в поход, и учащиеся прервали среднее и высшее

образование, продолжая его в юнкерских ротах, непосредственно на боевых позициях, с потерями убитыми и ранеными.

Оглядываясь назад, нам никогда не следует забывать, что первая мировая война стоила России 2,5 миллиона убитых, не считая многих миллионов раненых, и оставила много жертв, калек, вдов, сирот и родителей, потерявших сыновей, были разрушены большие культурные ценности, села, горда и пр.

Жертвы войны не должны быть забыты.

Подвиг и доблесть не могут умалять своего достоинства, ни при каких условиях и неудачных обстоятельствах войны. И выполненный воинский долг воина, есть, несомненно, высшее моральное достижение человека.

Пусть эта глава ляжет свежим, душистым венком роз, на незабытые и на неизвестные могилы русских героев, павших смертью храбрых в жестоких боях, взамен цветов, увядших на этих могилах за многолетний срок русской трагедии.

Глава 5. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ОБЩИЙ ОБЗОР

Война имеет свои законы и высшее командование должно их хорошо знать и понимать, а строевой воин, идущий на фронт, не должен говорить: "я готов умереть за Родину", так как со смертью кончается его боевая служба родине, а должен себе внушать и утверждать: "я готов побеждать, и защищать родину до победного конца, а если случайно буду убит, — то это не моя цель, а лишь несчастный случай".

Самый главный закон войны, который твердо должны знать все военачальники, заключается в том, что с первого же убитого воина каждая армия начинает ослабевать, сперва на одного, двух, трех... человек, затем на десятки, тысячи, миллионы убитых людей, что в конечном результате приводит всякую армию к моменту *отказа* от борьбы и *сопротивления*.

Из двух воюющих сторон, та армия, где отказ от сопротивления настанет раньше, окажется побежденной, а армия, сохранившая хоть какую-то минимальную боеспособность, окажется победительницей. Поэтому основное условие победы — есть *сбережение живой силы* армии, то есть людей при помощи новейших технических средств войны от воздействия численно и качественно превосходящего противника, современного вооружения.

Пример: Во время Великой войны, Антанта потеряла убитыми 5.350.000 воинов, из них: Россия - 2.500.000 - 47%; Франция - 1.300.000 - 24%; Британия - 700.000 - 13%; Италия, Сербия, Румыния и США - 850.000 - 16%.

Цифры говорят за то, что отказ от боевого сопротивления, поддержанный революцией, должен был наступить раньше всех других именно в

русской армии, как наиболее пострадавшей из всех армий Антанты. И с моральной стороны Россия жертвенно заслужила первенство на отдых за свои боевые успехи, равных которым в Антанте не было. Трофеи Русской армии в 6 раз превышали трофеи всех остальных союзных армий вместе взятых. Взято пленных: Россия - 2.200.000; Англия - 90.000; Франция - 160.000; Италия - 110.000 чел.

В Отечественную войну Кутузов, сдав Москву Наполеону, ценой Московского пожара сохранил живую силу своей армии, что закончилось изгнанием Наполеона из России и победоносным входом русских войск в Париж.

Во вторую мировую войну, Советская Армия, отступая перед войсками Гитлера на Кавказ и на Волгу, тем самым тоже сохранила свою живую силу; и в результате – ею был взят Берлин, и немцы безоговорочно побеждены.

Из сказанного видно, что для одержания окончательной победы необходимо по ходу войны упорно наносить противнику тяжелый, планомерный урон ценою лишь самых минимальных потерь в составе своей людской живой силы. Но чтобы сокрушать врага, сохраняя собственные силы, мало одной только воинской доблести войск, но нужна и соответствующая обстановка для военных действий, ведущих к победе. Нельзя, например, самому храброму воину штыком сражаться с танком или аэропланом, а для этого надо иметь противотанковое и зенитное оружие.

Условий для создания необходимой обстановки, способствующей боевому и победоносному успеху очень много. Сюда входят:

- ✓ Готовность государства к войне, еще по мирному времени.
- ✓ Патриотическая и строевая подготовка будущих воинов.
- ✓ Осмысленное и понятное по идее вступление в войну.
- ✓ Удачно избранная доктрина войны.
- ✓ Доблесть войск и талантливость полководцев.
- ✓ Бесперебойное снабжение войск боеприпасами, питанием, обмундированием, топливом и проч.
- ✓ Военная индустрия страны и вооружение армии новейшим оружием.
- ✓ Технические средства передвижения и сеть дорог.
- ✓ Союзы против общего врага, для взаимопомощи, с сохранением собственного патриотизма каждой их сторон, ...и многое другое, а главное неукоснительное условие победы, - тщательно обдуманная посылка войск в бой, а не на убой.

К великому сожалению при вступлении России в первую мировую войну многие из этих условий высшим командованием предусмотрены не были, и мы подошли к войне совершенно неготовыми.

На стороне немцев оказались все преимущества в смысле качества и количества вооружения, бесперебойного снабжения, активности военной

индустрии, дорог, транспорта, огня, моторизации и прочее. И всему этому мы противопоставляли безграничную доблесть русских героических войск, наших Суворовских чудо-богатырей, которые, оставаясь без патронов и снарядов, отбивались от огня противника шашкой и штыком.

Ясно, что при таких условиях русские герои несли большие потери, в составе живой силы, что профессор Академии Генерального Штаба генерал Головин охарактеризовал так: "Немцы воюют огнем, а мы капиталом крови", то есть, платя за каждую одержанную победу кровью и жизнями своих бойцов.

В чужих интересах или часто даже совсем неоправданно посылали русские войска не в бой, а на убой. Эта мысль красной нитью проходит через всю русскую историю первой мировой войны. В подтверждение сказанного, приведу три исторических примера.

Пример 1. Предчувствуя неизбежный роковой исход событий 1914 года, президент Франции Реймонд Пуанкаре, чтобы удостовериться в прочности франко-русских уз незадолго до войны посетил Санкт-Петербург для личного свидания с Царем, из уст которого он желал услышать обещание о поддержке Франции, в трудную для нее минуту.

Президент был встречен в России торжественно и сердечно, и Пуанкаре убедился в искренней дружбе России. В его честь на Красносельском поле состоялся Высочайший парад 100.000 русских войск, произведший на президента Франции неизгладимое впечатление. Затем Великий князь Николай Николаевич, передал высокому гостю золотой кубок, с выгравированной надписью: "Объединенные для славы, спаянные смертью... Это долг солдата, это удаль храбрецов..."

В августе 1914 года, когда война только недавно началась, и когда немцы стали уже сильно угрожать Парижу, французское правительство обратилось к Императору Николаю II с просьбой спасти Париж от германской оккупации. Великий князь Николай Николаевич поддержал эту просьбу, хотя отлично понимал, что Россия еще не готова, мобилизация еще не закончена и армии Ренненкампа и Самсонова еще не могут успешно наступать. Поэтому наступление на Восточную Пруссию, имевшее целью оттянуть германские войска от Парижа, приняло характер подлинной жертвы, с переброской русских войск не в бой, а на убой.

Армия Самсонова погибла без пользы для России, но для Франции цель была достигнута. Так как переброшенные на русский фронт два пехотных корпуса и одна кавалерийская дивизия - 80.000 человек были сняты германцами как раз с того участка, где неделей позже, во время битвы на Марне, прорвались английская дивизия маршала Френча и полки французского генерала Франшэ д'Эсперэ, отрезавшие армию Клука от армии Бюлова и заставившие немцев отступить. Париж был спасен.

Потеря целой армии в первый же месяц войны, была первым крупным шагом к наступлению будущего момента русского отказа от боя и сопротивления со всеми его последствиями.

Пример 2. Один из многочисленных безумно кровопролитных случаев войны, описан в истории 13-го лейб-гренадерского Эриванского Царя Михаила Федоровича полка в бою у деревни Загороды 19 мая 1915 года.

Здесь прославленный полк вновь показал чудеса жертвенности и храбрости. Несмотря на колоссальные потери - за один лишь день в полторы тысячи человек, из коих 600 человек убитыми, — атака полка захлебнулась в организованном огне противника, и полк отступил, не достигнув никаких результатов.

Безумная атака эриванцев без должной артиллерийской подготовки и сопровождения, без предварительного разрушения огнем артиллерии неприятельских бетонных укреплений и проволочных заграждений привела к тому, что полк, дойдя до проволоки, залег под ней и с наступлением темноты безрезультатно отошел с громадными потерями.

Такая неудача не только не умаляет достоинства славных гренадер, отдавших свою жизнь за родину, но усугубляет их храбрость, так как во исполнение безумного приказа, равного самоубийству, они не дрогнули и без рассуждений пошли туда, куда идти не было никакой физической возможности, так как там все живое сметалось ураганным огнем противника.

Осуждая чрезвычайно плохо организованную атаку по принципу расплаты капиталом крови, без соответствующей подготовки, без использования современных технических средств, без инициативы в руках командира полка и без военно-тактических знаний, - и в то же время давшую противнику счастливую возможность обороняться в комфортабельных условиях, сидя в неповрежденных укреплениях, расстреливая огнем из предусмотрительно оборудованных пулеметных гнезд эриванцев, застрявших в непроходимой проволоке, - нельзя не поболеть душой за героев лейб-гренадер.

Легко воспевать суворовских чудо-богатырей, всегда победителей, но трудно воспевать без вины виноватых эриванских богатырей, не имевших начальников равных Суворову и попавших в жуткую обстановку захлебнувшейся атаки. Эта атака еще раз ярко подтверждает, что для победы одной воинской храбрости еще недостаточно, и что посылать войска всегда следует в хорошо обдуманый бой, но никак не на бессмысленный убой.

Описанную атаку Эриванского полка 19 мая 1915 года не только нельзя считать единственным в своем роде случайным эпизодом 1-й мировой войны, но можно даже назвать типичным примером того, как хладнокровно и равнодушно посылались русские войска на верную бесцельную смерть иной раз по ошибке или бездарности начальства, а иногда и вполне

умышленно и сознательно, в угоду дорогих союзников, привыкших воевать за счет капитала русской крови.

Все эти излишне колоссальные потери живой силы и привели в конце концов Россию к отказу от сопротивления, выразившемуся в революции, в братании с противником, в избиении сегодня своих еще вчера любимых офицеров, требовавших от солдат исполнения боевых приказов, и в переходе масс на сторону Советов, суливших прекращение войны.

Пример 3. Один из бесчисленных случаев посылки войск не в бой, а на убой без малейшего достижения результатов, но дорогой ценой жизней людей произошел в 3-м Конном корпусе генерала графа Келлера в 1916 году.

В то время этот корпус входил в 9-ю Армию генерала Лечицкого, и посаженный в окопы вдоль реки Прут, имел пассивную задачу обеспечения левого фланга 9-й Армии. Самолюбивого графа Келлера не удовлетворяла такая пассивная роль спешенной конницы, особенно когда обнаружился крупный успех прорыва наших войск под Луцком, на Днестре и в Черновицком направлении, и слава генералов Брусилова, Каледина, Деникина и других военачальников, прогремела на всю Россию. Ему, что называется, не сиделось на месте, и он три раза посылал генералу Лечицкому телеграммы, прося разрешения "рвать" Корпусом на его участке.

Два раза генерал Лечицкий отказывал, считая эту задачу для конницы, не имеющей тяжелой артиллерии, невыполнимой против долговременных бетонных позиций австрийцев, имевших здесь артиллерию до 6-ти дюймовых орудий включительно. На третий раз генерал Лечицкий ответил: "Разрешаю, но вся ответственность ляжет на вас".

Генерал граф Келлер отдал приказ о наступлении, но начальник штаба корпуса генерал Сенча, считая задачу невыполнимой, отказался подписать боевую диспозицию, за что был графом Келлером *отрешен от должности*.

Ночью 10-я кавалерийская дивизия, имея в авангарде Ингермландский гусарский полк, в полном строю, по горло в воде, форсировала реку Прут. Под страшным минометным, пулеметным и артиллерийским огнем гусары взяли передний окоп, но дальше продвинуться не могли, и вскоре были отброшены назад через реку - в исходное положение.

Из 23 офицеров Ингермландского полка, бывших в тот день в строю, полк потерял 10 (из них 3 убитых), и в том же соответствии – 43%, выразились потери гусар. Переправиться через Прут успели только Ингермландцы и Оренбургский казачий полк.

Эта атака с ее тяжелыми потерями не была вызвана никакими общими стратегическими соображениями, не входила в план общих военных действий и не представляла никакой необходимости, а состоялась по прихоти завистливого и самолюбивого генерала, оставшегося за бортом победы Луцкого прорыва.

К сожалению, о судьбе благоразумного и благородного генерала Сенча, отрешенного от должности за отказ подписать безумный и бездарный приказ об атаке, история как-то умалчивает. Вместо того, чтобы гордиться наличием такого генерала в Русской Армии, заслужившего честь, славу и вечную память на страницах военной истории.

Описанная атака через реку Прут является еще одним из числа многочисленных примеров напрасных потерь живой силы русской армии, в конечном итоге приведших Россию к отказу от борьбы и сопротивления.

По поводу расточительности кровью, профессор генерал Головин, в книге о Галицийской битве писал: "В такой Армии, как старая Русская Армия, командный состав был избалован доблестью войск... Эта доблесть войск располагала к умственной лени. Подобно очень богатому человеку наш командный состав привык слишком нерасчетливо лить офицерскую и солдатскую кровь. Между тем, чем доблестнее армия, тем более она имеет морального права требовать от своего командного состава высшего умения".

Три приведенных примера комментариев не требуют.

Мое мнение по поводу героизма воинского подвига, высказанное в этой главе, историки могут посчитать субъективным и единоличным и поэтому мне приятно иметь возможность сослаться на аналогичное мнение весьма авторитетного лица, что подтверждает сказанное мною, и придает моим мыслям объективное значение.

В своих "Воспоминаниях", изданных в Нью-Йорке в 1954 г. последний Протопресвитер Русской Армии и Флота о. Георгий Шавельский, проводит ту же мысль, что и я, о том что воинство должно стремиться побеждать, а не геройски и эффективно умирать, и что живую силу армии необходимо беречь до последнего конца войны.

Мой высокоавторитетный единомышленник в своей книге, пишет: "Припоминаю такой случай. В июле 1911 года, я посетил воинские части в г.Либаве, где моряки чествовали меня обедом в Морском собрании. По обычаю произносились речи. Особенно яркой была речь председателя морского суда полковника Юрковского. Он говорил о высоком настроении гарнизона, и закончил речь словами: "Передайте Его Величеству, что мы все готовы сложить свои головы за Царя и Отечество".

Я ответил речью, содержание которой сводилось к следующему: "Ваша готовность пожертвовать собою весьма почтенна, и достойна того звания, которое Вы носите. Но все же задача Вашего бытия и Вашей службы - не умирать, а побеждать.

Если Вы все вернетесь невредимыми, но с победой, Царь и Родина радостно увенчают Вас лаврами; если же Вы все доблестно умрете, но не достигнете победы, Родина погрузится в сугубый траур. Итак: не умирайте, а побеждайте!"

Как сейчас помню, эти простые слова, буквально ошеломили всех. На лицах читалось недоумение и удивление: что за ересь проповедует протопресвитер?!

Усвоенная офицерством такая идеология, была не только не верна по существу, но и в известном отношении опасна.

Ее ошибочность заключается в том, что "геройству" тут приписывалось самодовлеющее значение. Государства же тратят колоссальные суммы на содержание армий, не для того чтобы любоваться эффектами подвигов своих воинов, а для реальных целей - защиты и победы.

Психоз геройства и идеал геройского подвига, вплоть до геройской смерти часто заслонял у воина идеал победы, и это было опасно для дела".

Всякая война всегда должна вестись в собственных интересах своего народа и своего государства. Заключение военных союзов конечно бывает полезно, но соглашения должны быть обоюдно выгодными, со стратегическим согласованием действий против общего врага, но отнюдь не односторонними, по принципу: "Сам погибай, а товарища выручай", что имело место в наших взаимоотношениях с французами и англичанами.

Нам наша первая мировая война совершенно не была нужна, настроение в России в то время было самое миролюбивое, и все же кровопролитнейшая война произошла, и даже не за себя, а ради чужих интересов, что видно из первых же слов Царского манифеста о войне: "Следуя историческим своим заветам, Россия единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала судьбу их безучастно".

Царское обещание жертвенной верности Франции ценой русской крови во время предусмотрительного посещения России президентом Пуанкаре совершенно связало Государя по рукам и ногам, так как долг верности Царскому слову на пользу Франции и долг заботы Царя о благе своего русского народа были диаметрально противоположны, то есть абсолютно несовместимы. Это царское нахождение между двух огней оказалось невыполнимым и довело Императора Николая II до катастрофического отречения от престола с завещанием армии оставаться верной союзникам до победного конца. Он очевидно и здесь еще не отдавал себе отчета, что истекающая кровью армия, доведенная до окончательного отказа от борьбы и сопротивления, воевать больше не способна, и повернет за теми, кто посулит конец войны, вскоре завершившейся Брест-Литовским миром.

Случаев излишней русской жертвенности ради дорогих союзников, было очень много.

Пример первый. Не успела еще толком разразиться война и закончиться мобилизация, как французы уже подняли такой ужасный гвалт, прося нашей помощи для защиты Парижа, что русское верховное командование решилось на жертвенное преждевременное наступление в Восточной Пруссии, чтобы на себя оттянуть из Франции силы противника. Исключительно тяжелый и безнадежный поход был под лозунгом: "Вперед,

во что бы то ни стало вперед, - Франция ждет!", а вся грандиозная операция, силою двух армий, закончилась разгромом армии генерала Ренненкампа, и полной гибелью армии генерала Самсонова.

Блестящие результаты для Франции этих событий: "чудо на Марне" и спасение Парижа, ценою реки русской крови, уже описаны выше. Вместо благодарности, французский главнокомандующий генерал Жоффр, имел дерзость в декабре 1915 года сказать генералу Жилинскому: "Войну ведет только одна Франция, остальные лишь просят у нее содействия"!

В ответ на это, генерал Эверт, широко опубликовал в военной информации, что русское офицерство спрашивает себя в негодовании на французов и англичан: "В военном союзе надо ли быть честными в отношении бесчестных союзников"?

Пример второй. Помощь союзникам продолжалась и дальше, и не только крупными боями, требовавшими переброску на нас войск противника с других фронтов, но даже и посылки русских войск на территорию союзников для их спасения.

Так, в разгар войны далекими путями, через Дальний Восток и Индийский океан Россия послала во Францию целый отборный экспедиционный корпус, который с большими для него потерями, участвовал в обороне крепости Вердена, бывшей "ключом города Парижа". В 1968 году на юбилейные торжества Верденской победы, не было приглашено ни одной русской организации, что президент Франции генерал Де Голь объяснил тем, что эта победа была чисто французским делом. Хотя он отлично знал о потерях русского экспедиционного корпуса у крепостных стен Вердена. Там осталось целое большое русское кладбище, которое и до сих пор чтится местным населением и теперь является местом паломничества и туризма.

Пример третий. Аналогичная жертвенная помощь была оказана и союзной братской Сербии. Исторический прорыв Солоникского фронта, давший возможность отступившим сербским войскам вернуться на их родину, совершили русские дивизии в районе Бытоля.

Впоследствии, основателю Русского Корпуса в Сербии генералу Скородумову удалось собрать многочисленные кости русских воинов, павших в бою под Бытолем и соорудить в Белграде величественный памятник — костурницу, где внутри в образцовом порядке он сложил кости убитых.

Благородный югославский Король-витель Александр I и глубоко-чтимый святейший Патриарх Сербский Варнава всей душой оценили русские жертвы и впоследствии старались облегчить участь русских эмигрантов, потерявших родину и принятых ими в Королевство Югославию.

Пример четвертый. С июля по октябрь 1916 года разыгралась великая Луцко-Черновицкая битва, продолжавшаяся 140 дней, возглавляемая генералом от кавалерии Брусиловым и потому часто называемая Брусиловским наступлением. Эта битва была грандиозной, с потерями с обеих

сторон в четыре миллиона воинов. Величайшая Луцко-Черновицкая победа была достигнута исключительно храбростью и доблестью русского солдата. Так как противник был лучше вооружен тяжелой артиллерией и считал свои укрепленные позиции абсолютно неприступными. Количественный и качественный недостаток русской артиллерии компенсировался исключительной меткостью попаданий, а действия пехоты и кавалерии были неудержимы в их отчаянном порыве.

Значение этой победы для наших союзников было огромно, так как германское военное командование спешно перебросило против России все стратегические резервы из осаждавших Верден войск. Осада Вердена была снята и Париж спасен. Вена сняла свои победоносные дивизии с итальянского фронта, и это спасло Италию от капитуляции.

Этот далекобойный успех в пользу союзников объясняется тем, что Юго-Западный фронт привлек на себя многолюдные массы вражеских солдат. В начале битвы против нас стояло около полумиллиона воинов противника. Затем в битву вступили и погибли два миллиона человек, затем прибыло еще пополнение в один миллион душ, и стало 1,5 миллиона вместо первоначальных 0,5 миллиона: первоначальный состав - 500.000; число потерь - 2.000.000; усиление армии - 1.000.000 воинов. Итого мы привлекли на себя - 3.500.000 воинов.

Оперативный успех битвы выразился не только в завоевании 30.000 квадратных километров земли, но и в моральном переломе противника, потерявшего в этих боях 2.000.000 убитых, раненых и плененных.

После Луцкого прорыва, в Германии и в Австрии, создалось впечатление, что Центральные Державы проигрывают войну. И 12 декабря 1916 г. канцлер заявил в Рейхстаге, что правительство Германии готово вступить в переговоры о мире. И если бы союзники не прятались в кусты, а поддерживали бы Россию, развивая и дальше русскую победу, война могла бы победоносно закончиться к концу 1916 года, то есть до начала нашей революции.

Брусиловское наступление стоило нам два миллиона жертв, породило моральный сдвиг противника в сторону его поражения, а непосредственно для Франции имело очевидное и несомненное большое благоприятное значение. И все же после этого генерал Жоффр вторично дерзко подтвердил в 1916 году: "Одна лишь Франция воюет..."

К сожалению, двухмиллионные потери в Луцк-Черновицком прорыве подвинули в то время еще прекрасную и воодушевленную победой русскую армию на большой шаг в сторону наступления момента окончательного отказа от всякого боя и сопротивления.

Однако близкую победу вырвал из рук России, не враг, а своя же революция, а приход к власти большевиков заставил мир забыть и жертвы русского народа, принесенные за общесоюзное дело и славу русского ору-

жия, добытую в многочисленных боях Великой войны, и в частности, в Луцком прорыве.

Приведенные мною примеры излишне кровопролитной войны дополняю чужими мнениями, высказанными в печати, военно-авторитетными лицами.

В журнале "Наши Вести"²¹ лейб-гвардии Финляндского полка полковник Ходнев в 50-летнюю годовщину боев на Стоходе, пишет: "Я был свидетелем, как русский воин, памятуя дисциплину и долг, *шел на убой...* Я описал то, что пережито моим родным полком, который тогда погиб, — погиб без всякой пользы исключительно по вине своего начальства".

В своей книге генерал Брусилов, на странице 208-й пишет: "Прибывший мне на подкрепление гвардейский отряд, великолепный по составу офицеров и солдат, обладавший высоким боевым духом, терпел значительный урон без пользы для дела, потому что их высшее начальство не соответствовало своему назначению".

Журнал "Часовой"²² пишет: "Действия Русской Армии без всякого преувеличения могут быть названы героическими. Достаточно вспомнить, что в смысле технического оборудования, вооружения и снабжения боеприпасами и снарядами Русская Армия в количественном смысле была буквально нищей по сравнению со своими союзниками и противниками. Но движимая собственным долгом она шла вперед и безропотно устилала своими телами поля сражений. Русская Армия висела на ключей проволоке, кровью своей пехоты и кавалерии добывая то, что на западном фронте добывалось зачастую одним огнем артиллерии".

Когда настает момент отказа войск от боя и сопротивления, то провести этот отказ в жизнь очень трудно, так как солдат и за дезертирство и за неповиновение боевому приказу подлежит расстрелу. В случае бунта целой воинской части для ее усмирения, всегда могут быть присланы верные войска, исключительно сильно вооруженные, и всякий бунт всегда будет подавлен и зачинщики расстреляны.

С другой стороны, после трех лет войны, в кошмарнейших условиях окопной жизни, без всякого удовлетворения самых примитивных требований питания, отдыха, тепла, чистоты и спокойствия, в вечной опасности жизни, в нервной обстановке, среди трупов убитых и стонов раненых, рано или поздно у каждого воина должен настать решительный момент психического потрясения, с твердым заключением: "Делайте со мной что хотите, а я воевать больше не могу!" И действительно, наш способ ведения войны капиталом крови с укоренившимся обычаем посылать войска не в бой, а на убой, превратили фронт в колоссальную мясорубку, а русского солдата — в пушечное мясо.

²¹ Наши Вести. —1967. —№247 (январь).

²² Часовой. —1954 (сентябрь).

Так что же делать доведенному до полного отчаяния солдату, и как ему поступить? Ведь при бессердечном к нему отношении, он привык, что сожалений сверху ему нет! Даже отпуска в Царской армии давно были запрещены. И после выздоровления от ран солдат не мог получить хоть самый кратковременный отпуск, чтобы заехать домой и повидать родных, а сразу же из госпиталя должен был снова ехать на фронт.

Так что же делать солдату, усталому до отказа и с окончательно истрепанными нервами? Сдаваться ли в плен, или кончать жизнь самоубийством, - другого выхода нет... И вдруг появилась ему хорошо организованная помощь со стороны революционеров, задавшихся целью развалить фронт в интересах выполнения их партийных задач. Под воздействием умной пропаганды и опытным руководством развал русской армии был легко достигнут, а жертвами развала стали не дезертиры, а верные присяге и воинскому долгу офицеры, пытавшиеся бороться с наступавшим развалом армии.

Все что здесь сказано о первой мировой войне, разобрано задним числом, свыше полувека спустя после описанных событий, и зная результаты сделанных ошибок, теперь не трудно их находить и разоблачать.

С психологией солдата в то время никто нисколько не считался, и она не изучалась в Академии Генерального Штаба в Петербурге. А в эмиграции курс военной психологии вошел в программу Высших Военно-Научных Курсов в Белграде как один из важнейших предметов. Поэтому военачальники того времени не понимали главного закона войны, что с посылкой войск не в бой, а на убой расход живой силы войск доводит армию до отказа от боя и сопротивления. И что раз такой отказ фактически настал, войну надо кончать, хотя бы и на милость победителя, не дожидаясь стихийного внутреннего взрыва, несущего полную гибель государства.

Предвидеть – значить управлять, говорит русская поговорка, но этого предвидения не нашлось у рабски верного союзникам Русского Верховного Командования, - ни у Государя Императора, ни у «Главногоговаривавшего» Керенского, ни у доблестного генерала Корнилова, ожидавших получить в будущем похвалу союзников, оказавшуюся «неблагодарностью».

Теперь стало совершенно ясно, что после крупной Луцко-Черновицкой победы с двухмиллионными жертвами, пора было кончать войну, во что бы то ни стало, и обернуть все взоры Царя и правительства на благо Родины, на спасение России и на заботы об обескровленном русском народе.

Сепаратный Брест-Литовский мир, заключенный большевиками, доказал их полное понимание военной обстановки того времени. И Западно-Европейские короли и президенты, не обижаясь на "измену", на перебой спешили первыми пожать руку Сталину, видя в нем твердую, и реальную действительность.

Глава 6. МОЕ УЧАСТИЕ В ВОЙНЕ

Далеким, сверх полувековым задним числом становится совершенно ясно, что вступив на ошибочный, неправильный путь безжалостного ведения войны капиталом крови против огня противника, с посылкой войск не в бой, а на убой, что ведет к отказу от боя, - Россия тем самым с первых же дней войны обрекла себя на поражение, как бы подписав сама себе смертный приговор.

В начале войны 1914-го года это никому не было понятно и война казалась легким походом, где незначительная убыль в людях легко будет компенсироваться маршевыми пополнениями или дополнительной мобилизацией, так что жалеть людей нет особенной надобности – война на то и война! И никто тогда еще и не думал, что кровь 2,5 миллионов убиенных воинов возопиет к Богу, и к их крови добавится Царская кровь, и кровь прекрасных неповинных Царских детей – четырех прелестных принцесс, и юного престолонаследника.

И если в вопросах военной доктрины мало что понимало высшее военное начальство во главе с первым Верховным Главнокомандующим Великим Князем Николаем Николаевичем (в мирное время умевшим организовывать сверхъестественные по красоте и блеску Высочайшие парады кавалерии, а во время войны преступно избравшим залитый кровью путь), то что же могли понимать мы – младшие офицеры мирного и военного времени, находившиеся на должностях командиров взводов или максимум командиров рот и эскадронов? Нас никто не учил и не воспитывал в духе понимания смысла войны, а обучали исключительно строевой службе, внушая, что начальство знает что надо делать и как поступать. И мы верили, что наши старшие командиры действительно все знают, а наш долг – точно и беспрекословно выполнять их приказания, не вдаваясь ни в какие рассуждения.

Лично мой патриотический порыв, возникший с началом первой мировой войны, я подробно описал в предыдущей главе "Нашей генерации", и я не стану зря повторять, как и почему я из студента-политехника превратился в кавалерийского юнкера, а затем в гусарского офицера.

Добровольно вступая на военную службу во время войны, и отдавая себя беспрекословно и безоговорочно в руки военного начальства, я, безусловно, доверял знаниям, умению и добросовестности высшего офицерства. И мысли о возможности посылки войск не в бой, а на убой, в то время у меня не было, и быть конечно не могло. Я понимал, что всякая война связана с риском жизни ее участников, но я был уверен, что если мне придется отдать жизнь за Родину, то, во всяком случае, не зря и не на ветер.

Я перехожу к своим личным воспоминаниям, как участник войны, начиная с военного училища.

Елисаветградское кавалерийское училище

Я родился в Тамбове, где недалеко от города было наше образцовое имение с конным заводом и породистым скотом. С раннего детства каждое лето я проводил в имении, и особенно увлекался лошадьми. Свое конное дело я начал в пятилетнем возрасте на ослике, в специальном детском седле и на специальных детских беговых дрожках. В 10 лет я свободно правил тройками горячих молодых рысаков, собственного завода и только на всякий случай садился рядом со мной кучер на козлы, чтобы тройка не понесла и не разбила бы экипаж.

Мой отец по окончании Царскосельского лицея быстро продвигался по гражданской службе, а его родные братья, мои дяди: один по окончании Николаевского кавалерийского училища был офицером 7-го гусарского Белорусского полка, а другой отбыл воинскую повинность во 2-м лейб-гусарском Павлоградском полку. Все это послужило к тому, что в грозный исторический момент, когда враг хотел поработить Россию, я решил встать на защиту Родины в рядах кавалерии, а не в инженерных войсках, куда вела прямая дорожка из Политехнического института.

Для того чтобы дать молодым людям, готовящимся стать офицерами военную подготовку и военное образование, Российская Империя еще в мирное время имела много всевозможных, прекрасно оборудованных военных училищ. В них юнкера детально изучали службу офицера мирного времени, традиции и военный быт, а вместе с тем изучали и боевые уставы и тактики всех родов войск, чтобы встать во главе частей действующих армий, если случится война. Главным и доминирующим требованием, предъявляемым к каждому офицеру было его готовность встать на защиту Родины, если Родина призовет его на подвиг.

Грянула первая мировая война. Все предыдущие "если" – отброшены. Война стала фактом, и русские люди призваны на подвиг. Каждому ясно, что было бы великим безумием, по случаю войны закрыть все военные училища, за их ненужностью. Не меньшее безумие заключается в утверждении некоторых лиц, что военные училища потеряли свое прежнее высокое значение, что они обесценились, и что стали выпускать каких-то офицеров 2-го сорта, не составляющих штата частей действующей армии.

Напротив, именно теперь, во время войны, можно говорить об исключительном значении военных училищ, об исключительном темпе занятий и об исключительно боевой подготовке, так как именно теперь юнкера учились с юношеской пылкостью и с жаждой подвига, при сознании, что каждый из них обязательно попадет на фронт.

Первая мировая война началась среди лета 1914-го года и застала училища в следующем положении. Старший класс полностью закончил программу учения. Младший класс перешел на старший, и вскоре был произведен в подпоручики и корнеты.

На младший класс, получивший позже название 1-го ускоренного выпуска, уже были поданы прошения о приеме еще по мирному времени, но будущие юнкера не успели прибыть в училища (начало занятий было 1-го августа 1914 года). Они проходили сокращенный курс во время войны, но по существу эта группа, так сказать, кастовая, поступившая в училища независимо от того, будет ли война или нет.

1-го октября 1914 года прибыли в училища мы, то есть та молодежь, которая подала прошения о приеме, сразу же после первого призыва Государя к русскому народу встать на защиту Родины. Поэтому состав юнкеров, начиная со 2-го ускоренного выпуска, вышел из обычных училищных норм и образовал особую группу, которую я и хочу описать.

Образовательный уровень для юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища, в которое я поступил, не мог быть ниже законченного среднего учебного заведения, как минимум. Однако национальный порыв и патриотический подъем того времени, так захватили и всколыхнули русскую идейную золотую молодежь, получившую и получавшую высшее образование, что число поданных прошений о приеме в училища многократно превысило расширенное число приемных мест (стало 5 взводов в эскадроне). Это дало возможность училищному начальству произвести еще и отбор. Таким образом, среди нас, юнкеров с университетскими значками было не меньше 10-ти процентов, а все остальные были близки к окончанию высших учебных заведений.

Высокий образовательный уровень моего выпуска, по-видимому, был непривычен и сильно смущал наше училищное начальство. Поэтому, чуть что, конечно без злобы и в шуточной форме, по нашему адресу прорывались замечания: Это Вам не университет, а эскадрон, здесь думать надо". "Это Вам не политехническое заведение" - а юнкеру, учившему раньше в консерватории: - "Это Вам не на клавикордах играть, а вольтижировать"... Все это были, конечно, безобидные шутки, но шутки, подтверждавшие исключительно высокий, не дававший покоя училищному начальству, образовательный ценз юнкеров, небывалый по мирному времени.

Побуждающим началом юнкеров моего выпуска, для поступления на военную службу, и в частности в Елисаветградское кавалерийское училище, был исключительно подъем и желание послужить Родине. Ведь большинство из нас были бывшие студенты, имевшие, по тому времени отсрочки от военной службы, или легко могли устроиться по своим специальностям, тыловыми военными чиновниками, земгусарами или гидроуланами.

Я лично в случае мобилизации студентов, легко мог устроиться техническим военным чиновником, на любом военном заводе, снабжающем армию тяжелыми боеприпасами на пороховом заводе или в военном транспорте, так как для этого я имел значительное высшее техническое образование, прерванное идейно в политехническом институте.

Движимые порывом боевого служения Родине и привычные воспринимать серьезные науки, юнкера прибывшие из высших школ, естественно искали и в военной школе, прежде всего науку, науку побеждать, науку как вести войска в бой, а не на убой, чтобы с наименьшими потерями, достигать наиболее успешные результаты.

Другие военные требования, парады, выправка, красота военной службы и проч. стояли на втором плане, позади жажды боевых знаний. Этим сильно отличалась программа обучения ускоренных выпусков от занятий мирного времени.

Судя по себе, могу сказать, что теоретические науки юнкеров, поступивших из университетов, очень интересовали. В противоположность юнкерам мирного времени, юнкера военного времени изучали их очень серьезно, без лени и с большой охотой.

О характере ведения занятий приведу примеры из своей личной жизни.

Вызывает меня к доске преподаватель топографии. После нескольких вопросов и моих ответов, он спрашивает, где я учился раньше? - Отвечаю: "В Варшавском политехническом институте Императора Николая II-го. Сдал экзамен по геодезии и отбыл летнюю геодезическую практику". - "Садитесь - 12 баллов".

Тот же разговор с преподавателем конно-саперного дела; то же "садись" и то же - "12 баллов".

Преподавателю артиллерии, я доложил аналогично о сданных экзаменах по аналитической геометрии, интегральному и дифференциальному исчислению, теоретической механике, лабораторной химии и прочее. Опять "садитесь" и опять - "12 баллов".

Обладая в то время привычкой воспринимать серьезные науки в институте мне не трудно было одолеть и все остальные, весьма интересные, теоретические предметы Кавалерийского училища.

С таким же приблизительно успехом прошли курс военных наук и остальные юнкера моего выпуска.

Несколько иначе обстояло дело на плацу и в манеже. Хотя все юнкера были в прошлом лошадниками, и с детства крепко сидели на лошадях, мало кто из нас за езду и вольтижировку имел больше 7-ми баллов.

Что касается строевых, коллективных эскадронных учений, где мало понять, а нужно еще сжиться, втянуться и свыкнуться, училищный курс был несколько короток. Но он был пополнен нашим назначением в чине прапорщиков в маршевые эскадроны своих драгунских, уланских и гусар-

ских полков, находящихся при запасных кавалерийских полках. Там ежедневно с 6-ти часов утра начинались эскадронные учения, и только к вечеру мы освобождались от занятий.

Уровень познаний юнкеров военного времени в области изучения тактики войск и боевых уставов, я думаю стоял наравне или даже несколько выше юнкеров мирного времени. Это объясняется двумя причинами: 1) что юнкера, из бывших студентов, обладали чрезвычайно высокими навыком и способностями воспринимать всякие науки и 2) что люди добровольно, в сознательном возрасте, пришедшие учиться военному делу, с целью обязательно попасть на фронт, безусловно, интересовались изучать то опасное и ответственное за жизнь будущих подчиненных дело, на которое они пошли.

Военные познания в области службы офицера по мирному времени, гарнизонного устава, парадов и проч., стояли у нас не на большой высоте. С одной стороны, они не представляли для нас главного интереса и практического значения, ведь не на то мы шли, а с другой стороны, жажда боевых военных знаний, непосредственно нужных для лучшего служения Родине на поле брани отнимали время и внимание от всего того, что нам казалось очень красивым, но не столь важным.

В мирное время вопрос боевого обучения не мог стоять так остро и на исключительно первом месте, как во время войны.

Придя в Кавалерийское училище со стороны, как говорится "мальчиком с вокзала", военную жизнь я знал только с внешней стороны, любя военные парады и студенческие балы с танцами обязательно под военный оркестр.

Поступая в кавалерийское училище во время войны, с жадой и целью обязательно попасть на фронт, я и мои однокашники все же стремились выйти из стен училища блестящими и отшлифованными драгунскими, уланскими и гусарскими офицерами. Как по мирному времени, так как даже во время войны кавалерийская среда требовала от нас знаний ее условий и традиций. Даже и теперь, нельзя было не уметь ответить на вопрос, какого цвета глаза были у жены командира 5-го эскадрона лейб-гвардии Конного Его Величества полка? Необходимо было знать, что полки лейб-гвардии Кирасирской дивизии были четырех эскадронного состава, и что жены командира 5-го эскадрона не могло быть.

Зная, что в училище, по мирному времени существует цук, я не сомневался, что в грозный час постигший Россию, призывной Манифест Государя Императора встать на защиту Родины, всецело гарантирует откликнувшихся от всяких унижительных оскорблений цука и я не ошибся.

Училищное начальство действительно приступило теперь к обучению нас военному делу и запретило всякое "традиционное лаянье на луну", объяснения любви с печкой и тому подобное и неуместное зло. Ясно, что кавалерийский цук, ронявший достоинство кавалерийских юнкеров и тем

самым, в свое время "зацуканных" офицеров, вызывал презрение и неуважение всего прочего офицерства и штатского интеллигентного общества, где все инженеры, доктора, агрономы, историки, юристы, математики, педагоги и прочие были людьми с высшим образованием и уже в свои студенческие годы были людьми науки.

Отдельные детали кавалерийского уклада в области цука и невежества заставляют возмущаться, так как во многом было виновато не юношество зараженное хулиганством под видом "традиций", а само училищное начальство, ответственное за воспитание и образование вверенной ему молодежи.

К сожалению, цук и невежество черным пятном легли на довоенную историю русской кавалерии, но к счастью с началом войны, все эти недостатки исчезли, и кавалерия доблестно закончила свое существование, оставив о себе по заслугам вечную память!

Для большей убедительности еще раз коснусь этого вопроса. На 7-й странице истории Елисаветградского кавалерийского училища сказано: "В эскадронах не было отдельной комнаты, где можно было бы заниматься или даже просто написать письмо и спокойно почитать. Приходилось заниматься сидя на кровати у своего небольшого ночного столика, где помещались книги и белье".

К этому следует добавить, что в эскадронных спальнях стояли десятки кроватей, был постоянный шум и говор, в 10 часов вечера свет уменьшался на ночное освещение и о каком либо пользовании учебниками или занятиях по ним и думать не приходилось.

Мои воспоминания учения в политехническом институте, где ежедневно я проводил время от 8-ми часов утра до 8-ми часов вечера за работой в лабораториях, в чертежном зале и в аудиториях, а, придя домой, в отдельную комнату, при полной тишине и в одиночестве брался за учебники до полуночи, а в экзаменационное время – на всю ночь напролет.

Кто же виноват, что в громадных зданиях училища не нашлось ни одной комнаты, ни для библиотеки, ни для читальни, где юнкера при полной тишине и запрещении всяких разговоров могли бы сидя за столом углубиться в изучение наук по учебникам, хотя бы до 12 часов вечера.

Здесь уже всецело виновато училищное начальство, а никак не "корнетские комитеты школы". Все это способствовало невежеству.

Но это отнюдь не должно было отвлекать меня от главной идеологической задачи – получить в училище боевую подготовку к войне и получить права и знания для совершения на фронте офицерского воинского подвига.

К сожалению, прекрасное довоенное кавалерийское училище, никак не реагировало на текущую войну и продолжало обучать юнкеров как по мирному времени, без связи с фронтом, как будто никакой войны вовсе и не было. За все время моего пребывания в училище нас только один раз

водили на стрельбище, где каждый из нас выпустил по одной пятипатронной обойме - и это было все наше стрелковое обучение, считавшееся делом пехоты. Один раз нам показали, но не дали в руки пулеметную стрельбу. За все время училище не пригласило ни одного боевого офицера с фронта, хотя бы из числа раненых для доклада нам о событиях на войне и ознакомления с ходом войны.

До моего производства в офицеры 1 февраля 1915 года, ни танков, ни химии, ни боевой авиации еще не было, и единственным оружием аэроплана был револьвер на поясе летчика. И тактики этих будущих родов войск в мое время в программу училища входить не могли. Поэтому я и мои однокашники получили здесь блестящий кавалерийский лоск, отличную посадку на коне, строевое обучение, физическое развитие гимнастикой, фехтованием, приемами шашкой и пикой, и право на офицерский подвиг, но знаний для совершения подвига нам не дали. Этих знаний не имело и само училищное начальство, но позже в действующей армии, мы получили их от фронтовых офицеров, кровью и доблестью заслуживших боевой опыт, что компенсировало этот училищный недочет.

Мое мнение по поводу несогласованности училищной программы с ходом событий на фронте, разделяет в своей книге и Маршал Советского Союза Василевский, до революции бывший, в 1915 году, юнкером Московского Алексеевского военного училища. Он, в частности, пишет: "Обучали нас, почти не учитывая требований шедшей войны, по устаревшим программам. Нас не знакомили даже с военными действиями в условиях полевых заграждений, с новыми типами тяжелой артиллерии и с элементарными основами применения на войне автомобилей и авиации. Почти не знакомили с принципами взаимодействия родов войск. Зато много внимания уделялось строевой муштре. О противнике до нас крайне скудные сведения".

Хотя ускоренный курс Елисаветградского кавалерийского училища за несколько месяцев не мог дать полных военных знаний, он все же удовлетворил требования того времени, выпустить на фронт молодых офицеров, изучивших и понявших суть военного дела, умеющих владеть оружием и подготовленных к воинскому подвигу на поле брани за Родину. Это высокое назначение училище выполнило!

По окончании Елисаветградского кавалерийского училища я получил послужной список, содержание которого я привожу дословно, так как данный частный пример, имеет общее историческое значение.

Текст моего послужного списка гласит:

«Сын действительного статского советника, потомственный дворянин, Сергей Васильевич Вакар Высочайшим повелением производится в прапорщики действительной службы, в 1-й гусарский Сумской полк, со всеми правами Елисаветградского кавалерийского училища мирного времени с правом производства в корнеты через 8 месяцев и за боевые заслуги

во всякое время, со старшинством в чине корнета с 1-го октября 1914 года, т.е. со дня поступления в училище».

Как видно из этого текста, закон не сделал разницы в правах и обязанностях между офицерами довоенных и военных выпусков из училищ.

Нововведением был только чин "прапорщика действительной службы", чтобы как бы удлинить училищный курс, но с исполнением уже офицерской должности командира взвода в полку и чтобы задержать их в старшинстве, в первом офицерском чине.

Эта задержка не противоречила общему духу и положению в армии, что офицеры позже окончившие училища, становятся младшими по отношению к ранее окончившим.

Таким образом, ни юридически, ни фактически в продвижении по службе и в наградах в Императорской армии не было деления офицеров по времени окончания военных училищ до или во время войны, а было лишь деление на офицеров действительной службы, окончивших военные училища или сдавших офицерский экзамен при них и на офицеров запаса, вышедших из вольноопределяющихся или из школ прапорщиков.

Во время войны появилось новое деление на "кадровых офицеров" и на "офицеров военного времени", среди последних многие начинали свой офицерский стаж с чина прапорщика.

Добровольный патриотизм золотой интеллигентной молодежи, не всем оказался понятен, так как было принято считать, что для отбывания воинской повинности призывные являются в армию только из под палки и, как так могло быть, что, когда военная служба стала жертвенной и опасной, студенчество, имевшее, в то время военные отсрочки само явилось на Царский зов?

Такое непонимание патриотической психологии национального порыва, привели к такому случаю.

Корнет ускоренного выпуска из кавалерийского училища командует маршевым эскадроном одного из полков, пополняемого из 7-го запасного кавалерийского полка в Тамбове. На обычном учении эскадрон в сомкнутом конном строю прошел не как по ниточке.

Полковник постоянного состава запасного полка, раскричался на корнета и добавил:

- Корнет, я завтра же отправлю Вас на фронт!

- Покорно благодарю, господин полковник, - радостным тоном ответил корнет.

- Нет, я не буду с Вас так строго взыскивать, и ограничусь лишь Вашим арестом.

- Никак нет, господин полковник! Потрудитесь исполнить Ваше обещание с моей отправкой на фронт. Я для того и офицер, чтобы быть там, а не здесь.

Я не обвиняю старших офицеров, называвших нас, ускоренно окончивших военные училища "недоносками", это так естественно с их стороны, как естественно, что они считали нас "обмундированными шпаками" или как тогда говорилось – "мальчиками с вокзала".

К чести русского законодательства и чисто русской справедливости, во время войны фактически совершенно сгладилось и это чисто официальное деление, и офицеры запаса, так же стали занимать штатные командные должности в полках, так же стали продвигаться по службе, так же награждаться за боевые заслуги и так же пользоваться уважением, как офицеры действительной службы, хотя на бумаге еще существовали какие-то ограничения для офицеров запаса.

Если же говорить о привилегиях, то они скорее принадлежать даже офицерам военного времени, так, например, при поступлении в кавалерийское училище в военное время юнкера освобождались от крупных взносов реверса на лошадь и седло, а при производстве в офицеры, получали из училища полное, бесплатное офицерское обмундирование, оружие, бинокли и крупные подъемные деньгами.

В новой жертвенной военной службе появилось новое явление, когда новое офицерство, внешне не столь вымуштрованное, оказалось с большими научными знаниями и образовательным цензом, чем кадровое, что было использовано в быстротечных технических новшествах первой мировой войны.

Позднее, уже на фронтах белого движения никакие деления офицеров на кадровых, не кадровых, царских, нецарских, действительных и запасных уже никого не интересовали: старшинство в чине часто нарушалось, и вопрос о кадрах уже не существовал. Сама-то армия была не кадровая, а вновь образованная. С полным напряжением сил по залитым кровью русским полям шли ради спасения поруганной Родины плечо к плечу и нога в ногу старые и дети: гимназисты и кадеты, и внесение деления офицеров по сортам было бы там и в то время святотатством (неуместным). Это могло иметь место только в тылах добровольческой армии, где, к сожалению, мало воевали и много кичились, а часть офицеров опустилась до степени спекулянтов ловивших момент.

Служба в кавалерии

Красавица кавалерия с ее всадниками в красочных и эффектных формах, сидевших на подобранных под рост и под масть строевых конях в мирное время сильно выделялась из общей массы войск.

В военное время, доблестная кавалерия была лихим маневренным родом войск, вызывавшим зависть позиционных войск, зарытых в жуткие окопы, откуда они любовались красотой кавалерийских конных атак.

Самих же кавалеристов, участников конных атак, с переходом на полевой галоп, охватывал такой сильный азарт, граничащий даже с удовольствием, что забывалась всякая опасность боя, и оставалось единственное желание скакать вперед, только вперед и как можно быстрее вперед. Чувство страха за уже пережитое является лишь по окончании атак и за ненужностью быстро проходит.

Кавалеристы были сравнительно малочисленны, ближе знали друг друга и были привилегированней, хотя бы уже благодаря лошади. Это создавало кавалерийский гонор, презрение и даже антагонизм к другим войскам, но война потребовала подчинения своим строгим разумным законам и все разногласия прошли, и все рода войск слились в одно общее боевое целое.

Кавалерия больше других войск вознесена поэтами в стихах, описана писателями в прозе и воспета народным эпосом в песнях. Кавалерия была тесно связана с военным и гражданским конным спортом и пользовалась общей любовью широкой публики и конноспортивных организаций.

Появление мотора вытеснило кавалерию с полей сражений и из числа главных трех родов войск, что со скорбью переживают старые кавалеристы, но военное искусство быстро шло вперед и конница потеряла свое прежнее многовековое значение.

Я лично никогда не жалел, что добровольно избрал службу в кавалерии и даже еще и теперь, мне приятно, что в прошлом я гусарский офицер Императорской Армии.

По окончании Елисаветградского кавалерийского училища я начал свою службу командиром взвода очередного к отправке на фронт маршевого эскадрона 1-го гусарского Сумского полка при 7-м запасном кавалерийском полку. И тут, при реальной готовности к отъезду на фронт, я начал осязать войну и получать боевые знания, и первый командирский опыт в совместной службе с гусарами. При первом же моем знакомстве с ними, каждый из них задавал мне один и тот же шаблонный вопрос: «Ваше благородие, что слышно, скоро ли кончится война?» На что еще в начале 1915-го года, приходилось, в шутку отвечать: «Может быть и скоро, но конечно мы с Вами, повоюем еще успеем!»

По окончании ускоренных курсов военных училищ, со всеми их правами мирного времени, при первом же нашем появлении в полках, кадровое офицерство приняло нас в свою среду... деления на кадровых и не кадровых офицеров в полках никогда не было, но даже чувствовалось какое-то уважение к знаниям, занесенным "молодежью" из университетов и других технических учебных заведений.

Поэтому я вскоре же получил назначение вести учебную команду эскадронных конных разведчиков, по окончании которой, каждый окончивший курс слушатель производился в следующий чин с очередной лычкой и с продольным просветом на погоне; кроме того, окончившие успеш-

нее других, получали нагрудный знак, изображавший щит, перекрытый скрещенными кавалерийской и казачьей обнаженными шашками с надписью: "Лучший разведчик". Подбор слушателей производился из числа наиболее развитых солдат и унтер-офицеров, принимая во внимание также и их смелую верховую езду в поле, по всякой пересеченной местности, с естественными препятствиями.

Здесь на мою долю выпало преподавание топографии, тактики кавалерии и специального курса конной разведки.

Мои политехнические познания и летняя практика из геодезии, в преподавании топографии мне чрезвычайно пригодились, и хотя, по данному курсу мне не пришлось обучать разведчиков инструментальной съемке с нивелиром, теодолитом и тахеометром, многое мог им объяснить, заинтересовать и добиться от них лучших экзаменационных ответов, чем от юнкеров кавалерийского училища.

Планшетную съемку буссолью с диоптриями, они отлично усваивали и сделанную днем съемку все умели ее изобразить карандашом на бумаге, а я всегда в тот же день вечером, эту съемку вычерчивал на ватмане тушью и в акварельных красках, чтобы завтра утром, как образец вывесить ее в классной комнате.

Чтение военно-топографических карт с рельефом местности, изображенным в горизонталях, мои разведчики усвоили очень быстро и хорошо и при всяких походах и поездках эскадрона, по новым местам, я всегда давал им карты для определения там своего случайного местонахождения. Чтение карт не только было интересно им, но и необходимо, так как на войне по службе конной связи и разведки, унтер-офицерским конным разъездам, часто приходится далеко отрываться от своих частей войск.

Принцип иллюстрирования своих лекций я проводил не только в топографии, но и в преподавании тактики и разведки, так как много лучше и гораздо нагляднее все запоминается и воспринимается, если рассказ о походном ли движении, о сторожевом ли охранении или о подготовке к бою дополнен приложением наглядной схемы, вычерченной в крупном масштабе, тушью и в красках.

За время прохождения учебного курса все стены классной комнаты, покрылись почти от пола до потолка многочисленными тактическими и топографическими рисунками и разведчики, пересматривая их, легко вспоминали пройденный курс и легко повторяли его перед экзаменом. Конечно и мое начальство не было слепым, видело и ценило мою работу и выражало мне много одобрений тому, чему я научился не в кавалерийском училище, а в Политехническом институте.

Но кроме класса было еще и поле.

Там я почти не признавал мостов, по возможности выискивая броды, деревенские плетни я не считал за препятствия и пересеченную местность считал как бы гладью. Мои люди и лошади так втянулись в такую беспре-

пятственную для них езду, что сами они старались найти новые непроходимые места, которые для наших лошадей перестали существовать. Наши выезды в поле на конные тактические занятия были много интереснее эскадронных строевых учений и доставляли разведчикам истинное удовольствие. На этих небольших "маневрах", моим "противникам" всегда хотелось взять меня "в плен", что им трудно удавалось, так как моя собственная лошадь была резвее всех остальных казенных лошадей. Такие практические полевые занятия в 32 человека проходили для них с азартом и удовольствием и приносили большую учебную пользу, так как каждый раз я ставил им совершенно новые задачи и за начальников разъездов двух "вражеских" сторон, каждый раз назначались новые лица.

Некоторые выезды с курсантами я употреблял на развитие их кругозора, связанного, например, с подрывным делом конного разъезда в расположение противника. Как пример, расскажу о нашем выезде на осмотр железной дороги, где я объяснял курсантам устройство паровоза, где паровые цилиндры были его наиболее уязвимым местом, объяснял значение порчи входной и выходной стрелки станции и станционных сигналов, значение дистанционных щелей на месте скрепленных рельс для свободного расширения железа в зависимости от жары и морозов, объяснял устройство мостов, где один конец большой железной конструкции укреплялся неподвижно, а другой ложился на валик, тоже из дистанционных соображений и все это в высшей степени интересовало моих разведчиков.

В результате всего сказанного между мною и курсантами установилась взаимная любовь и уважение друг друга и на выпускных экзаменах они гордились мною, а я гордился ими, так как они действительно поразили начальство своими достижениями и большими успехами.

По приезде на фронт в 1915 году, еще до появления мотора, вытеснившего коня с полей сражений, я застал маневренную войну в полном разгаре, где кавалерия была родом войск, обладавшим наибольшими подвижностью, радиусом действий, глубиной прорыва, внезапностью нападения и лихостью.

В то время кавалерию справедливо называли "царицей полей", "глазами и ушами армии" и "порывом нетерпящим" промедления". К этому можно добавить ее рыцарство, в современной войне отошедшее в область истории после первых же бомб, сброшенных авиаторами на головы мирных, беззащитных женщин, стариков, детей и даже грудных младенцев.

С появлением нового, небывалого мощного технического оружия, военное искусство в корне изменилось, все зарылись в землю, и война стала позиционной и скучной. Скука коснулась и принужденно спешенных кавалеристов, расставшихся со своими верными боевыми конями, и выразивших свою горечь словами: "Прошло минувшее как сон и станет ротой эскадрон". В лучшем положении оказались не подвергшиеся спешиванию

отдельные конные сотни, находившиеся при штабах пехотных дивизий, армейских корпусов и армий.

Сюда прикомандировывались офицеры из числа окончивших кавалерийские училища. Я попал в отдельную конную сотню при штабе 44-го армейского корпуса на Стоходе.

Всякий пеший или конный полк представляет из себя известную боевую силу, которую надо умело использовать для сокрушения врага. Кругозор чинов полка (включая и офицеров), на текущие, окружающие события не очень велик, - их дело точно исполнять боевые приказания начальства без рассуждений и проявления личной инициативы. "Делай что приказано!"

Напротив, отдельные конные сотни боевой силы из себя не представляют, но здесь, при разрозненной службе связи и разведки каждый чин сотни должен проявлять разум и инициативу; даже рядовой, одиночный всадник при доставке пакета в штаб полка или дивизии должен хорошо ориентироваться и местности и в боевой обстановке.

Офицеры сотни, благодаря дежурствам по штабу корпуса, всегда находятся в курсе дел и событий на корпусном участке фронта, читают сводку Верховного Главнокомандующего, ежедневно получаемую в штабе.

Между прочим, эта служба хорошо вознаграждалась. И в моей сотне без потери в людях и лошадях, было очень много георгиевских кавалеров, получивших георгиевские кресты по представлению пехотных начальников за срочную доставку под огнем противника важных донесений, что способствовало успеху пехоты.

И все же, несмотря на мое довольство службой при Штабе Корпуса, мой молодой гусарский гонор никак не мог примириться с моей службой во второочередной, безызвестной конной сотне. Я подал рапорт о возвращении меня в свой Сумской гусарский полк и продолжил службу до его расформирования после революции.

К концу 1-й мировой войны, все офицеры 1-го эскадрона 1-го гусарского сумского полка, где я был, были с ускоренных выпусков из кавалерийских училищ.

Вернувшись в полк, я попал в свою прежнюю среду, и обновил чувство гордости за Сумской полк, сформированный еще в 1651 году при Царе Алексее Михайловиче в числе 4-х первенцев русской кавалерии. Полк участвовал в многочисленных войнах, и имел много боевых наград.

В мирное время мой полк стоял в Москве, и кроме красоты гусарских парадов: на вороных конях, в голубых доломанах и краповых чакчирах, был известен и в московском спортивном мире своими призами и победами на московском скаковом ипподроме и в Городском манеже.

Хор трубачей Сумских гусар часто выступал на сцене Императорского Большого Театра в Москве.

При приездах Государя в Москву на юбилейные торжества 1912 и 1913 года, сумские гусары, в конном строю всегда сопровождали экипажи Царя и Царской Семьи, от вокзала до Кремля и обратно. Хор Сумских трубачей играл во время царских обедов; вечером на балу в Дворянском Собрании молодые гусарские офицеры танцевали с Великими Княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной. Все это выделяло Сумской гусарский полк из общей кавалерийской среды.

Как это упомянуто выше, мы молодые строевые офицеры того времени, жертвенно и пылко отдавшие себя боевому долгу защиты Родины, обладали небольшим кругозором с коня и при спешивании. Еще меньшим кругозором – из глубины окопа, и не могли знать и понимать что самоубийственная доктрина вести войска в *не в бой, а на убой*, принятая Верховным Командованием, – с первых же дней войны *поставила крест на возможности русской победы*.

Мы, и я в том числе, до последнего момента верили в свое начальство, и в несомненность нашей будущей победы, а истинную горькую правду мы узнали лишь тогда, когда было уже поздно, и победа была вырвана из наших рук.

Причин переменных колебаний военных успехов и неудач, конечно бывает очень много, но, безусловно, главной причиной, ведущей к поражению, является *собственное кровопролитие*, так как посылка войск *не в бой, а на убой*, есть их посылка на *героическое самоубийство руками противника*.

Герои-самоубийцы со своей смертью прекращают доблестное служение родине, а их неприятель - на лишний шаг приближается к победе.

Как это не абсурдно и парадоксально, но безумная храбрость, и избыток воинской доблести часто ведут к плохим результатам, так как зря выводят из строя лучших бойцов и приближают армию к преждевременному *отказу от боя и сопротивления*. Храбрых воинов надо разумно беречь, чтобы они довели войну до победного конца.

Воинское мужество подчиненных должно находиться под защитой гражданского мужества их командиров, имеющих смелость доложить по команде начальству об отказе исполнить безумный, самоубийственный приказ вести войска *не в бой, а на убой*, под убийственный огонь врага, с тем, однако, что приказ будет безоговорочно исполнен, как только наше тяжелое оружие заставит замолчать угрожающие огневые точки противника.

В такую жертвенно-кровавую обстановку попала наша генерация, во время 1-й Великой войны, но это пока были только махровые цветочки, а горькие ягодки оказались еще впереди.

Химическая война

С начала войны 1914 года сразу же обнаружилась масса недочетов по вопросу готовности к войне, и начальники, беззаботно недоглядевшие прихода военных событий, быстро, что называется "взялись за ум" и стали энергично исправлять допущенные ошибки. В результате беспатронные и бесснарядные армии вскоре стали получать неограниченное количество боеприпасов с надписями на ящиках: "Не жалейте патронов и снарядов", и уже в Луцком прорыве, наши богато снабженные войска буквально стали засыпать градом пуль и снарядов все укрепления противника.

Постоянное появление, по ходу войны, все новых и новых видов оружия – авиации, танков, зенитной и противотанковой артиллерии и прочих заставили "мозги армии" энергично работать и к 1917-му году обслуживание и вооружение войск становились все лучше и лучше.

Особенно быстро и блестяще пошла наша научная работа, по изучению новой химической войны, не менее грозной, чем надвигающаяся теперь атомная война, и не будь у нас тогда таких успехов и в химической обороне и в ответном химическом реванше, один Бог знает в какие печальные последствия все это могло бы вылиться. Во всяком случае, наш успех отбил охоту у немцев продолжать химическую войну, как в первую, так и во вторую мировую войну, и, вероятно, навсегда.

В конце 1916 года, я близко стоял к химическому делу и имею о нем кое-какие воспоминания.

Военная служба всех родов войск, всем хорошо известна, а о химической службе в войсках почти никто ничего не знает, и даже трудно найти сведения по этому вопросу. Поэтому в своих воспоминаниях я задержусь не только на истории химической войны, но коснусь и самой сути химического дела, в наступлении, в обороне и в химическом вооружении.

Химическое наступление основано на посылке, в распоряжение противника ядовитых газов, или в виде облака, если газы тяжелее воздуха, или при помощи химических артиллерийских снарядов, если газы летучи, или дождем с аэроплана, где ядовитая роса, упав на землю, быстро превращается в смертоносный пар. В первом случае, батареи из сифонных баллонов с газом, сгущенным под высоким давлением до жидкого состояния, ставятся в нишах под бруствером окопа, а распылитель газа, на длинном резиновом шланге, выбрасывается вперед, за бруствер, в сторону противника. В удачный момент, когда ветер спокойно дует в сторону неприятеля, стоит только открыть кран баллонов, надеть предварительно газовые маски, как появится туманное роковое облако, которое поползет к противнику и начнет вливаться в его окопы и глубокие норы. При недостаточной скрытности установки газовых батарей, если противник овладеет тайной,

он открывает по окопу сосредоточенный, ураганный, артиллерийский огонь, и газы из разбитых баллонов достаются самим же хозяевам. Поэтому всякая пехота, всякими мерами отрешивается от приема к себе неприятных гостей, господ химиков для активных действий.

Однажды, в 1915-м году совершенно неожиданно со стороны немцев появилось туманное непонятное облачко, поплывшее к нашим окопам и начавшее вливаться в них. Облачко с неприятным запахом стало у людей вызывать слезотечение, тошноту, удушье, отравление и даже смерть, и никто не мог понять, в чем же тут дело и как помочь беде? Впечатление от первой газовой атаки немцев было потрясающее и убыль в людях огромная, и спешно встал вопрос: "как быть и что же делать дальше?"

В поисках ответа у нас немедленно закипела работа, был сделан химический анализ газа, и оказалось, что это был чистый хлор (Cl), удушливый газ тяжелее воздуха. Хлор обладает кислотной реакцией и нейтрализуется щелочами. Поэтому в русской армии немедленно были введены марлевые маски, пропитанные щелочными растворами: едким калием, едким натрием, аммиаком и прочими; маски должны были закрывать нос и рот воина. Казалось, что острота вопроса миновала, и способ обороны найден: действие масок было проверено и дало положительные результаты.

Вторая немецкая газовая атака уже не была для нас такой полной неожиданностью, как первая, и при новом появлении облачка, с приятным яблочным запахом был дан сигнал химической тревоги. Обученные войска уверено надели маски и... результатов никаких: маски отказывались действовать, войска снова обуял ужас, появились прежние потери, и снова встал прежний вопрос: "Что же нам, наконец, делать?" Оказалось, что немцы, узнав об наших масках против хлора, пустили на этот раз не чистый хлор, а новый газ – фосген – органическое соединение хлора, не вступающее в реакцию со щелочами.

Найденным нейтрализующим средством против фосгена оказался уротропин, и им стали пропитывать второй слой марли, получив, таким образом, двухслойную противогазовую марлевую маску, годную в обоих случаях. Эту маску сразу же ввели в войсках.

Третье немецкое химическое нападение было для нас таким же трагическим, как и два предыдущих, со всеми теми же кошмарными последствиями. Двухслойные марлевые противогазовые маски, опять оказались совершенно недействительными. На этот раз вместо удушливых газов: хлора и фосгена немцы произвели атаку сильно ядовитыми цианистыми веществами, производными от цианисто-водородной синильной кислоты.

После новых ужасов беззащитного отравления и после новых химических анализов газов снова были найдены новые нейтрализующие средства, и новые двухслойные маски получили третий марлевый слой грязно-зеленого цвета от растворов соединений серы.

И такая ужасная химическая чехарда со всеми ее катастрофическими последствиями могла бы продолжаться до бесконечности, не произойди у нас действительно гениального открытия – изобретения активированного угля, механически поглощающего всякий газ независимо от его химической природы. Все марлевые маски тотчас же были отменены и введены новые резиновые маски, плотно облегающие лицо, с респираторами из жести, наполненными всепоглощающим активированным углем. Русская угольная маска Куманда-Зелинского оказалась в то время лучшей в мире. Она буквально спасла Россию от поражения страшным химическим оружием, а наш удачный химический реванш окончательно отбил у немцев охоту от продолжения химической войны.

Угроза химических нападений противника приняла для России очень серьезный оборот, и нами быстро были приняты все меры, чтобы найти выход из создавшегося критического положения.

Руководство работами по выяснению химических нововведений в военном деле, по нахождению мер химической обороны, организации сопротивления и ответного реванша, было возложено на Химический комитет при Главном артиллерийском управлении в Петрограде. Химический комитет принял на себя научную работу и в то же время запросил действующую армию, об офицерах, имеющих химическое образование.

Возникновение совершенно нового химического рода войск потребовало назначения туда офицеров и инструкторов с химическим образованием, и после запроса о них по всем армиям, я получил назначение на противогазовые курсы в Петрограде, которые там я успешно закончил по программе разработанной Химическим комитетом Главного артиллерийского управления. Это дало мне новое и основательное применение на военной службе химических знаний, полученных мною в лабораториях Политехнического института.

Мы попали на противогазовые курсы, то есть на курсы химической обороны, чтобы научиться и стать первыми инструкторами химической войны.

Общие лекции читались в помещении запасной химической роты, а лабораторные занятия и опыты над отравлением кроликов и белых мышей – в лаборатории местного института. Наша роль по окончании курсов свелась к обучению войск пользоваться противогазовыми масками и к "окуриванию" войск, то есть к устройству камер наполненных газом через которые, надев маски, должны были проходить все офицеры и солдаты действующей армии. Мы могли проверять готовность воинских частей к газовой обороне.

По окончании курсов в чине корнета я был назначен инструктором и командиром отряда противогазовой обороны при штабе VI армии, а вторым офицером в отряд был назначен прапорщик запаса дипломированный инженер химик. И, несмотря на то, что оба мы были в маленьких офицер-

ских чинах, нас приглашали в полки для прочтения лекций о химической войне и нам уделяли много внимания и уважения старшие офицеры, начиная с командиров полков.

Вскоре военно-химическое обучение приняло очень широкие размеры, так как каждый полк должен был иметь хоть одного офицера-инструктора противогазовой борьбы, а позже, даже целый химический взвод. Вновь сформированные активные химические отряды нападения с офицерами-химиками во главе сумели дать немцам такой химический реванш, что Германия категорически отказалась от всякой химической борьбы. Страх перед ужасами химической войны остановил применение удушливых и ядовитых газов даже и во вторую мировую войну, но полная готовность на всякий случай существовала до конца войны во всех воюющих армиях.

Снабжение войск масками, обучение пользованию ими и стрельбой в них, окулирование войск в газовых камерах и составление химических инструкций для полков VI армии выпало на мою долю.

В дальнейшем, когда в армии были повсеместно введены резиновые маски Куманда-Зелинского с респираторами, наполненными всепоглощающим активированным углем, в полках была введена должность инструктора газовой обороны. Эту должность мог легко занимать любой офицер, прошедший противогазовые курсы, так как она не требовала научных химических знаний, а сводилась к обучению полка пользоваться маской и к проверке готовности полка встретить газовую атаку, организуя газовые тревоги.

Должность химического инструктора Штаба Армии, что называется "тепленькое местечко", на котором можно пересидеть всю войну до конца. Однако когда химическая война приобрела монотонный, пассивный и шаблонный характер, я просто соскучился по кавалерии, по дружной кавалерийской семье, по коню, к которому я был с детства привязан. И я подал рапорт о переводе меня в строй, где и закончил первую мировую войну, в 1-м гусарском Сумском полку, родном мне по выпуску из Елисаветградского кавалерийского училища.

Заключение

Было совершенно ясно, что принудительно начав войну, в 1914-го года, против врага, непрошено на нас напавшего, воевать надо было, во всяком случае, за свои русские интересы, а не за интересы Англии, Франции и других союзников, что надо было бережно относиться к жизням своих бойцов, не доводя счет убитых людей до многомиллионных цифр, и что нельзя было оставлять гарнизоны Петрограда и Москвы без надежных войск. По поводу последнего заключения, гвардейский офицер Ходнев, в журнале "Наши Вести" за 1967 г. пишет: "Во время такой длительной и

тяжелой войны было совершенно забыто, что гвардия не только боевая часть, но и оплот престола, что гвардия - это "la garde" Царя. Можно ли сомневаться в том, что если бы в Петрограде в 1917 году были бы не запасные батальоны, а два три гвардейских полка с кадровыми офицерами и солдатами, то никакой революции не случилось бы. Не удалось бы".

И совершенно ясно, что гибель Российской Империи, до Цареубийства включительно, есть совершенно естественный и вполне последовательный результат, бездарно проведенной войны, где кровь русских героев широкой рекой лилась как вода, на чужие мельницы.

С началом войны, обе воюющие стороны, неся потери в людях, постепенно ослабевают и рано и поздно, у них должен настать момент отказа от сопротивления и потери боеспособности. Этот момент не наступает у обоих противников одновременно и та сторона, которая раньше потеряет боеспособность войск будет принуждена капитулировать перед стороной, сохранившей свои силы и способной воевать и дальше.

Всякая война есть война и за время войны военное счастье может неоднократно меняться, переходя из рук в руки, а посему важны не временные удачи по ходу войны, а важен вопрос об окончательной победе или о безоговорочной капитуляции той или другой из враждующих сторон.

Местные и временные успехи, морально и материально, конечно могут способствовать приближению окончательной победы, но ими не следует очень увлекаться, помня всегда, что главная цель еще впереди. Чтобы выиграть войну, военачальники должны ясно себе представлять все факторы, ведущие к окончательной победе, чтобы уметь хорошо ими пользоваться. Поэтому рассмотрение здесь данного вопроса, мне кажется вполне уместным.

Пусть мои свежие воспоминания, заменят увядшие, за полувековой срок, венки на бесчисленных могилах павших смертью храбрых русских героев, и восстановят в памяти былую доблесть русских Императорских войск.

Глава 7. НАЧАЛО И ПЕРВЫЙ ГОД РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Всем давно уже известно, как произошла русская революция со всеми ее последствиями. Об этом за многолетний срок написано множество исторических книг, газетных статей и ученых трудов. Я же ставлю своей задачей в дополнение к опубликованной документации дать воспоминания о своих непосредственных личных наблюдениях и переживаниях, чтобы рассказать будущим историкам о тех больших событиях, свидетелем и участником которых я был.

Революция неожиданно упала мне как снег на голову, когда на фронте, где я был, не было даже и разговора о ней, а после удачного Брусиловского наступления, побед Луцкого прорыва войска поверили в близкий,

победоносный конец войны, и престиж Государя был непоколебим. После отречения Императора, на вопросы моих солдат: «Ваше благородие, как же мы теперь будем без Царя?», приходилось неудачно отвечать: «Не знаю, но это должно скоро выясниться»...

Вот оно действительно и выяснилось вскоре, но лучше было бы не выясняться никогда.

Никакого политического кругозора у меня в то время не оказалось..., но это не был мой личный промах, а общее явление в офицерской среде.

Со школьной скамьи я, конечно, знал о восстании декабристов при Императоре Николае I, об убийстве Императора Александра II, а перед моими юными глазами прошла революция 1905 года. Но, принадлежа к привилегированному дворянству, я и в свои студенческие годы не примыкал ни к каким левым течениям и революционным движениям, и тем самым я в них не вникал.

С началом революции политической грамотности у меня не прибавилось, но на деле с потерей своего имущества и положения мне стало совершенно ясно беспощадное советское порабощение русского народа в интересах коммунистической партии с целями мирового масштаба, и что с этим злом нужно всеми силами доблестно бороться не на жизнь, а на смерть.

Первая весть об отречении Государя от престола, застала меня в прикомандировании к отдельной конной сотне штаба VI армии. Нижние чины нашей сотни, находясь в спокойных условиях службы связи, приняли весть тихо, без эксцессов, паники и восторгов, задавая лишь вопросы: "что же мы теперь будем делать без Царя?" - Этот же вопрос с предчувствием беды, задавал и я себе сам.

Поэтому мои наблюдения в сотне не характеризуют отношения Действующей Армии к историческому акту отречения, а яркий ответ на настроение войск того момента, надо искать в глубине пехотного окопа, а не на коне, в штабном районе.

Вернувшись вскоре после этого в 1-й гусарский Сумской полк, я застал там следующую обстановку.

В марте 1917 года полк занимал позиции по берегу реки Двины, но неожиданно получил приказ из штаба дивизии спешно отправиться в город Режицу для подавления возникших в тамошнем гарнизоне беспорядков. За отсутствием командира полка полковника Жукова, получив короткую инструкцию "навести порядок в Режице", полк повел полковник Шиберисон.

Режица оказалась главным центром революционной пропаганды в ближайшем тылу Двинского фронта, и солдаты гарнизона вели себя на улицах так дерзко, нагло и возмутительно, что гусары сразу же многих избили и повели арестованных между лошадьми к центру города. Вскоре порядок в городе был восстановлен, солдаты начали отдавать честь и носить

пояса. И пришедшие дисциплинированные части успокоили революционные страсти.

В полку все шло хорошо, он мало подвергся революционной пропаганде, но все же случилось большое несчастье: выстрелом из винтовки неизвестного лица из толпы, окружавшей полк, был на месте убит полковник Шиберисон.

Наконец пришло разрешение полку покинуть Режицу и вернуться в свое прежнее расположение, а вести полк обратно был назначен, пользующийся гусарским доверием подполковник Говоров.

На другой день полк построился для похода, подполковник Говоров вышел садиться на лошадь, и что же он увидел?

Его лошадь Нора, от гривы до хвоста была увешана красными лентами. Сесть и ехать в таком позорном виде он, конечно, не мог, но и не сесть в седло, — вся его работа пропадет даром: полк за ним не пойдет. Он успел лишь шепнуть председателю комитета Виленкину:

— Александр Абрамович, выручай!

Находчивый Виленкин громко обратился к вестовому, так чтобы все слышали:

— Ты что это, эмблему свободы на лошадь нацепил? Завтра ты так и свинью разукрасишь?

Сконфуженный вестовой быстро снял ленты, и опасность момента миновала.

На штандарте тоже были прикреплены красные ленты, и почти весь полк, исключая офицеров, имел красные банты. На первом привале подполковник Говоров с адъютантом полка срезали ленты на штандарте, что прошло благополучно. На последней остановке безо всяких переговоров с гусарами полковник Говоров отдал приказ: ввиду прихода на линию фронта все неуставные предметы должны быть сняты. Полк беспрекословно подчинился.

В конце июня полк был поставлен на охрану железной дороги по линии Дно-Псков-Порхово-Режица.

Командир полка полковник Неелов, чтобы поднять дух полка выписал из Москвы краповые чакчиры (красные рейтузы). Меры имела успех. Люди почувствовали себя гусарами и сразу заметно выделились из общей серой солдатской массы. Мне тоже пришлось заменить поношенные чакчиры свежими, а голубое доломанное сукно я подарил моему шестилетнему племяннику на детское пальтишко.

Краповые чикчиры, очевидно, имели свою притягательную силу, и даже ветеринарный врач Борисов, носивший чиновничью форму, попросил разрешения надеть гусарские чакчиры. По случаю "завоеваний революции" это разрешение ему дали.

В конце 1917 года 1-я кавалерийская дивизия была переведена на стоянку на приволжские луга Ярославской губернии, и гусарский полк был

широко расквартирован в селе Станилов вблизи Рыбинска. На счастье место было глухое – 35 верст от железной дороги, и большевистская пропаганда сюда не доходила.

Здесь отношение гусар к офицерам было самое корректное и никаких выпадов против офицеров не было. Было сохранено офицерское собрание, мы имели и денщиков, и вестовых при лошади, но при условии оплаты их труда по соглашению.

Справедливо сказать, что Сумской полк одним из первых принял на себя удар революции в Режице, и что большевизма полк не воспринял и до конца относился к нему отрицательно. Это подтверждают многие факты:

1. В полку большевиков не было и их пропаганда никогда успеха не имела.

2. Во время июльского восстания большевиков в Петрограде, подавленного при участии 1-го Донского казачьего полка, Сумские гусары послали делегацию возложить венок на гробы убитых казаков – однобригадников.

3. Когда в августе было движение Корниловских частей на Петроград, то Сумские караулы на станции Псков встречали эшелоны, криками "Ура"! После провала движения и запроса виновников, никто их большевикам не выдал, и дело быстро замяли.

4. Сам большевистский переворот в полку сочувствия не встретил, и лишь во избежание эксцессов погоны сняли, но других перемен не было.

5. В декабре 1917 года удалось достать результаты голосования полка в Учредительное Собрание. 85% голосов было подано за партию социалистов-революционеров, – видимо вся солдатская масса голосовала "за землю", обещанную этой партией. Большевистский список не получил ни одного голоса.

6. При осуществлении нового выборного начала на командные должности в 1918 году, прибывший большевик – политический комиссар объяснил гусарам, что теперь каждый может выбирать себе в командиры любого из солдат достойного избрания. На это послышался голос из среды избирателей: "Гусары! Наши офицеры учились военному делу, они что-то знают, что-то умеют, и рядовые гусары не могут их заменить". Выборы прошли в полку с оставлением прежнего офицерского состава.

7. Когда дело стало приближаться к концу, в полковой комитет пришло сообщение о формировании Красной Армии на новых началах. Когда комитет огласил призыв о записи в Красную Армию, то командир полка полковник Неелов сказал:

- А у меня есть сведения, что генерал Алексеев на юге России формирует Добровольческую армию. Выясним подробно о цели той и другой, и тогда кому какая по душе, тот туда и запишется.

По тем временам один факт упоминания о Добровольческой армии в полковом комитете доказывает, что Сумской гусарский полк большевизмом не болел и советы не поддерживал.

Спокойная стоянка в селе Станилов, далеко оторванная от взбудораженного мира среди тихих красот русской природы давала гусарам заслуженный отдых после жестокой войны и ударов революции. Люди постепенно стали приходить в себя, обмылись, обшились, подкормились, и, не вдаваясь в политику, начали свою новую беззаботную жизнь без муштровки и полковых учений, ни о чем не думая.

Так как Сумской гусарский полк до войны стоял в Москве и органически сроднился с ней, в нем оказалось много талантливых москвичей, благодаря чему в полку кроме официального прославленного хора трубачей оказался еще прекрасный оркестр виртуозов-гармонистов из известного туристического ресторана Крынкина на Воробьевых горах с видом на Москву, а также много артистов и удачных куплетистов из любительских и балаганных театров.

С такими отличными музыкантами и артистическими силами, выдававшимися даже в Москве, гусары ошеломили в глуши заброшенное село и свои вынужденные досуг и безделье заполнили творчески организованной работой по устройству в здании школы спектаклей, музыкально-вокальных вечеров с играми и танцами.

Это захватило и гусар, и все местное население. Конечно у гусар не было недостатка в девушках, чтобы потанцевать и весело провести с ними время, но и у нас, молодых офицеров подобралась симпатичная компания из учительниц Станилова и соседних сел, из дочерей священника и доктора, из чиновниц почты и больницы и зажиточных хуторянок. Конечно, "сельские аристократки" не были нашими невестами и дамами нашего круга, но они были милы и услужливы, и приятно и забавно было наблюдать, как они воспринимали оркестровую музыку, впервые ими слышанную. Позже наш отъезд они омывали самыми искренними девичьими слезами.

Но всему всегда бывает конец, и он пришел и Сумскому полку. В полном порядке с правом уехать на своем строевом коне, под наблюдением командира полка и господ офицеров, полк был расформирован и распущен, и я 12 марта 1918 года выехал из Станилова в родной мне город Тамбов.

Я поехал с добрым радостным чувством возвращения домой после войны, но, попав на железную дорогу, я сразу же был потрясен при виде того, во что превратилась Россия: грязь и заплеванность доминировали во всем. Благообразная прежняя городская публика с приветливыми добродушными русскими открытыми лицами, если даже и бедно, то всегда

аккуратно и чисто одетая, теперь сменилась отвратительными разгильдяями с партийными билетами в кармане, наглого поведения, с мордами "что кирпича просят", бравирующие своей распоясанностью бывшей

солдатской и матроской формы, и задевающих мирных жителей на правах своего коммунистического превосходства под лозунгом "теперь наша власть".

Так, чистым среди грязи, я приехал в Тамбов.

Дома после радостной встречи с родными я начал узнавать печальную судьбу "самой свободной страны в мире", прежде безбедной, а теперь оказавшейся разграбленной и разоренной, где насмешки разгульных хамов окрестили всю интеллигенцию именем "недорезанных буржуев".

В чрезвычайно тяжелом положении оказались офицеры сразу по возвращении с фронта, без реальных знаний и специальностей, нужных для получения интеллигентного труда. И мне даже пришлось видеть их на лакейских должностях ресторанов, в военной форме без погон, но с боевыми орденами на груди. Эта служба заставляла их с салфетками подмышками прислуживать разгулявшимся большевикам, на зов:

- Человек! Рюмку водки...

Конечно, очень печально, но это явление долго не продолжалось, - уладилось.

Я тоже потерял дом, имение, конный завод и прочее, и принужден был работать, но моя техническая специальность дала мне возможность быстро устроиться на службу.

Когда я приехал из полка в Тамбов, здесь находилось оставшееся от Императорской Армии Окружное квартирное управление Двинского военного округа. Оно еще стояло под вопросом расформирования или нового технического назначения, но в данный момент, оно состояло на службе Тамбовской городской управы. И мне там впоследствии пришлось выполнять геодезические и чертежные работы для нового плана города и новых городских построек. Я сразу же был принят на службу и быстро вошел в круг знакомства с инженерами и техническим персоналом, установив добрые отношения со всеми сослуживцами.

Дальше будет вино, во что выльются "завоевания революции", а пока что моя жизнь как-то временно наладилась..., но вдруг, - в один прекрасный июньский день 1918 года, произошло самое невероятное событие: Тамбов неожиданно оказался освобожденным от большевиков. Оружие мог получить каждый, кто хотел, публика радостно высыпала на улицу, люди поздравляли друг друга, христосовались, ликовали.

Как все это произошло, я и до сих пор толком не знаю, но вышло все случайно, непредвиденно, неорганизованно и даже глупо. Кому-то представился неожиданный случай при раздаче оружия вновь прибывшим новобранцам убедить их, что, где же обещанная большевиками свобода, если их опять насильно призывают в Красную Армию?

- Бери винтовку и иди домой!

Предложение оказалось убедительным, и мобилизованные с радостью быстро разошлись с оружием в руках.

Город остался на положении антибольшевистского восстания, и организаторы переворота легко заняли центральные учреждения, станцию, телеграф, телефон, но занять казармы, и разоружить два пехотных и один кавалерийский полк они не смогли, и с недисциплинированными советскими войсками заключили вооруженный нейтралитет.

Получилось полное безвластие, неразбериха и ожидание возмездия. Одним словом, кто-то набедокурил, а к расчету строиться придется, конечно, нам офицерам. Чтобы не рисковать, поодиночке быть схваченными и расстрелянными в застенках Че-Ка, нам надо было хоть как-то собраться вместе и совместно как-то реагировать.

Преувеличенные слухи о восстании в Ярославле (позже жестоко подавленном) и о занятии донскими казаками г. Борисоглебска Тамбовской губернии (далее вперед не продвинувшимися), создавали впечатление, что к большевикам подходит начало их конца.

Когда мы собрались, наши силы составляли: около ста человек пехоты, 35 человек кавалерии и два орудия артиллерии, вот и все.

Нас возглавляли штаб-офицеры, рыцари воинского долга и чести, георгиевские кавалеры, но неподготовленные к решению политических вопросов. В результате ими был объявлен в просторном зале Дворянского собрания большой общественный митинг для всех жителей Тамбова. На митинге говорилось много речей о доблести Русской Императорской Армии, о службе ее за Веру, Царя и Отечество. И блестящие военные ораторы высказывали уверенность, что и теперь верные сыны Родины сотрут большевиков с лица земли. Речи покрывались аплодисментами, и даже возгласами: "Ура". Когда же кто-то из публики заметил, что на митинге присутствует делегация от вагоностроительных мастерских, и поинтересовался их мнением, делегат встал и сказал: "Мы присланы сюда, чтобы слушать, что здесь говорится, но сами говорить, мы не уполномочены". Сел и замолчал.

Наутро нам предстояло собраться в кавалерийских казармах для формирования отряда и захвата лошадей, но нас опередили разрывы шрапнели над городом, подошедших регулярных войск Красной Армии. Против нашей горсточки офицеров оказались: прибывшая пехотная дивизия, кавалерийская дивизия, специально политически обученный Петроградский конный дивизион, артиллерия и к ним присоединились три "нейтральных" полка тамбовского гарнизона.

Этими силами большевики окружили город плотным кольцом, и мы лишились всякой возможности сопротивления и выхода из Тамбова. Осталось единственное спасение при искренней, горячей поддержке жителей рассеяться среди населения, которое никого не выдало. Мне никак нельзя было оставаться дома, так как и днем и по ночам приходили чекисты, желавшие меня арестовать. Поэтому, договорившись с начальником и инженерами Квартирного управления, где я теперь служил, я три дня подряд

назначался дежурным по управлению. Когда в двери слегка приоткрытой дежурной комнаты просовывались руки с револьверами, а потом, видя, что я один, входили большевики, я спокойно объяснял им, что это военное учреждение, и что я дежурный служащий. Они забирали винтовки, принятые мною от жителей, боявшихся держать их дома в случае обыска, и уходили восвояси.

И все же мне больше оставаться в Тамбове было рискованно, нужно было выехать из города во что бы то ни стало, но как это сделать? Город находился в окружении, а вокзал под бдительным надзором!

И здесь меня выручило мое инженерное начальство, искренне желавшее меня спасти, выдавшее мне официальный документ, что я землемер Квартирного управления, и командирован в Москву для получения геодезических инструментов. С этим документом в кармане, не от кого не прячась, я смело и открыто, не вызывая подозрений сел в московский скорый поезд, и лишь там облегченно вздохнул. Другой документ, выданный мне моими доброжелателями, гласил, что я уроженец Киева, это вскоре помогло мне переехать советско-украинскую границу, чтобы из Харькова вместо Киева поехать на Дон, в Белую Армию.

Это небольшое Тамбовское восстание, длившееся всего три дня и недошедшее до встречного боя, оказалось настолько незначительным событием в истории русской революции, что о нем почти никто ничего не знает и не помнит, но в нем ярко выразилось сочувствие населения антикоммунистам, в оказании им помощи к спасению и в отсутствии всякого предательства.

Городской митинг показал большее понимание политической обстановки рабочими железнодорожных мастерских, нежели доблестными офицерами Императорской Армии.

Нервно потрясенный, бездомный, но не сдавшийся врагу и не отказавшийся от продолжения борьбы за Родину, я получил приют в Воронеже в доме моих близких и дорогих людей, куда барышней в состав семьи входила моя теперешняя жена, еще не объявленная моей невестой, хотя дело определенно шло к тому.

Наше совместное пребывание под одной кровлей, искренние соболезнование постигшему меня горю, их заботы обо мне и моя благодарность им естественно закончилось в июле 1918 г. свадьбой в церкви дворянского собрания города Воронежа.

Тяжелым для жены условием я категорически поставил мою невозможность жить и служить у большевиков, считая своим офицерским долгом продолжать борьбу за свободу России. Это тяжелое условие было ею принято, молодая жена неотступно последовала за мной в огонь врага и в воду океана, и разлучить теперь нас может только смерть в далекой мирной и прекрасной Аргентине.

Рискованный переезд через советскую границу благодаря украинским документам прошел для нас благополучно, а там уже я легко проехал в армию и поступил в конный полк Кавказской казачьей дивизии, действовавшей на Воронежском направлении, и после взятия города белыми, мы с женой снова побывали дома.

Глава 8. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И БЕЛАЯ АРМИЯ

В феврале 1918 года на Юге России была основана героическая Белая Армия, вступившая в неравный бой с жестоким врагом, зверски поработившим Святую Русь.

Это было вскоре после того, как в кровопролитную Великую войну 2,5 миллиона лучших русских патриотов пали смертью храбрых за Родину, когда в России появилось много военных инвалидов, безруких и безногих калек, когда миллионы отцов и матерей, вдов и сирот оплакивали своих погибших родных, и когда пользуясь всеобщим горем, революционный элемент повыползал из своих щелей для достижения дьявольских целей порабощения России.

Я не буду перечислять давно известных имен вождей Белого движения, и не буду описывать отдельные бои, – все это описано во многих исторических книгах, иллюстрированных схемами военных действий, и эти книги имеются в каждой русской общественной библиотеке, во многих русских домах и в продаже.

Все это давно прошло, и изгладился интерес потомков к деталям хода отдельных многочисленных боев, но самую суть героических и жертвенных событий, выпавших на долю борцов за Белую Идею, твердо должен знать и понимать каждый русский патриот, где бы он не находился. Вот эту суть Белого дела и Белого движения я как очевидец и участник борьбы, постараюсь дополнить личными наблюдениями.

Вслед за внешней 1-й Мировой войной в России разыгралась внутренняя, братоубийственная, ожесточенная гражданская война с новыми принципами и понятиями ее ведения. Прекрасные офицеры большой войны часто оказывались косными и недостаточно гибкими в малой войне, где стали выдвигаться молодые командиры, сумевшие схватить и оценить обстановку и психологию данного момента. Малая война стихийно потекла по ей самой промытому руслу, вопреки опыту большой войны.

Первая война закончилась позиционно, все зарылось в землю, мотор вытеснил коня со сцены театра военных действий, и наша лучшая в мире кавалерия за ненадобностью почти вся спешила. По неоспоримому опыту и по убеждению возглавителей военного искусства, всюду стали строить неприступные оборонительные позиции, линии Мажино – во Франции, Зигфрида – в Германии, и Сталина – у Советов, на что тратились бешеные средства.

Гражданская война сразу же нарушила все опыты и ожидания старых военачальников, и Белое движение вылилось в чисто маневренную полевую войну, без крепостей и бетонных укреплений, и конница приобрела небывало доминирующее значение.

Воронеж, например, был занят тремя конными корпусами без пехоты, но при поддержке бронепоезда. Против нас накопилась красная конница Буденного под лозунгом "все на коня", во много раз многочисленнее нас.

Наша пехота, создав новые героические полки – Марковский, Корниловский, Дроздовский и Алексеевский с совершенно новым укладом жизни, и с рвущимся в бой составом бойцов, тоже не пряталась в окопы и маневренно шла под огнем в атаки во весь рост, не ложась при перебежках. Тактически это было неправильно, но оправдывалось морально презрением к смерти и ошеломляющим воздействием на врага.

С первых же дней Белая Армия пошла по стихийно героическому пути: в Добровольческой армии не было насильно мобилизованных солдат и уклонений от боя, а весь состав армии от генералов до добровольцев – подростков-юношей и девушек искренне рвался в бой.

Еще при Временном правительстве молодежь с энтузиазмом шла на защиту Родины. Защищавшие Зимний Дворец юнкера с кадетами, и женский батальон, состоявший главным образом из курсисток, гимназисток, институток пали смертью храбрых в неравной борьбе. Что можно сделать винтовками в детских и девичьих руках, и в юношеских руках юнкеров, казавшихся среди кадет и девиц кадровыми воинами, против хорошо вооруженной Красной Армии? Такой же энтузиазм проявляла молодежь и дети, на Юге России.

Мировая военная история не знает случаев, чтобы шутки ради офицеры дарили бы своим девушкам-воинам куклы, и чтобы закаленные в боях барышни берегли бы эти подарки, пока смерть или раны не вырвут их из строя.

Хотя разрозненная и случайная борьба против большевиков, начатая капитаном Неженцевым с его 1-м Ударным Отрядом имени генерала Корнилова была немного раньше, началом Белой Армии можно считать небывалый легендарный 1-й Кубанский Ледяной поход. По своему героизму и по обстоятельствам, превосходящий все то, что до сих пор знала военная история. И действительно, никогда еще не было случая, чтобы армия формировалась на неопределенном пространстве, без связи со своим государством, и чтобы армия шла походом без плана и цели, без денег и продовольствия, в замкнутом кольце окружения сильного противника, раздетая, плохо вооруженная, без перевозочных средств, без тыла, где можно оставить раненых, имея на всю армию не больше 700 артиллерийских снарядов, в расчете на вооружение исключительно за счет противника. На вопрос: куда шла эта армия, зачем и что ее ожидало, и на что она надеялась,

никто не мог ничего ответить. Лучшее объяснение значения этого похода, дают слова генерала Алексеева:

- Мы уходили в степи. Можем вернуться, только если будет милость Божья. Нам нужно зажечь Светоч, чтобы была хоть одна светлая точка, среди охватившей Россию тьмы!

Первопоходную Армию в то время составляли: 2 верховных главнокомандующих, 1 главнокомандующий и еще 3 генерала, 140 штаб-офицеров, 325 капитанов и штабс-капитанов, 200 поручиков, подпоручиков и прапорщиков, около 400 юнкеров, около 400 солдат-добровольцев и около 450 кадет, гимназистов, студентов и девушек. Поход длился 80 дней, было 44 боя, убито 500 и ранено 1500, и все же к завершению похода численность Армии возросла до 5000 воинов. Добровольческая армия после похода получила возможность развернуться в Вооруженные Силы Юга России для предстоящего похода на Москву.

- Слава первопоходникам!

Таким образом, было положено начало Белого Освободительного движения, захватившего весь юг России, и не вина горсточки героев, что у них не хватило физических сил для свержения сатанинского зла, мирового масштаба и значения. И к ним могут относиться слова, сказанные Императором Александром II защитникам Севастополя: "И для героев есть невозможное!"

Я начал эту главу с давно известных событий Белого движения, чтобы еще раз напомнить об идейности и героизме Белой Армии, но, к сожалению, всякая гражданская война несет с собой свою кошмарную психологию злобы и ненависти, поднимая брата на брата, сына на отца, и отца на сына.

Ужас, переживаемый населением при расправе руками красных за радость и гостеприимный прием Белых войск после их отступления, тоже должен быть хорошо известен историкам, и поэтому я перехожу на личные мои наблюдения участника событий, к правдивому описанию и лицевой, и обратной сторон медали.

Начну с моих Воронежских воспоминаний, вероятно отражающих настроение и на других направлениях фронта. Блестящие победы Добровольческой армии вплоть до Курска, Орла и Воронежа против разнузданных красных революционных солдат привели белых к самоуверенности, беспечности, бесшабашности и к недооценке сил противника, постепенно превращавшегося из сборных банд в настоящие регулярные войска.

Лихость и традиции белых офицеров доходили до большого пересола: вошло, как бы в правило при перебежках в степи не ложиться, а идти на врага во весь рост, сверкая золотом погон на плечах, что противоречило основным требованиям тактики боя и влекло ненужные жертвы в ущерб делу.

При входе в Воронеж конного корпуса генерала Шкуро, стихийный энтузиазм встречи не был случайным, а логично вытекал из ужасов пребывания населения под гнетущим красным владычеством ограблениями, оскорблениями и арестами русских людей, даже совершенно не вмешивающихся ни в какую политику. В то время измученные люди еще верили в чудо освобождения от красного ига и это чудо ожидали в победах белых войск.

При входе белой конницы в освобожденный Воронеж улицы города были празднично переполнены ликующим народом, неумолкаемым восторженным овациям не было конца, кони шли по брошенным под ноги цветам, даже женщины подбегали к коням, чтобы облобызать всадника.

Была общая стихийная радость, есть что вспомнить!

Незабываемыми на всю жизнь остались вспоминая и об общем религиозном подъеме жителей города, охваченных порывом религиозной свободы. В ограде Митрофаньевского монастыря в центре Воронежа, где хранятся мощи Св. Митрофания угодника и во всех прилегающих к монастырю кварталах собралась громадная масса народа, желая приложиться к святым мощам, что преследовалось большевиками, заставившими замолчать монастырские колокола. На мою долю вместе еще с двумя офицерами, выпало приказание сорвать с дверей колокольни советскую печать.

И вдруг среди благоговейной тишины, мощно ударил большой монастырский колокол, и за ним полился перезвон всех остальных колоколов. Момент был потрясающий, и в миг вся толпа опустилась на колени, и слезы радости наполнили глаза религиозно настроенных людей.

Такой захватывающий религиозный экстаз трудно себе представить и понять в нормальных условиях государственной жизни. Он проявился в результате советских оскорблений всего святого, разрушений храмов, убийств духовенства, преследований молящихся, атеистической пропаганды безбожия и вновь возникших гонений на христиан. Здесь, конечно, не было цирковых арен со львами и тиграми, но убийство архиереев и священников в Царских вратах алтаря во время Богослужения ничем не лучше Римских гонений.

Такой большой религиозный подъем, вероятно, был впервые почти за тысячу лет после крещения Руси.

При нашем желании тоже приложиться к святым мощам, толпа раступилась с возгласами:

- Дайте дорогу господам офицерам!

Всю эту трогательную картину нельзя описать словами, а нужно ее видеть своими глазами, чтобы запомнить на всю жизнь.

На вполне естественный вопрос, были ли вышеописанные события действительно всенародной радостью, и как к ним относился рабочий класс?

Отвечу словами генерала Шкуро, из его книги: "Записки белого партизана": "На многих митингах рабочие высказывались за необходимость помощи мне, и в последний момент перед отходом из Воронежа явился ко мне отряд железнодорожников, в составе 600 человек. Я обратился к ним с глубокой благодарностью. Не заходя домой, они с песнями двинулись из города. Эти рабочие были влиты в 1-й стрелковый батальон, позже переименованный в Волчий ударный батальон. Рабочие сделались хорошими солдатами и далеко превосходили своей доблестью многих казаков в бою".

Личность генерала Андрея Григорьевича Шкуро была обаятельной, и его выдача большевикам в Австрии и мученическая казнь в Москве создали ему еще большее историческое обаяние и вечную славу в истории Белой борьбы.

Получив чисто военное образование в 3-м Московском кадетском корпусе и в казачьей сотне Николаевского кавалерийского училища, А.Г.Шкуро отлично усвоил военное дело и воспринял кавалерийскую лихость, но конечно не мог вникнуть и изучить вопросов гражданского управления страной. Пока генерал Шкуро был в штаб- и обер-офицерских чинах и занимал соответствующие должности – лучшего командира взвода, сотни, или полка – нельзя было и желать. Личная храбрость, с четырьмя ранениями, обаяние которым он пользовался среди казаков, и врожденный талант военачальника довели его до большой славы белого партизана, наводящего страх и ужас на красного врага. В свои 35 лет жизни, он был уже генерал-лейтенантом и командиром корпуса, и оказался возглавителем и правителем всего завоеванного им Воронежского района.

При его появлении на улицах Воронежа в черкеске, на чудной тройке лошадей, в покрытых коврами санях, в сопровождении конвоя конного Волчьего дивизиона – тоже в черкесках, с развивающимися красными башлыками, население города восторженно его приветствовало, и крики "ура" неслись, не отставая от лихой тройки рысаков.

Однако на этом новом очень высоком посту не только военного, но и государственного значения у генерала Шкуро не было знаний гражданского управления, и он почему-то не создал гражданской организации для удовлетворения нужд населения, попавшего в очень тяжелые условия жизни, между красным молотом и белой наковальней.

Положение русских людей при большевиках было кошмарным. Ободранные и ограбленные коммунистами, потерявшие все свои трудовые сбережения в банках, лишенные недвижимого имущества и налаженных предприятий, выкинутые на улицу на полный произвол судьбы, и подгоняемые революционным лозунгом: "Кто не работает, тот ничего не ест", жители Советской России, принуждены были работать и служить. И в службе доктора в больнице, учителя гимназии, почтового чиновника и проч. никто не находил ничего предосудительного.

Не вдаваясь в положение и психологию освобожденных им от коммунизма людей, генерал Шкуро отдал ясный и короткий приказ, что все, кто где-либо служил при большевиках, автоматически считаются уволенными со службы.

Что же из этого получилось?

Сестра моей жены – доктор медицины, врач Воронежской земской больницы, придя домой с возмущением и ужасом, рассказала, что там творится:

- Больница полна больных, требующих забот и ухода. Их надо лечить и кормить. Кроме того, с фронта прибывают все новые и новые раненные, нуждающиеся в перевязках и срочных операциях, их тоже нельзя не принять.

Мы, все доктора и прочий медицинский персонал и служащие до последней поломойки включительно считаемся отпущенными со службы и жалования больше не получаем, но бросить тяжело больных невозможно, и на последние остатки больничной кассы мы их как-то еще кормим.

Одно время мой полк стоял в городе Землянске, в 35-ти верстах от Воронежа, где осталась моя жена в доме ее родных. Мне нужно было посылать ей письма, но почта не работала. Иду на почту, чтобы выяснить, в чем дело, и застаю почтового чиновника бездельно сидящим на завалинке. Спрашиваю его о положении, и получаю следующий ответ:

- Войдите в мое положение. Я без всякой вины с моей стороны уволен со службы и жалования больше не получаю, но не могу перестать кормить тройку казенных почтовых лошадей без денег на покупку фуража. Жду новых распоряжений, а пока что получаю единственный ответ: "Служил у большевиков". - Что делать дальше, я не знаю...

Большая чепуха с печальными последствиями произошла в Воронеже с денежным обращением. Оккупационные войска признавали только добровольческие и донские денежные знаки, и генерал Шкуро объявил советские деньги недействительными, а население, естественно, никаких других денег кроме советских не имело, и не могло иметь, в связи с чем потеряло покупательную способность на покупку товаров в магазинах.

В этой денежной неразберихе ничего нельзя было понять, и крестьяне ближайших сел до выяснения дела перестали поставлять в город продукты питания, базар опустел, и жителям Воронежа пришлось подтянуть пояса.

В отношении к побежденному противнику генерал Шкуро был довольно гуманным, и я не знаю при нем застенков типа Че-Ка, где пытали и вымогательством добивались от арестованного ложного признания его вины. Я знаю при нем в Воронеже всего лишь три смертных казни действительно видных коммунистов. Я на них не присутствовал, но об одной казни я расскажу.

В исключительных случаях для охраны контрразведки привлекались части войск, и я на один день попал охранять от побега арестованного первого председателя Воронежского Реввоенсовета Моисеева. Это был весьма интеллигентный человек, и в то же время, идейный коммунист, какого я никогда в жизни еще не встречал и больше не встречу.

Он не соглашался с заветами Ленина, что "если для коммунизма нужно уничтожить девять десятых народа, мы не должны задумываться". Он считал, что идеи коммунизма надо проводить чистыми руками, без крови и поэтому, будучи на высоком красном посту председателя Военно-революционного Совета, он энергично боролся против зверств Че-Ка, спас жизнь и избавил от пыток многих неповинных людей.

В результате этого, когда Моисеев был арестован, генералу Шкуро была подана петиция о его помиловании, имевшая около 300 подписей, начиная с генералов и наиболее авторитетных жителей Воронежа.

После ареста Моисеев жил в чистой, нормально меблированной комнате с кроватью и без решеток в окнах, вместе с ним целыми днями проводила время его жена. Никаких цепей и наручников на нем не было, он был одет в свой собственный штатский костюм, и обращение с ним было в высшей степени корректное.

Получив столь веско подписанную петицию, но, отлично понимая, что такой идейный коммунист в конечном итоге может быть для России опаснее коммуниста-шкурника, генерал Шкуро, морально уступая просьбам наложил резолюцию: "Позорное повешение заменить благородным расстрелом". Приговор приведен в исполнение.

Грустным вопросом, коснувшимся жителей Воронежа, облитых как из ушата холодной водой, охладившей их первоначальный порыв и восторг при встрече конницы генерала Шкуро, были грабежи, вошедшие как бы в права и норму войск-победителей.

Прежде чем перейти к своим собственным личным наблюдениям, коснусь вопроса грабежей широкого масштаба, позже вошедших в военно-историческую литературу.

Там где я не был, я и не несу ответственность за разоблачения и оценки этого большого зла.

В своих "Воспоминаниях" (Нью-Йорк, 1954 г. стр.361) последний Протопресвитер Русской Армии и Флота о. Георгий Шавельский пишет, что на его обращение в штаб главнокомандующего с просьбой прекратить грабежи в армии, генерал Романовский ответил: "Грабежи, единственный стимул для движения казаков вперед. Запретите грабежи, их никто не заставит идти вперед".

И грабежи с молчаливого попустительства Главного Командования, развивались все больше. Некоторые из войсковых начальников таких, как Кубанский герой генерал Шкуро и Донской генерал Мамонтов сами показывали пример. Вслед за вождями грабили офицеры, казаки и солдаты; за

частями тянулись обозы с награбленным добром; казаки и солдаты возвращались домой с мешками набитыми деньгами и драгоценными вещами, и, разбогатев, конечно не хотели воевать. Грабежи стали общим явлением, которого никто не скрывал.

В своих "Записках белого партизана" (Буэнос-Айрес, 1961 г. стр. 224) генерал Шкуро пишет: "8-го сентября мы соединились с возвращавшимся из рейда в Тамбов корпусом генерала Мамонтова, который вел за собой бесчисленные обозы с беженцами и добычей. Достаточно сказать, что я, едучи в автомобиле, в течение двух с половиной часов не мог обогнать их. Казаки Мамонтова сильно распустились, видимо стремясь довести поскорее до хаты свою добычу. Она была весьма богата, например, калмыки даже прыскали своих лошадей духами.

При такой общей постановке дела нет ничего удивительного, что, в частности, в Воронеже грабежи процветали, и если наверху это делалось шито-крыто, и я об этом ничего не могу сказать, внизу это совершалось совершенно открыто, и без запрещений.

И в мой дом во время моего отсутствия, врывались лихие "шкурницы" и на просьбу пожилой хозяйки дома, оставить хоть часть ложек, нужных нам для еды, один из грабителей грубо ей ответил: "Молчи старуха! Застрелю!" - и навел на ее револьвер. Пришлось подчиниться, - берите все что хотите.

В полку мне приходилось своими глазами видеть чуть не доходящие до драки дележи награбленного серебра и золота, но бороться против поощряемого "стимула победы" не было совершенно никакой возможности.

Взятие Воронежа было последним успехом поступательного движения корпуса генерала Шкуро, и здесь произошел перелом от наступлений к отступлениям.

Не говоря уже о том, что всякая грабящая армия теряет свою боеспособность, в данном случае началу развала способствовали разгон генералом Деникиным Кубанской Рады и появление нового сильного противника в лице конницы Буденного.

Разгон Рады, естественно, вызвал на Кубани появление самостоятельного движения под лозунгом: "Мы большевиков к себе не пустим, но освободить от них Россию мы не желаем, пусть освобождаются сами". И этот лозунг быстро достиг фронта. Сразу же началось даже не дезертирство, а открытое принципиальное массовое возвращение кубанских казаков домой на строевых лошадях и с оружием в руках. По пути они требовали от населения продукты для себя и фураж для лошадей, вызывая озлобление мирных жителей против белых войск.

Появление нового сильного противника, будущего маршала Буденного имело решающее для Воронежа значение. Личные его организаторские способности не подлежат сомнению, и не будь их, он, как и маршал Жуков, не продвинулся бы из драгунских унтер-офицеров Императорской

армии в красные маршалы. Конница его главным образом состояла из изгнанных из станиц за причастность к большевизму казаков, стремившихся домой. Будучи многочисленнее, чем войска генерал Шкуро, почти десять раз, Буденный заботливо берег людей и конский состав, давая войсковым частям смены для отдыха. В то время как генерал Шкуро из-за того, что инициатива находилась в руках противника, вынужден был держать в первой линии все свои войска бессменно.

Кроме того, у нас появилось еще новое зло, — отсутствие подков для перековки лошадей на зимние шипы. Во время гололедицы наши кони могли идти только шагом, в то время как кованная на зимние подходы кавалерия Буденного развивала любой аллюр, что создавало неравные условия маневренной войны.

Мой полк в то время стоял в Землянске, охраняя подступы к Воронежу, обеспечивая переправы через Дон. Оттуда я был послан в Воронеж, в штаб генерала Шкуро для связи в сопровождении несколько казаков для доставки донесений.

Представьте ужас моего положения, когда в штабе я не нашел трезвых людей, чтобы доложить о своем прибытии.

Через открытые двери в зал, занимаемой штабом гостиницы, я слышал звуки военного оркестра и видел, как лихой партизан Шкуро с не меньшей лихостью поднимал бокалы вина и лихо отплясывал лезгинку, окруженный цветником восхищенных им дам. Все же мне удалось разыскать есаула — начальника связи штаба корпуса, уже сильно подвыпившего, и отрапортовать ему о моем прибытии в его распоряжение. Он пригласил меня в его комнату, и, заявив, что без водки не разберешь, предложил выпить. Незаметно выливая рюмку под стол, я внимательно слушал ошеломляющие рассказы, что с Воронежем все кончено, все пропало, и что мы спешно покидаем город.

Узнав такую неожиданную новость, я послал три донесения моему командиру полка, но ни одно из них в полку получено не было, поскольку все три связных бесследно исчезли.

Очевидно, они просто повернули коней на Кубань, так как путь Воронеж — Землянск был еще вполне свободен.

И действительно, чтобы не оказаться отрезанными и окруженными в Воронеже, с перспективой пробиваться на сотню верст через подавляющие конные массы противника, генерал Шкуро в ночь с 10 на 11 сентября оставил Воронеж и перешел за Дон.

Выйдя из города вместе со штабом, я одиночным порядком повернул в Землянск и доложил своему командиру полка всю обстановку. В Землянске полк не подвергался нападениям красных, мои тревожные донесения до полка не дошли, и командир полка был уверен в общем благополучии, но с моим приездом он сразу же повел полк на присоединение с корпусом.

Были ли после нашего ухода из Воронежа и возвращения туда большевиков их репрессии в отношении населения в наказание за первоначальный восторженный прием белых войск, я не знаю, но думаю, да. Я так думаю на том основании, что контрразведка генерала Шкуро достоверно выяснила, что за восторженный прием оказанный проходившему через город возвращавшемуся из Тамбовского рейда генералу Мамонтову, жители Воронежа подверглись жестоким репрессиям Че-Ка в застенках чрезвычайки, в подвалах домов и в монастыре, были найдены потрясающе изуродованные трупы мирных жителей и монахов, жертв большевистских палачей.

Не потеряв почтовой связи с Воронежем, уже живя в Белграде, я узнал, что большевики, по занятию города, объявили в первом же своем приказе населению, что все лица, где-либо служившие до белой оккупации, обязаны в кратчайший срок вернуться на свои прежние места службы, а кто не вернется, будет считаться врагом народа и подлежит наказанию. Ясно, что люди лишенные при генерале Шкуро службы и средств к существованию, ожили и воспрянули духом, и всем тем, кто вернулся по приказу сразу же было выплачено их полное жалование, как будто никакого перерыва в их работе и не было.

Сам собою отпал и кризис с добровольческими денежными знаками, и жизнь вошла в прежнюю, увы, советскую колею.

Население опять попало под власть чекистов с потрясающими их жестокостями, но и симпатии к белым освободителям тоже пропали, а страх перед нашим возвращением превзошел ненависть к большевикам.

За это жителей Воронежа винить нельзя, так как они действительно перенесли много горя и имели право сильно разочароваться в нас.

После оставления Орла и Воронежа под давлением противника началось общее отступление Белых войск, что давно и подробно описано и в моих дополнениях не нуждается, однако я приведу только один эпизод из гражданской войны.

Это было в конце 1919 года, когда под давлением сильно превосходящего нас противника после отхода из Воронежа, мы заняли Луганск, откуда впоследствии пришлось отступать дальше на юг. Я в это время был на службе в Сводно-кавалерийском полку 1-й Кавказской казачьей дивизии. Мой полк был сведен в 4 эскадрона, из коих 2 были туземные: черкесский и татарский.

Из города Луганска по тактическим соображениям черкесский эскадрон был послан в станицу Луганскую. Так как в нем кроме командира эскадрона – тоже черкеса по происхождению больше не было офицеров, командир полка назначил меня следовать в эту командировку вместе с ними. Таким образом, здесь я оказался единственным русским православным человеком и офицером регулярной кавалерии среди черкесов-магометан – чистых уроженцев Кавказа, представителей туземной иррегулярной конницы.

После выполнения возложенной на эскадрон задачи и под давлением сильно наседавшего на нас противника, настал, наконец, час покинуть станицу Луганскую в направлении на Дон, и мы, потеряв много времени на переправу через реку Северный Донец, начали движение в позднее вечернее время. Погода сперва нам благоприятствовала, и я легко определил по звездам направление для нашего движения. Но среди ночи небо стало заволакивать, и началась снежная метель, быстро занесшая едва заметную проселочную дорогу, по которой мы шли.

Чтобы не плутать зря целым эскадрон, мы расположились в поле вокруг костра, выслав вперед двух черкесов разведать жилье. Отъехав от нас на 2 или 3 версты, посланные разведчиками черкесы, обнаружили в открывшейся перед ними долине огонек и немедленно направились к нему. Оказалось, что свет исходил из окна небольшой помещичьей усадьбы, находившейся на окраине большого села. Когда разведчики верхом подъехали к освещенному окну усадьбы, они обнаружили, что, несмотря на поздний час, жители дома не спали и были одеты, а во дворе стояла запряженная в сани лошадь вполне готовая к отъезду.

На их стук к окну подошел хозяин дома, и, увидев за окном двух вооруженных всадников в меховых папах и в бурках, занесенных снегом, без погон и кокард, или без красных повязок и звезд, то есть без отличительных знаков воюющих армий, он спросил: "Кто вы такие?", на что черкесы ответили: "Мы красные!" После такого ответа в доме сразу потух свет, а из окна раздался выстрел. Один черкес упал с коня мертвым, а другой галопом поскакал к эскадрону, чтобы сообщить о случившемся.

Встревоженный эскадрон быстро доскакал до места происшествия, но в опустевшем доме никого уже не обнаружил, лишь тело убитого черкеса свидетельствовало о только что здесь разыгравшейся трагедии. Захватив с собой покойника, эскадрон пошел на ночлег в ближайшее село.

После описанного печального случая и после ночи, проведенной в снегу в открытом поле, мы хорошо отогрелись и отдохнули в большом и богатом селе, а затем двинулись дальше на соединение со своим полком.

Пройдя после отдыха верст 25 или 30, нам попался на пути небольшой государственный конный завод, а так как у моей лошади расхлябались подковы, я решил отстать от эскадрона, заехать в кузницу и подтянуть подковы. Зайдя в канцелярию, я встретил там офицеров в форме Донского казачьего войска, которые не только разрешили мне воспользоваться услугами кузницы, но и пригласили меня на обед.

За обедом они мне рассказали недавно произошедший следующий кошмарный случай. В свое небольшое имение, по описанию то, где был убит из окна наш бедный черкес, приехал с фронта офицер Белой добровольческой армии, чтобы перед приближением красной опасности эвакуировать свою жену. И вдруг, поздно ночью, когда все уже было готово к отъезду: вещи уложены, муж и жена одеты в дорогу и лошадь, запряжен-

ная в сани, ожидала хозяев во дворе, в окно раздался стук, и на белом фоне снега вырисовались две темные, вооруженных фигуры верхом на лошадях. На вопрос хозяина дома, кто они такие, последовал ясный и отчетливый ответ: "Мы красные". Не долго думая, офицер быстро потушил свет и из темной комнаты выстрелом через окно снял с коня одного всадника, а другой моментально ускакал прочь.

Сильно взволнованные происшествием офицер и его жена, предвидя нападение на усадьбу красной конницы, не теряя ни минуты, уехали из дома, и в данный момент оба они находятся здесь, у нас, под нашим гостеприимным кровом. Вот какой разыгрался кошмарный случай, и только находчивость офицера и случайная готовность к отъезду спасли положение!

По мере того, как рассказчик описывал печальное происшествие, передо мною ясно раскрывалась истинная ужасающая картина того, как глупая шутка наших разведчиков, назвавших себя для чего-то красными, привела к смерти черкеса, к поспешному оставлению супругами родного угла при самой кошмарной обстановке. Но ужас происшествия чуть-чуть не продлился дальше! Дело в том, что не подозревая ничего опасного, рассказчик выдал мне местопребывание офицера, убившего черкеса, а у кавказцев понятие чести и долга, основанных на кровной мести, которая требует обязательной смерти каждого убийцы независимо от суда над ним, или его полной невиновности. Бог просто спас белого офицера тем, что подтянуть подкову задержался я, единственный христианин во всем, только что прошедшем черкесском эскадроне, а не задержались черкесы-магометане, потому, что узнай они, что, стало известно мне, — никто не удержал бы эскадрон от жестокой кровавой расправы над человеком, в сущности поступившим правильно, будь убитый черкес действительно красным.

Когда я рассказал присутствовавшим, что убитый был черкес моего эскадрона, а никак не красный, и описал, как это произошло, и как безобидно подъехали черкесы к роковому окну, исключительно с целью разведки ночлега для нашего эскадрона. Когда я объяснил, что неосторожность упоминания о местопребывании офицера, застрелившего черкеса, могло привести здесь, сейчас к ужаснейшей расправе над ним во имя кавказской кровавой мести, присутствующие были просто ошеломлены и потрясены всем тем, что случайно выяснилось только благодаря хлябавшей подкове моей лошади.

Мои христианские убеждения, равно как и закон Российской Империи, строго осуждают кровную месть, и я дал уверения, что, догнав эскадрон, я не скажу никому не слова о наших разговорах здесь. Я сдержал свое слово, и только теперь, более полувека спустя, когда для участников события миновала всякая личная опасность, я впервые описываю этот эпизод исключительно из чисто исторических соображений.

Я не стал бы описывать это небольшое происшествие, просто как любопытный эпизод, если бы в данном случае ярко не отражались бы некоторые характерные особенности братоубийственной войны, о чем стоит упомянуть.

Дело в том, что в гражданскую войну 1918-1920 годов, оба противника были одинаково русскими, говорили на одном и том же языке. Родные братья часто находились в противоположных враждующих армиях, и поэтому внешний вид и язык не давали никакой возможности при взаимных встречах определить принадлежность части войск к той или иной стороне. Форма одежды не только не помогала разобраться в этом вопросе, но и часто только сбивала с толку благодаря переодеванию, главным образом, красных кавалерийских разведчиков, проникавших в наше расположение в нашей форме: в погонах, с белыми кокардами, и подавая команду: "Смирно!" при встречах с белыми войсками.

Известен даже случай, когда командир переодетого красного конного разезда, бывший царский офицер встретил в белом расположении своих однополчан по Императорской армии, посетил их, и даже вместе с ними выпил и пообедал, а на их заявление: "а мы слышали, что вы перешли на службу в Красную армию...", ответил: "Что за глупости? Вы же видите, что я здесь, вместе с вами". После чего он, заслужив доверие, легко вывел свой красный разезд обратно на красную сторону, захватив с собой полученные нужные сведения.

Ошибки в опознании воинских частей в гражданскую войну случались довольно часто, вследствие чего в обеих враждующих армиях разыгрывались бои своих со своими...

Соприкосновение войск с мирным населением имело в гражданскую войну очень большое значение, и в особенности, когда мирные жители почему-либо больше симпатизировали нашему врагу, чем нам. Жителей нужно было сбивать с толку относительно истинного положения вещей, чтобы они не могли быть полезны противнику доставлением ему о нас необходимых военных сведений. В этих случаях конные разведки и подвижные передовые отряды, входя в села, в одних избах называли себя белыми, а в других — красными, или во всем селе называли себя именем противника. В военной практике это называлось "заметать следы", что часто достигало известной цели, однако это надо было делать разумно, умно и осторожно.

В описанном мною происшествии в таком заметании следов абсолютно не было никакой надобности, и со стороны разведчиков-квартирщиков это было лишь чисто мальчишеским поступком: из озорства назвать себя красными, что привело к очень печальным результатам.

Белая Добровольческая армия возникла на Юге России на землях зажиточного свободолюбивого казачества, и уже первый Кубанский поход охватил Кубань и черкесские аулы Кавказа. Пополняясь чисто русскими

элементами, бежавшими от большевиков на Дон и примыкавшими к армии по мере занятия ею русских земель до Орла и Воронежа включительно, Белая Армия никогда не теряла своей первоначальной самобытности. Уважение русских к обычаям и укладу жизни казаков, горцев и прочих южных народностей никогда не пропадало и не ослабевало. Правда, донцы называли кубанцев "халатниками", а кубанцы донцов – "картузниками", но это не были ни вражда, ни презрение, а давний казачий обычай "дразнить" друг друга, и каждой станице обычно давалось особое название, по которому "дразнили" ее жителей.

Как пример приведу, что ввиду вхождения в Сводно-кавалерийский полк, где я служил, двух туземных эскадронов, в буфете нашего полкового офицерского собрания нельзя было заказать бутербродов с ветчиной или колбасой, хотя остальные эскадроны в полку были чисто русскими. Этот пример показывает, что уважение обычаев и нравов тех народов, с которыми в гражданскую войну приходилось входить в тесное соприкосновение, было обязательным условием военной службы того времени.

Примером необходимости быть всегда внимательными к укладу жизни, психологии и религии соратников туземного происхождения в описанном мною происшествии, может служить то, что не учти я существование на Кавказе "кровной мести", и не умолчи среди черкесов о том, что случайно стало мне известно, могла бы тут же разыгаться новая трагедия, быть может, сопровождаемая даже новыми убийствами.

Участвуя в боях с наседавшим противником, я довоевался до Ростова-на-Дону, где заболел сыпным тифом и окончательно выбыл из строя. Из Екатеринодарского английского военного госпиталя я был эвакуирован на остров Лемнос, и моя вооруженная борьба против большевиков на русской земле закончилась, а возобновилась в Югославии, в рядах Русского Корпуса.

Глава 9. ЭВАКУАЦИЯ

В отличие от нормальных войн между враждующими государствами гражданская внутренняя война не может допускать никаких компромиссов при ее окончании, и не может быть и речи о сдаче врагу разбитой армии на милость победителя. Побежденная сторона обязательно будет стерта с лица родной земли, а все активные участники борьбы будут или сразу расстреляны, или заключены по тюрьмам и концлагерям до конца их недолговечной там жизни.

Даже во время первоначальных побед и крупнейших успехов по ходу войны, даже на маловероятный случай перемены военного счастья всегда необходимо предусматривать все наихудшее, и следует неприступно укреплять последнюю пядь родной земли и всецело быть готовыми к мор-

ской и сухопутной эвакуации армии и мирного населения, непримиримого в отношении к врагу – победителю.

Такой основной закон всякой гражданской внутренней войны, всегда должен быть ясен и понятен вождям воюющих сторон, но, к сожалению, то что легко может понять даже гимназист, упускается из вида военачальниками, опьяненными временными успехами, в эффективных локальных победах местного значения.

Это коснулось и двух наших главнокомандующих вооруженными силами Юга России, из коих генерал Деникин ничего не подготовил для эвакуации из Новороссийска войск Кубанского фронта, прижатых к морю, допустив величайшую в мире "новороссийскую трагедию". А генерал барон Врангель – отлично организовал Крымскую эвакуацию, заранее все предусмотрев и подготовив морской тоннаж судов, вывез за море всю Белую армию и гражданское население.

В первую мировую войну генерал Деникин, человек в высшей степени честный, благородный и скромный в личной жизни, дважды георгиевский кавалер, заслужил славу выдающегося военачальника. И эта слава пронеслась по всей России, после того как прославленная "железная" 4-я стрелковая дивизия генерала Деникина приняла на себя исключительно сильный удар германской легендарной "стальной" 20-й Брауншвейгской дивизии с черепами и костями на шлемах, и вдребезги разбила атаковавшего противника. Радостное известие принял народ, что "русское железо сломило немецкую сталь".

В Белой армии, первопоходник генерал Деникин, на которого пала вся тяжесть главного командования после смерти генерала Корнилова, вывел армию на Московскую дорогу и блестящие победы при взятии Орла и Воронежа, создали ему славу, затуманившую мысль о возможности неудач.

К сожалению, часто отличным офицерам Великой войны трудно было разбираться в психологических и политических вопросах, выдвинутых гражданской войной, что вело к плохим результатам.

Я не буду останавливаться на всем давно известных событиях - как генерал Деникин откатился от Орла до Новороссийска, даже не предусмотрев собрать там суда на случай морской эвакуации, и не будут повторять описания, о том, как, заподозрив кубанскую самостоятельность, в антибольшевистском национальном движении казачества, генерал Деникин дошел до разгрома Кубанской Рады, включая даже повешение члена Рады Кулабукова. Я расскажу свои личные воспоминания и переживания, связанные с Новороссийской эвакуацией.

В предыдущей главе настоящего труда я подробно описал пережитые мною последствия оскорблений, нанесенных генералом Деникиным казакам, и с переходом от слов к делу, последствия его разгрома Кубанской Рады.

Казачество с давних пор было верным оплотом России, и во всех случаях внутренних политических волнений для восстановления порядка первыми всегда посылались казаки, как наиболее верное и надежное войско. Личную охрану Государя нес Собственный Конвой Его Величества, как форму носивший черкеску, в составе двух Кубанских сотен и двух Терских. Во время революции 1905 года Московский гарнизон оказался не надежным, кроме 1-го Донского казачьего и 1-го гусарского Сумского полков, сразу же примкнувшим к прибывшему из Петербурга на усмирении Москвы лейб-гвардии Семеновскому полку. В Японскую войну, всю русскую конницу составляли только казаки, за исключением одного Приморского драгунского полка, стоявшего в селе Раздольное, близ Владивостока. И в первом Кубанском ледяном походе, и в возможности создать Вооруженные Силы Юга России казачество сыграло доминирующую роль.

Я нарочно чуть задержался на заслугах казачества перед Россией, чтобы читателю был лучше понятен тот оправданный и естественный взрыв негодования казаков против Главного командования Добровольческой армии, который охватил, в частности, и Воронежский фронт – в Кубанском корпусе генерала Шкуро, где я был в рядах 1-й Кавказской казачьей дивизии.

Я не знаю, что побудило генерала Деникина в русском национальном подъеме казаков против Советского Интернационала увидеть самостоятельность и причислить их к числу врагов единой и неделимой России. Находясь в казачьей среде до разгрома Кубанской Рады, я даже ни разу не слышал разговоров на эту тему.

Когда в Орле и в Воронеже были большие надежды на спасение России, но и противник не дремал и накапливал силы, как мог генерал Деникин решиться на такой шаг, явно идя на разрыв с казачеством именно тогда, когда нужны были единение и сплоченность всех антибольшевистских сил.

Не знаю, как мог не понимать генерал Деникин, того, что должно быть понятно ученику приготовительного класса гимназий?

Всякое отступление под давлением превосходных сил противника дело нелегкое и требует организованности и жертвенно сдерживающего врага арьергарда, чтобы отступление не превратилось в паническое бегство.

Мне пришлось пережить безалаберный отход из Воронежа в условиях кошмарной обстановки, когда казаки открыто стали разбегаться по домам.

Многочисленность и дисциплина кавалерии Буденного угрожали нам везде и всюду, и нам всегда приходилось быть начеку, чтобы вовремя парировать удар или выйти из кольца окружения. В таких безалаберных условиях войны я докатился до Ростова – на – Дону.

Ужас отступления заключался еще и в том, что сыпной и возвратный тиф буквально косил Белую армию, и что переполненные до отказа госпитали при отходе войск почти всегда попадали в руки красных, которые решали, что противники им совершенно не нужны, кормить и лечить их – нет никакого смысла, а прикончить всех их штыком или пулей, – самое простое и легкое дело.

В Белой Армии никак и никогда при начавшемся отступлении не был поднят и разрешен вопрос об оказавшихся бездомными женах и семьях героев фронта и не было организовано для них в тылу ни лагерей, ни колоний, ни хотя бы денежных выплат для возможности им скромно жить. Эти женщины вынуждены были находиться в обозах полков своих мужей, так как другого выхода из положения не было и при беззаботности высшего начальства и быть не могло. Не составляла исключения и моя жена – Зинаида Викторовна.

С отходом на Кубань она оказалась абсолютно бездомной и принужденно привязанной к полку. Здесь она подвергалась всем ужасам маневренной гражданской войны с постоянными прорывами из кольца окружения многочисленного противника. Здесь, чудом, не задетая пулями огня противника и чудом, уцелевшая под занесенной над ее головой обнаженной шашкой красноармейца, в последний момент снятого с коня пулей нашего офицера, Зинаида Викторовна осталась близ меня вплоть до моего заболевания сыпным тифом, жестоко и беспощадно косившим фронт.

Казалось, что она была лишней обузой в полку, и ее страхи и муки были совершенно напрасными, но оказалось, как раз наоборот: без ее помощи и защиты я давно был бы убит или растерзан большевиками. Ведь фактически никакого организованного тыла, проявлявшего заботу о выбывших из строя воинах у нас не было, и только частная инициатива моей супруги спасла меня от неминуемо надвигавшейся смерти.

Мое заболевание тифом наш полковой врач обнаружил в Ростове – на – Дону, куда докатилась Белая Армия, отступавшая от Орла и Воронежа. На мое счастье, в Ростовских госпиталях для меня не нашлось места, так как вскоре все госпитали подверглись красному террору, два госпиталя сгорело со всеми лежавшими там больными. Я остался в своем полковом околотке, отступавшем дальше вместе с полком. И меня на тряской санитарной двуколке и днем и ночью, в дождь и мороз отвозили все дальше и дальше.

Это тряское безрессорное путешествие в полусознательном тифозном состоянии днем и ночью и во всякую погоду было бы абсолютно невыносимым, не будь возле меня Зинаиды Викторовны с ее заботами обо мне из ее последних сил. Но и это едва терпимое путешествие было до поры до времени.

Большая трагедия разыгралась при отходе на Кубань в станице Куцевке, когда наступившая распутица и абсолютное бездорожье совершен-

но остановили всякое колесное движение. Не находя никакого иного выхода из положения наш полковой околоток оставил всех своих тифозных, раненых и больных, в том числе и меня, в частной казачьей хате на полную милость входящего победителя, а сам отступил вместе с полком в конном строю.

Узнав о случившемся, Зинаида Викторовна разыскала меня, но сама помочь мне, конечно, ничем не могла. Она была в полном отчаянии, но отчаяние придает силы и побуждает к решительным действиям. Увидев проходящую воинскую часть казаков, она бросилась со слезами к их офицерам с просьбой помочь меня вывезти, и они, поругав мой полк за брошенного офицера, где-то все же раздобыли ей лошадь с повозкой, но, имея боевую задачу, сами большего сделать, не могли ничего.

Положив меня на повозку без посторонней помощи и сопровождения, она выехала из станицы в неизвестном направлении. Но вскоре наши колеса увязли в грязи, и лошадь безнадежно и окончательно встала. Тогда моя жена сумела выпрячь коня, посадить меня верхом и на поводу довести коня до станции железной дороги.

Здесь нам, наконец, посчастливилось, и мы застали на вокзале готовый к отходу последний санитарный транспорт, до отказа переполненный тифозно больными, но все же нам удалось втиснуться в поезд и улечься на полу вагона.

Так закончилось мое первое спасение моей женой, неразлучно бывшей со мной на фронте, а не будь ее, мой конец был бы совершенно ясен.

Наконец поезд тронулся. Куда? Не все ли равно? Начальство само лучше знает: лишь бы не из огня да в полымя. Главное, мы спасены и вывезены из Куцевки, ставшей мышеловкой!

Радость сознания своего счастливого спасения покрывала все недочеты невеселого путешествия, и, находясь в тифозном полусознании, я не мог вникать в трагедию реальной обстановки с потерей всего имущества. Сразу же по выезде из Куцевки умерло несколько человек больных, их без похорон оставили под откосом полотна железной дороги и нам, первоначально лежавшим на полу вагона, освободились места на скамейках, что значительно улучшило наше положение.

Наконец наш санитарный транспорт подошел к месту своего назначения – к городу Ейску, лежащему на Кубанском берегу Азовского моря против Крыма, ставшего последним оплотом Белой Армии. Выбор места для разгрузки транспорта был бы логичным, не будь уже поздно.

За время поездки моя жена успела слегка познакомиться с медицинским персоналом поезда и из разговоров она случайно узнала о распоряжении начальника эшелона – старшего врача летучки о чрезвычайной спешности разгрузки.

"Нам нужно, – сказал он, – как можно скорее разгрузить больных в местный лазарет и немедленно порожняком отбыть из Ейска, так как крас-

ные подходят к городу и вот-вот войдут сюда, а нам необходимо успеть уехать, чтобы не попасться в их руки".

Взволнованная таким известием Зинаида Викторовна решила никак не допустить моей выгрузки в Ейске, и когда очередь дошла до меня, она вынула револьвер и сказала: "Моего мужа выгружать я не дам, и если вы будете брать его силой, я буду стрелять в каждого близко подошедшего к нему, а потом в мужа и сама в себя".

Угроза подействовала. Всем стало ясно, что дело не в пустых словах и нужно уступить требованию во избежание неминуемого кровопролития.

В итоге поезд быстро был разгружен и, как вскоре выяснилось, больные пали жертвой ворвавшихся большевиков, а в опустевшем транспорте кроме персонала единственными пассажирами остались только мы вдвоем с женой.

Нашу судьбу решил как раз именно тот исторический револьвер, который я сам лично взял из рук красноармейца в своей первой же конной атаке по белому принципу – арсеналы и интендантство впереди.

Это было второе спасение меня моей женой. Обратное путешествие в пустом поезде прошло благополучно и без приключений, кроме одного незначительного случая, о котором можно было бы и не упоминать. Пользуясь нашим одиночеством в вагоне, то есть отсутствием свидетелей, один из санитаров обратился к нам со словами: "Мне очень понравился Ваш полубок, подарите его мне, а если не подарите, я все равно возьму его силой".

Когда же ему молча показали револьвер, он, кисло улыбнувшись, сказал: "Ведь я же пошутил, я пошутил" и мгновенно и бесследно навсегда исчез с горизонта.

Настало, наконец, время выгружаться и мне, и мы оба с женой из поезда попали в Английский военный госпиталь в Екатеринодаре, в то время находившемся далеко от фронта. Здесь мы попали в нормальную больничную обстановку, где все было чисто и опрятно, где были уход и лечение и где боролись за жизнь каждого больного во время его тифозного кризиса.

В Английском госпитале все было хорошо, но плохо было на фронте, отходившем под давлением превосходящих сил противника, начавших угрожать Екатеринодару. Эта угроза привела к эвакуации госпиталя вместе с нами из Екатеринодара в Новороссийск.

Жестокая обстановка, сложившаяся в Новороссийске из-за недостатка кораблей для эвакуации мирного населения и белых войск, прижатых красными к морю, вошла в историю гражданской войны под названием "новороссийская трагедия" и многократно и подробно описана в русской военно-исторической литературе.

Поэтому я не буду повторять общих описаний, а коснусь лишь своих личных воспоминаний из своей Новороссийской эпопеи.

В Новороссийске мы с женой находились в товарной теплушке санитарного поезда Екатеринодарского Английского военного госпиталя, стоявшего на запасном пути против вокзала.

В моей болезни это был перерыв между выздоровлением после сыпного тифа и началом предстоящего возвратного. Я уже мог как-то передвигаться и видеть, что творится в предшествии новороссийской трагедии.

Однажды я набрел возле вокзала на склад английского военного белья, причем белье в громадном количестве было сложено от пола до потолка. На мою просьбу, обращенную к сестре милосердия, выдать мне и моим сожителям по теплушке хоть по одной смене белья, она ответила, что полковника, заведующего складом здесь сейчас нет, а без него она ничего выдать не может. В последствии оказалось, что этот пресловутый полковник, предвидя катастрофу, бросил все, и своевременно уехал из Новороссийска. После моих убедительных доказательств в самой вежливой форме разговора с женщиной, но все же с намеком на наличие в кармане оружия, она согласилась, и выдала нам просимое белье, и мы расстались в самых лучших отношениях.

Я не знаю судьбу этого склада, успели ли его поджечь до прихода красных или он стал богатым подарком большевикам, но, во всяком случае, белье не было выдано эвакуировавшимся воинам Белой Армии, очень в нем нуждавшимся.

Однажды с вокзала донеслись до нас бравурные звуки военного оркестра, возбудившие наш общий интерес, в чем же было дело? И я выполз из вагона-теплушки, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Оказалось, что с фронта прибыл Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России генерал Деникин, и его встречало все местное военное начальство с почетным караулом и со всеми воинскими почестями. Все это было эффектно обставлено, и генерал Деникин сказал красивое слово с призывным обращением к войскам и офицерству о продолжении непримиримой борьбы с врагом, поработившим Россию.

Но это слово он, очевидно, не относил сам к себе.

Немного времени спустя от Новороссийска отошел английский военный корабль, на котором находились Главнокомандующий генерал Деникин, его жена и его любимый начальник штаба генерал Романовский, и дым корабля вскоре скрылся за морским горизонтом.

Заехав в Крым, чтобы сдать свою должность генералу Врангелю, генерал Деникин направился в Лондон, где стал английским лордом за его заслуги перед Англией, всегда привыкший извлекать пользу за счет пролитой русской крови.

Свою преданность нашим "дорогим союзникам" он доказал еще и тем, что не брал от немцев нужных ему артиллерийских снарядов, считая что с ними он мира не заключал, но брал те же немецкие снаряды из рук

донских казаков, по выражению генерала Краснова "омытыми в тихом Дону".

Бросив погибающую, прижатую к морю без подготовки к эвакуации армию на полный произвол судьбы, генерал Деникин совершил поступок недостойный офицера, но так он поступил ради собственной безопасности и ради спасения своей жены.

Все это произвело на меня такое сильное и неизгладимое впечатление, что я морально считаю себя в праве довести до сведения ученых историков ту правду, которую я видел своими собственными глазами.

Для морской эвакуации из Новороссийска Английского военного госпиталя в качестве госпитального судна под русским флагом, под флагом Красного Креста и под желтым флагом тифозного карантина был предоставлен пароход добровольного флота "Владимир". Но возможности попасть на него часто не доходили до имевших на то право – в первую голову тяжело больных Английского госпиталя, в числе коих был и я, а брались с боем совершенно здоровыми посторонними людьми за любую цену внеочередного пропуска. Даже совершенно здоровые люди за большие деньги добывали медицинские удостоверения о болезни. Одним словом, мест на пароходе для всех больных оказалось недостаточно, и мой госпиталь остался за бортом.

Узнав из случайного разговора доктора с сестрой милосердия, что только медицинский персонал попадет на "Владимира", а больные будут брошены, моя жена стала добиваться нашей персональной погрузки на пароход, но во всех инстанциях, ведающих эвакуацией больных, был всегда один шаблонный ответ, что мест на пароходе "Владимир" уже нет. В отчаянии она все же добралась до самого главного доктора, возглавлявшего эвакуацию, и он согласился, что тифозно-больной офицер имеет все права на место на тифозно-санитарном пароходе, и выдал ей просимые пропуска. Будь я один больной тифом, некому было бы за меня похлопотать.

Это был третий случай спасения меня моей женой.

Каждый легко может понять, как после борьбы за место мне было досадно видеть своими глазами на палубе одного из русских пароходов роскошную тройку рысаков с блестящей коляской и запасом фуража, занимавшими много места там, где многим людям не хватило места для спасения жизни.

Проникновение здоровых людей на пароход "Владимир" под самыми разнообразными предлогами, лишь бы спастись от катастрофы привели к такому случаю.

Я лежал в самом нижнем трюме парохода, на третьем ярусе деревянных нар, специально приспособленных для больных.

Как-то раз по естественным надобностям, не будучи в состоянии спуститься с такой высоты, мне потребовалась обычная в госпиталях услуга санитаря, и я, видя его в трюме в белом халате, обратился к нему: "Са-

нитар, утку". На это последовал его ответ: "Я не санитар, а полковник", и отказ в услуге. Это было сказано громко, все слышали, и в трюме поднялось такое общее негодование больных, что полковнику все же пришлось удовлетворить мою просьбу.

В том, что здоровый полковник, спасая свою жизнь, сумел наняться на санитарную должность на пароходе нет ничего плохого, но что он, добровольно взяв на себя долг и обязанность ухода за больными, почувствовав почву под ногами, от этого долга отказался, есть несмываемый позор для самолюбивого офицера. Ведь нет ничего унижительного, если офицер окажет помощь раненому или больному солдату, а в данном случае, если бы полковник хотел нести свою службу инкогнито, он мог бы закрыть халатом санитаря свой офицерский китель и не выдавать себя громогласным отказом от долга и чести. Эта незамысловатая служба продолжалась всего лишь 6 или 7 часов плавания от Новороссийска до Ялты, и потерпеть службу на такой короткий срок не так уже было и трудно.

Такого рода эпизоды могут повторяться в тысячах вариантов, и каждый из них всегда будет различным, личным и неповторимым, а потому их нельзя подводить ни под одно общее правило и ни под один общий итог. Однако описание многих аналогичных личных эпизодов, красочно вырванных из самой жизни, в сумме могут служить детальным дополнением к сухой официальной истории, внося в нее теплоту и сердечность, отражая людское горе и радость, или являясь искренним выкриком истерзанной человеческой души.

Итак, на пароходе "Владимир" под звуки артиллерийской канонады приближающегося фронта мы без удобств и комфорта счастливо и благополучно отбыли из Новороссийска.

С приездом в Ялту, медицинская комиссия осмотрела всех больных, прибывших из Новороссийска, сняла всех выздоравливающих, а тяжело больных, в том числе и меня, с добавлением новых больных из Ялты, на том же "Владимире" отправила за границу на греческий остров Лемнос.

На пароходе у меня начался возвратный тиф, и его кризис прошел с опасностью для жизни, так как здесь не было того ухода, как при кризисе моего сыпного тифа в Английском госпитале.

С отъездом на Лемнос мои личные наблюдения эвакуации закончились, и началась эмиграция, о чем я напишу дальше.

22 марта 1920 года в Крыму на должность Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России вступил генерал Врангель, о чем он дал ободряющий войска приказ с глубоким сознанием своей ответственности перед Родиной. Насколько он понимал действительную обстановку, видно из его слов, сказанных в кругу высших начальников: «Я не в праве обещать победу. В настоящих условиях мы на победу рассчитывать не можем. Я могу лишь обещать: не складывать знамени перед врагом, и если суждено — погибнуть»

Еще полгода белые одерживали блестящие победы над красными, но когда в октябре Польша вышла из войны с Советами, и красные обрушили громадные освободившиеся силы против русских героев, защищавших последнюю пядь родной земли, сопротивление стало невозможным.

Умный, энергичный, заботливый, и всеми любимый инженер и генерал-лейтенант барон П.Н.Врангель, заранее предвидя эвакуацию, предусмотрел все ее технические требования, подготовил перевозочные средства, морской плавучий тоннаж и проявил административную распорядительность, чтобы никто не был бы захвачен врасплох, как снег на голову.

Заботами генерала Врангеля своевременно был собран и подготовлен к погрузке весь наш Черноморский флот, включая буксиры, и под личным его наблюдением и руководством эвакуация Крыма произошла в полном порядке. На суда не бросалась обезумевшая толпа, пробивающая локтями путь к пароходам, а грузились войска, сохранившие свой воинский вид и порядок.

Но при полном успехе эвакуации, невольно напрашивается вопрос: Почему же противник своей дальнобойной артиллерией с гор не пытался топить наши корабли, чтобы нарушить порядок погрузки войск и вызвать недостаток морских перевозочных средств?

Ответ только один: Красных сдерживал наш жертвенный арьергард, без которого всякое отступление войск превращается в паническое бегство.

Об арьергарде Крымской эвакуации как-то никто ничего не знает, о нем совсем умалчивается в военно-исторической литературе, и герои, заплатившие жизнью за благополучный отход войск, остались совершенно забытыми. И я тоже ничего не знал бы об этом, не будь в числе войск арьергарда эскадрона моего Сумского гусарского полка вместе с эскадронами других кавалерийских полков.

Находясь в то время в тифу на острове Лемнос, я не мог участвовать в крымском арьергарде, но конечно, для современного ученого историка должно быть безразлично, дам ли свои воспоминания я, или другой мой однополчанин, участник пережитых событий, за верность описания которых я ручаюсь.

Перехожу к сокращенному описанию гибели Стрелкового кавалерийского полка, в состав которого входил Сумской гусарский эскадрон, со слов корнета Секалова, единственного оставшегося в живых после боя, сумского офицера. Он был ранен в плечо и во время сдачи, был на перевязке в том же чистом поле, но чуть в сторонке. Он успел снять погоны, а гусары не выдали его, что он офицер, и он попал в красный госпиталь, где сестры милосердия в списке раненых записали его как красноармейца. По выздоровлению он эмигрировал за границу.

Корнет Секалов сообщает:

В 8 часов утра 30 октября, Стрелковый кавалерийский полк снялся с позиции и двинулся на станцию Джанкой, спустя 8 часов после отхода от Сивашей последней воинской части, и на 14 часов позднее отхода на юг войск с Перекопского направления. Другими словами, остался один спешенный кавалерийский полк против рвущихся в Крым советских войск.

Двигались под угрозой появления красной конницы, с твердым намерением пробиться на соединение со своими частями, отходящими вглубь Крыма. Порядок и дисциплина в полку были образцовыми и дух бодрый. Во главе колонны шел командир полка полковник Аппель. Часа в три дня с разных сторон появились разъезды красной конницы и вскоре за ними эскадрон большевиков, который шел параллельно полку. Огня не открывала ни та, ни другая сторона.

Командир полка, видя, что вести бой в степи с конницей красных будет тяжело, решил занять впереди лежащую деревню, чтобы оттуда отражать противника. Когда полк подошел шагов на 500-700, оттуда по полку был открыт сильный ружейный огонь. Полк залег и стал отвечать. Слышна отчетливая команда штабс-ротмистра графа Борха: "Эскадрон пли!"

Противник открыл сильнейший ружейный и пулеметный огонь, пристрелялся скоро и точно. Кипит как в котле. Вскоре появились раненые, их уводят в "тыл". А тыл ровен как стол и обстреливается так же, как и фронт. Среди раненых уже командир эскадрона штабс-ротмистр граф Борх и корнет Секалов. Противник буквально заливает полк свинцовым дождем, а в полку нет никаких укрытий: ни ямочки, ни канавки, ни пригорка, ни ложбинки, ни кустика, все простреливается насквозь.

Поле боя имеет тяжелый, гнетущий вид: везде валяются убитые, раненые, все лошади перебиты, большинство пулеметов бездействует. Слышны четкие залпы, это эскадрон под командой штабс-ротмистра Головина еще отстреливается. Однако вскоре началась неразбериха...

Началось с того, что кавалерия противника в конном строю атаковала наш спешенный эскадрон Клястицких гусар, и вставшая на ноги толпа Клястицких – бывших пленных красноармейцев подняла руки для сдачи. Их пулемет еще робко стрелял с тачанки по атакующей кавалерии, а Клястицкие офицеры собрались позади пулемета.

С этого начался общий хаос. Все сдаются. Противник прекратил стрельбу.

Эскадроны Сумских гусар и Рижских драгун еще некоторое время продолжали оказывать сопротивление после сдачи прочих 4-х эскадронов полка, но очередь дошла и до них, и всякое их сопротивление стало бессмысленным.

В результате описанного боя, потери в офицерском составе Сумского гусарского эскадрона были потрясающими: командир эскадрона штабс-ротмистр граф Борх погиб в бою, поручик Новак сам успел застрелиться.

Взятые в плен офицеры: штабс-ротмистр Головин, корнет Мамонтов и корнет Кларк тут же на месте были расстреляны.

Раненый и единственный оставшийся в живых корнет Секалов чудом спасся, о чем было сказано выше.

Фамилии и судьба рядовых гусар остались неизвестными, но и среди них, безусловно, была масса жертв войны.

Аналогичная судьба постигла и прочие эскадроны Стрелкового Кавалерийского полка, вместе с его командиром полковником Аппелем тоже погибших в бою.

Жертвы арьергарда обеспечили прекрасно организованную заграничную эвакуацию Белой Армии и посему наш долг сохранять о них вечную память.

Глава 10. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЮГОСЛАВИИ

После всякой вынужденной заграничной эвакуации начинается зарубежная эмиграция, для большинства – в полной неизвестности будущего и в борьбе за существования. То же произошло и у нас, в большом масштабе и на весьма продолжительный срок. Кроме оставления Родины ради спасения от жестокостей наступающего красного врага для всего мира она еще имеет большое политическое значение, туго воспринимаемое правительствами и народами свободных стран.

За сверхполувековой срок после русской революции об эмиграции написано столько книг, статей и умозаключений, что повторяться больше уже не приходится, но дополнить все общеизвестное могут лишь личные воспоминания о том, что пережили сами эмигранты, и в этом отношении я постараюсь быть полезным.

Моя новороссийская эвакуация на тифозном госпитальном пароходе "Владимир" под флагом Красного Креста после продолжительного плаванья по морям в полной неизвестности привела, наконец, меня с женой на греческий остров Лемнос, где и началась наша заграничная эмиграция. Первые впечатления от гостеприимного берега было удручающим: голое каменистое поле, покрытое сухими колючками, змеи, ни жилья, ни деревьев, и лишь белеющие палатки, ране нас прибывших..., вот и все.

И все же эта первая зарубежная почва под ногами, тишина после многолетнего грохота орудий действовали успокаивающе, и появилась всеобщая уверенность в скором возвращении на Родину: не может же, в самом деле, горсточка руководителей коммунистической партии подчинить себе культурный двухсотмиллионный русский народ!

Неизвестность будущей нашей судьбы на острове Лемнос продолжалась долго, пока не пришло радостное известие, что Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев гостеприимно принимает нас в свою страну.

Этому гостеприимству мы были обязаны прежде всего Регенту Королевства, Престолонаследнику и будущему Королю Югославии Александру I (воспитаннику русского Пажеского Корпуса), Патриарху Варнаве (окончившему Киевскую Духовную Академию) и премьер-министру русофилу Николе Пашичу. Такого благородного и благодарного правительства за жертвенную помощь России сербам во время войны в других странах свободного мира, конечно, не было и не могло быть.

Для оказания помощи русским эмигрантам, в большинстве случаев потерявшим все свое состояние, Королевское правительство сформировало "Державную Комиссию для русских беженцев", взамен закрытого Императорского посольства, и эта Державная комиссия стала отстаивать русские интересы и помогать нам встать на свои ноги, чтобы перейти к жизни на собственное иждивение.

Державной комиссии также подчинялись все русские школы, гимназии и кадетские корпуса, получившие все права югославских государственных учебных заведений. Логично, что пока были живы Король и Патриарх, в их лице мы имели лучших защитников в нашем катастрофическом положении после потери Родины.

Совсем не так благополучно обстояло дело с отношением к нам населения страны, где нам пришлось пережить и братскую любовь, и безразличие, и ненависть, доходившую даже до убийств русских.

О том, как развивались психологические расхождения между сербами и нами, я постараюсь ясно растолковать с подтверждением примерами, взятыми из жизни.

И та, и другая сторона имели свои логичные причины и моральные оправдания в возникших разногласиях, главным образом, после смерти Короля, после проникновения коммунистической пропаганды в среду сербской интеллигентной молодежи и студенчества, и особенно, — после формирования Русского Корпуса в составе немецкого вермахта, когда русские эмигранты надели форму ненавистную сербам жестокого оккупанта.

По приезде в Югославию я оказался в многолюдном числе русских эмигрантов, прибывших сюда с фронта без гроша в кармане. Перед нами возник конкретный вопрос, как и где найти заработок, чтобы организовать свою жизнь на новом месте и на совершенно новых началах.

Среди общей массы безденежных эмигрантов я оказался в весьма привилегированном положении, так как до начала мировой войны 1914 года я был студентом старших семестров Политехнического института, и до прерванного войной моего высшего технического образования, я уже имел многие технические знания.

Я успел пройти не только общеобразовательные предметы, такие, как: высшую математику (интегральное и дифференциальное исчисление, аналитическую и начертательную геометрию), кристаллографию, ботани-

ку, морфологию растений и проч., но уже сдал экзамены и практику по техническим наукам: по геодезии, строительному искусству, технологии металлов и дерева, не говоря уже обо всех видах черчения: механического, топографического и архитектурного.

Попав первоначально в провинцию, и узнав, что военный топограф генерал Свищов открыл геодезические курсы в Белграде, я поехал к нему, чтобы возобновить там свои знания. Но он меня на курсы не принял, мотивируя это тем, что курсы не могут равняться с политехническим институтом, и что его цель — дать офицерам, не имеющим никакой специальности, реальные интеллигентные знания, открывающие путь к должности землемера Министерства земледелия. Он направил меня в бюро труда Державной Комиссии, а оттуда я получил направление в техническое бюро Нишских железнодорожных мастерских, где я сразу же получил службу по восстановлению многих недостающих частей на испорченных войной паровозах.

Вся моя зарубежная служба в Югославии, в Австрии и в Аргентине прошла на технических должностях, и мои югославские воспоминания тесно связаны с русским техническим миром.

После 1-й мировой войны маленькая, забитая турками Сербия превратилась в значительное независимое приморское европейское государство Югославию. Под мудрым управлением короля Александра I она быстрыми шагами пошла к техническому прогрессу страны.

К этому именно времени русской интеллигенции с ее громадными техническими силами и знаниями пришлось покинуть Родину, чтобы уйти от коммунизма в свободный мир. И там при самых неблагоприятных беженских условиях, в борьбе за существование и кусок хлеба русское техническое просвещение дало самые неожиданные и самые блестящие результаты.

Это особенно ярко выразилось в Югославии, несколько технически отсталой под влиянием исторической зависимости от турок. Поэтому русские инженеры и техники быстро завоевали здесь уважение и достойное положение на техническом поле деятельности. И действительно: все красивые и современные послевоенные министерские здания в Белграде проектировались и строились при обязательном и главном участии русских инженеров и техников.

Премированный на Парижской выставке проект здания Югославского Генерального штаба был шедевром архитектурного искусства русского военного инженера генерала Баумгартена.

Громадный мост через Дунай в Белграде в 7 пролетов по 162 метра каждый, с виадуком почти полтора километра — этот проект постройки русского инженера Гриневича.

Все работы по изысканию для построек в стране новых железных дорог вели четыре секции "изыскателей" под начальством русских инже-

неров путей сообщений Каширского, Каминского, Савинича и Синеокова. Перейдя из железнодорожных мастерских на железнодорожное строительство, как более интересное и лучше оплачиваемое, я попал геометром (геодезистом) в секцию инженера Каширского, который кроме инженеров подобрал технический персонал из студентов, прервавших из-за войны обучение в Петроградском институте путей сообщения, в Варшавском и Киевском политехнических институтах, в Харьковском технологическом институте и т.д.

Все рабочие и фигуранты (речники на геодезических съемках) тоже были русские, и среди них были офицеры, не имеющие никакой специальности. Все съемки на местности и проектирование в бюро велись на русском языке, и лишь окончательный проект новых трасс переводился на сербский язык для сдачи в министерства.

Та же русская картина была в дирекции вод, министерства руд и лесов, где на тех же чисто русских основаниях велись работы в секции инженера Бернацкого по регулированию течения югославских рек.

"Военно-географический институт" под командой получившего образование в России и женатого на русской генерала Бошковича, тоже почти целиком состоял из русских офицеров-топографов, и в этом военном учреждении даже довольно долго сохранялась русская военная офицерская форма.

Прекрасный храм на Опленце, где вечным сном спят сербские короли, построен и разрисован в стиле художника Васнецова и даже обнесен тем русским частоколом, какие встречаются на чисто русских картинах художника Билибина. Эта красота церковного строительства – тоже есть творчество русского инженера, фамилии которого я, к сожалению, не помню.

Террасы с цветами и с теннисными площадками, зимой превращающимися в каток вокруг старинной крепости Калимегдан, с прекрасным видом с горы на слияние рек Дуная и Савы, а также удачно разбитый загородный парк Кошутняк – все это творчество русских инженеров с художественным вкусом.

Технический факультет Белградского университета, возглавляемый деканом профессором Кириллом Савичем, получившим русский диплом инженера и женатым на русской, благодаря наличию многих русских профессоров, таких как: Пио-Ульский, Билимович, Салтыков, Брандт, Рышков, Фармаковский, Щегловитов, Свищов и др., был ярко выраженным продолжением и рассадником русского технического просвещения.

А многочисленный успех русских людей и их инициативу на частной службе – невозможно ни описать, ни перечислить.

Такой неожиданный приток в страну больших русских сил и знаний, быстро поднявших общий культурный уровень вновь созданной Югославии, король и правительство оценили по заслугам, но в то же время, в

народе и в среде завистливой интеллигенции появилось первое недоброжелательство к русским за их господствующее положение и впервые прозвучал вопрос: "Зашто русы дошли у нашу землю?"

Вся история Сербии есть сплошное угнетение ее другими народами, борьба с угнетателями, партизанщина и участие в войнах против турок, немцев и даже братьев – болгар. Такие ненормальные условия жизни сербского народа развили в нем яркий национализм, перешедший в крайний тупой шовинизм и в антагонизм ко всем и вся.

Выйдя победителем из первой мировой войны, создав Югославию, сербы почувствовали превосходство своего нового положения. И главным вопросом при новом знакомстве с новым человеком был вопрос о его национальности и о происхождении.

В бытность мою на службе в Министерстве путей сообщения однажды шеф моего отсека изыскательских работ заболел, и на его место был назначен молодой и неопытный еще инженер Маркович. На мой вопрос, почему же заместителем шефа оказался Маркович, когда его ближайшим помощником всегда был пожилой, опытный и заслуживший уважение инженер Клейнмейер, последовал ответ, что назначение сделано вполне справедливо, так как инженер Маркович шумадинец, т.е. уроженец провинции Шумадии, лежащей в центре Старой Сербии, а инженер Клейнмейер "шваба" (как презрительно сербы называют немцев). Он лишь после войны и присоединения многих австрийских земель к Югославии автоматически стал югославским подданным австрийской народности.

Нам, русским правительство предоставило право государственной службы, но не штатными или равноправными контрактными чиновниками, а "дневничарами" то есть поденщиками. По службе и на работе это звание не отражалось, так как инженер-дневничар исполнял всю ту же работу, что и штатный инженер, но в условиях вознаграждения за труд разница была большая.

Дневничар кроме дневницы, то есть поденщины, не получал больше ничего: ни семейных доплат, ни командировочных проездных сумм, ни доплаты за полевые геодезические работы, ни тринадцатого жалования в конце года, ни выслуги на пенсию, ни отпускных сумм в случае окончания работ или увольнения по сокращению персонала, и никаких единовременных пособий и наград. Свой годовой десятидневный отпуск дневничар получал не по праву, а по усмотрению начальства. Чтобы не терять дневницу, мы приходили в канцелярию и расписывались в присутствии на работе на два часа даже по воскресениям и на Рождество и на Пасху. Сербы тоже бывали такими же обиженными судьбой дневничарами, но при первой же возможности они вскоре зачислялись в штатный состав служащих.

Единственно, в чем одни только мы – путейцы были полноправными со штатными чиновниками, – это в получении 3 раза в год себе и семье бесплатных билетов 2-го класса на скорые поезда и 1-го класса – на паро-

ходы речного плавания и на неограниченное число раз право покупки, включая семью, железнодорожных билетов за одну десятую часть их стоимости.

При дневничарской системе на теренских геодезических работах по изысканиям трасс серб-инженер получал с различными прибавками три-четыре тысячи динар в месяц, а на той же службе без прибавок русский инженер получал лишь 60 динар в день, то есть 1800 динар в месяц, и ничего более.

И когда по этому вопросу русские инженеры уполномочили инженера Богословского, окончившего технический факультет Белградского университета, поговорить с директором строительного отделения Министерства путей сообщения инженером Миленковичем, последний задал Богословскому вопрос: - "Вы приехали сюда из России?" - "Да". - Вы имеете здесь кусок хлеба?" - "Да". - "Так что же Вы хотите, кусок хлеба, да еще и с маслом?" На этом разговор закончился!

Конечно, в нашем незащищенном положении главными вопросами жизни были кусок хлеба и интеллигентный труд, в то время, как, например, в Бельгии, многие русские стали рудокопами на тяжелых подземных работах в шахтах.

Даже защита Короля не всегда имела успех. Так, например, после его обращения к власти имущим в случаях сокращения штатов не увольнять русских, живущих исключительно от труда (прежде увольняли их с хорошей рекомендацией, чтобы облегчить поиски новой работы), а теперь, чтобы не противоречить Высочайшему пожеланию, были случаи увольнения русских с грязной аттестацией, как неспособных, недобросовестных и негодных служащих, что очень им затрудняло поиски нового труда.

После сделанного общего обзора перехожу к воспоминаниям из своей личной жизни и службы в Югославии. Как я уже сказал выше, после приезда в Сербию я быстро поступил на службу в техническое бюро Нишских железнодорожных мастерских. Работа там была ответственная по восстановлению пострадавших от войны паровозов и вагонов, но оплачивалась очень плохо, дневницей в 28 динар в день. Встав все же на свои ноги и ознакомившись с обстановкой в стране, я перешел на железнодорожное строительство, и попал в описанную выше "Секцию за транссиронье" инженера Каширского, с первоначальной дневницей 50 динар в день. Описанная выше служба в чисто русской обстановке, с хорошим окладом труда не заставляла желать ничего лучшего.

По окончании геодезических работ на местности, а в бюро по окончании проектов вновь изысканных трасс, я был переведен в Министерство путей сообщения в Белград, где стал получать дневницу 70 динар в день. Позже я был переведен на постройку линии Белград – Панчево, где главным объектом постройки был мост через Дунай.

Здесь я и два моих неразлучных русских сослуживца еще из секции инженера Каширского оказались в одинаковом положении, и они одинаково со мной переживали переводы и назначения, и перемены в оплате труда в ту или другую сторону. На постройке моста мы все трое стали получать дневницу 80 динар в день.

Но повышение окладов русским вызывало зависть и недовольство сербов, и часто стали слышаться жалобы, что вот, мол, русы приехали в нашу землю и заняли в стране все лучшие служебные места, а мы – сербы, у себя дома остались ни с чем. Эти упреки привели верхи правления к мысли не повышать, а понижать заработки дневничар, что в массе коснулось главным образом русских, живущих исключительно от труда.

Однажды на постройке моста появилась необходимость в срочной работе, были добавлены сверхурочные часы работ, и простым рабочим дали соответствующие дополнительные законные вознаграждения, нам же троим геометрам никто никакой прибавки не дал, и мы работали сверхурочно фактически даром. По окончании срочных работ рабочие вернулись на свой прежний оклад содержания, а с нас троих, вычли из основного жалования "сверхурочную прибавку", которую никто нам не давал, и мы стали получать вместо 80-ти 70 динар в день. Никакие доказательства, что нельзя отнимать того, что не было дано, не помогли, и нам ответили, что мы и так были хорошо вознаграждены.

Но это еще были цветочки, а ягодки оказались впереди!

Вскоре вышел закон, что оклад дневничара не может превышать 1500 динар в месяц, и лишь благодаря очень хорошему отношению ко мне начальства, мне удалось отстоять оклад в 1800 динар, то есть я вернулся к первоначальному окладу на изысканиях.

Такое же нисхождение по служебным ступеням пришло и к моему шефу – инженеру Каширскому. Прекрасный опытный русский инженер путей сообщения, знаток железнодорожного строительства еще в России, прекрасный организатор технических работ, человек высокого ума и добрейшей души, инженер Каширский был назначен шефом секции железнодорожных изысканий, где он отлично провел все работы и представил в Министерство блестяще разработанные проекты изысканных трасс для новых железных дорог.

Но, несмотря на явно заслуженную благодарность и восторг, вызванный его достижениями, инженер Каширский как русский оказался смещенным с должности шефа секции с новым званием всего лишь технического руководителя секции, а в шефы попал молодой, только что окончивший университет инженер – серб, недавно попавший в секцию и понекому начинающий присматриваться к работе. Но вскоре даже звание технического руководителя было у Каширского отнято с оставлением только службы младшего инженера в его же секции. В результате всего инженер Каширский покинул Югославию, переехал в Южную Америку и скончался

в Аргентине, где я застал еще в живых его жену, а к нему самому я мог попасть только на могилу.

Конечно, в чужой стране бороться против постановлений правительства в области прав и обязанностей дневничар не было никакой возможности, но все же в Белграде был выход из материальных затруднений при помощи частных и случайных заработков, так как после двух часов дня, когда кончалась работа в министерствах, оставалось еще много свободного времени, пригодного для использования. Я часто получал от богатых выпускных студентов заказы на чертежные работы в их дипломных проектах, неоднократно иллюстрировал с помощью клише научно-технические книги профессоров университета и иллюстрировал рисунками плакатного размера их научные лекции студентам в университетских аудиториях. А также закрепился на вечерней службе в частной фирме инженера Лазаревича, проектировавшего со всеми деталями из железобетона один из первых белградских небоскребов.

И если можно жаловаться на материальные несправедливости на сербской государственной службе, то следует отметить, что сербское начальство всегда было в высшей степени корректным в отношении к подчиненным, будь то сербы или русские, и я за много лет службы в Югославии не слышал от своих начальников ни выговоров, ни упреков, ни недовольного тона голоса, а получал много похвал, в том числе и похвалу министра путей сообщения за тщательно и красиво вычерченные проекты Дунайского моста специально для доклада лично самому Королю.

Я даже получил высокую Королевскую награду - золотую медаль за ревностную службу на голубой ленте и носил в петлице штатского костюма шелковую голубую розетку, официально установленную для обозначения этой медали.

Хотя Советская власть не была признана Королевством Югославией, тонкая советская пропаганда все же легко проникала в страну и имела успех не только среди народных низов и черни, но среди студенчества и среди молодой генерации сербской интеллигенции. Так как русская эмиграция была антикоммунистической и включала в себя части Белой Армии, в распропагандированной молодежи возникла антипатия к нам и к памяти Императорской России, которую старики продолжали называть "Майка Русия" (то есть «мать Россия»). Это подтверждали поступки молодых инженеров, незадолго до второй мировой войны, ставших моими сослуживцами.

Один старенький русский гвардии полковник, не имея по возрасту другого заработка, получил разрешение в часы завтрака на продажу пирожков, обходя министерские канцелярии. Его услугами охотно пользовались и три молодых инженера – мои соседи по комнате. Однажды они спросили меня, что представляет собой продавец пирожков, и я им разъяснил, что он очень интеллигентный человек, полковник Императорской

гвардии, уважаемый в русской эмиграции и в прошлом располагавший большими средствами, а теперь впавший в нужду и этим своим честным трудом он как-то поддерживает свое существование.

Я был уверен, что мои разъяснения будут поняты и как-то благоприятно отразятся на отношении к старику-полковнику. Но на следующей день при первом его появлении в дверях канцелярии, послышался голос: "Эй, рус, донеси пирожки!"

В другой раз, в разговоре с теми же инженерами я коснулся жертвенной роли России, вставшей на защиту Сербии в первую мировую войну. На это я получил возражение, что никакого идейного славянофильства в России никогда не было, а было лишь стремление к господству на Балканах и чуть ли не к порабощению славянских народов. Для доказательства своих слов, я прочел выдержку из Высочайшего манифеста Государя от 20 июля 1914 года, начинающегося словами: "Следуя историческим своим заветам, Россия единая по вере и

крови со славянскими народами, никогда не взидала на судьбу их безучастно. С полным единодушием и особою силой пробудились чувства русского народа к славянам, в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии неприемлемые для державного государства требования..."

Этот Царский манифест, безусловно, имеет непоколебимое историческое значение и является неоспоримым доказательством военной помощи, оказанной Россией Сербии. Но и на это мои инженеры нашли голословное возражение, что слова манифеста есть ухищрение русского царизма, чтобы одурачить свой народ, и этим словам нельзя придавать значения.

Дальне в лес, больше дров, и под влиянием пропаганды сербы левели уже не по дням, а по часам. Нам приходилось слышать от вполне интеллигентных молодых сербов, дружелюбно к нам относящихся, их новые взгляды на большевизм, выраженные словами: "Я с нетерпением жду, глядя на небо, когда уже я увижу там красную звезду", или: "Почему Вы не возвращаетесь в Россию, ведь батюшка Сталин очень добрый человек, он Вас простит и ничего Вам плохого не сделает" ("после расстрела" – мое добавление).

Таким образом, наши разногласия с сербами возникали и ширились автоматически, сами собой, особенно во время оккупации Югославии немцами, которых сербы ненавидели всей душой, а мы возлагали все наши последние надежды на свержение большевиков немецким вермахтом, и поэтому относились к немцам доброжелательно.

Привожу пример, взятый из жизни, наших разных психологических взглядов. В апреле 1941 года неожиданно вспыхнула война, и немцы за одну неделю заняли всю Югославию, почти не встречая сопротивления.

В Югославской армии еще в мирное время попадались русские офицеры-эмигранты, которые при поступлении на службу приносили присягу

не щадя жизни, верой и правдой, служить Королю Югославии, что позже они жертвенно подтвердили.

Чуть ли не в первый день войны с фронта прибегает в Белград в военной форме, с испуганным лицом мой сосед по дому – интеллигентный серб с высшим образованием и говорит: "Какой ужас! - Мы сидели в окопах, и колонна немецких танков наступала прямо на нас. Но наш командир роты был умный и хороший человек. Он скомандовал: "пушке долье, руке горе" (ружья вниз, руки вверх), и немцы нас разоружили и отпустили по домам; сейчас я переоденусь в штатское, и война для меня кончена. А вот в соседней роте получилось хуже. Там командиром роты был "рус", и при приближении противника, он приказал открыть огонь, при чем и сам погиб, убитый наповал, и сколько наших сербов погубил. Вот что он наделал!"

С нашей военной русской точки зрения офицер до конца жизни верный присяге и героически павший в бою смертью храбрых, безусловно, всегда заслуживает посмертное уважение и вечную память. А брошенное оружие, поднятые вверх руки и сдача противнику в плен без попытки оказать сопротивление, – есть нарушение воинской клятвы перед Богом, там, где должны иметь место долг, доблесть и честь. Клевета моего соседа-сербана на русского офицера, отдавшего жизнь при защите родины соседа, в то время как сам он поднял руки вверх, может вызывать у нас, русских только искреннее возмущение.

Сербская же психология оказалась более практичной и реальной в ущерб идеологии, и, может быть, сербы были правы, что не строит проливать кровь и умирать там, где борьба абсолютно невозможна и безнадежна и не может дать никаких благоприятных результатов при полном отсутствии противотанковых средств обороны. Может быть пословица "со своим уставом не суйся в чужой монастырь", – верна и в данном случае, и со своей точки зрения сербы оказались правы.

Это еще один лишний пример, русско-сербского психологического расхождения, где нет виновных, а расхождение есть результат разного воспитания и разного мировоззрения двух братских народов.

Наше общее положение в Югославии было довольно своеобразно, так как мы с горечью только что пережили катастрофу нашего старого уклада жизни, а наши хозяева-сербы, сбросив исторические угнетения с радостью, переживали возрождение новой свободной жизни в новом независимом государстве – Югославии.

Таким образом, наши пассивные интересы с потерей Родины и их активные интересы с воссозданием и расширением их родины оказалось мало похожи. Мы, два братских народа, одной веры и близкие по языку не могли акклиматизироваться и слиться, так как сербы неохотно и неполноправно принимали русских в свою среду, а русские, в то время, веря и надеясь на скорое падение большевиков в России, оберегали свою русскую

молодежь от русской денационализации, и в школах и гимназиях воспитывали и обучали ее в чисто русском духе.

В молодости я был энергичным русским патриотом и, предвидя вторую мировую войну, которая еще неизвестно во что выльется, готовясь к возобновлению борьбы за свободу России, поступил на Высшие военнаучные курсы в Белграде, где обучение было отлично поставлено. Благодаря чему я расширил горизонт своих военных знаний по современным по тому времени данным советской и югославской военной науки.

В гражданской жизни кроме естественного интереса к добросовестно выполняемой службе, я жил общими интересами русской эмиграции со всеми ее идеологическими и материальными запросами. Имея дочь, окончившую русскую начальную школу и русскую гимназию в Белграде, свой исключительный интерес я проявил в школьном деле и был основателем и многолетним председателем "Общества помощи недостаточным ученикам русской основной школы и детского сада в Белграде" под высоким покровительством Сербского Патриарха Варнавы, а затем был секретарем родительского комитета Белградской русско-сербской женской гимназии.

Здесь было много чисто благотворительной работы и организаторской деятельности по устройству детских летних колоний и по изысканию для этого необходимых средств. Оказалось, что сбор пожертвований на детей достигается легче, чем на другие цели, и пожертвования поступали, начиная от Королевы Марии и Патриарха Варнавы и от многих других богатых сербов, и только в сербских низах попадались возражения, что, зачем помогать русским детям, когда и у нас и своих бедных детей много?

Кроме того, общество помощи школьным детям и родительский комитет устраивали детские и гимназические вечера с русской национальной программой, исполняемой самими учащимися в стихах, в прозе, в пении и в музыке, а после программы – с играми или танцами.

Эти полезные развлечения, выдвигавшие детские артистические способности, попутно приносили доход, так что летние колонии учащихся ежегодно отлично удавались в красивой местности в ста верстах от Белграда, и даже – на берегу Адриатического моря.

Эта работа с детьми и молодежью приносила мне известное моральное удовлетворение в принужденной зарубежной жизни.

Неожиданно вспыхнувшая вторая мировая война с победоносным наступлением немцев до Волги и до Кавказа и с молниеносным завоеванием Югославии, сразу изменила создавшийся мирный уклад нашей русской жизни в Сербии. Я, например, живя с семьей исключительно от непрерывного труда, остался без службы, так как все постройки новых железных дорог были немцами отменены. Но благодаря техническому опыту и достаточному знанию немецкого языка я вскоре поступил на службу по постройке нового временного белградского вокзала и по перестройке старого

фундаментального вокзала под солдатенхейм и под немецкую комендатуру.

Конечно, это был переход на службу к победителю, но другого выхода у меня не было, да и немцев "загнавших большевиков за Волгу", я своими врагами не считал. Многие русские оказались в совершенно безвыходном положении и сербы, занятые своими делами, никакой им помощи ни в чем не оказывали.

И вдруг, когда казалось что немецкий вермахт на восточном фронте подходит к окончательной победе, и что большевикам в России подходит конец, в Югославии раздался голос генерала Скородумова, призывающий всех русских эмигрантов вставать на защиту Родины и помочь немцам стереть большевизм с лица земли.

С согласия немецкого командования и при его поддержке в средствах и вооружении в Белграде был сформирован доблестный "Русский Охранный Корпус в Сербии", позже полноправно вошедший в состав немецкого вермахта.

Это появление русских на немецкой военной службе породило новые большие разногласия между нами и сербами, дошедшими до неоднократных убийств русских корпусников и даже штатских.

Не по русской вине, а по вине Гитлера, потерявшего голову от головокружительных побед, и благодаря общей мировой обстановке немцы проиграли войну, что спасло большевиков от их падения, а нам нельзя было оставаться в Югославии, и пришлось отступать вместе с немецкими войсками. Это в конечном результате, после лагерных мытарств привело большинство русских, переплывших океан, к счастливой и полноправной жизни наравне с местным населением, и редко кто здесь не обзавелся собственным домом и автомобилем, а югославская дневничерская система в вечной нужде, без прав и пенсии, здесь скоро позабылась.

В возникшем после формирования Корпуса разногласии между русскими и сербами, обе стороны по-своему были правы, и я постараюсь объяснить психологию и тех и других.

Русская точка зрения:

Под влиянием стихийно превосходящего нас противника мы принуждены были уйти в зарубежье, но это не освобождало нас от долга при первой же возможности возобновить борьбу за освобождение России от порабощения ее партийной коммунистической властью. Цель нашего заграничного пребывания не заключалась только в полунищенском, дневничарском, жалком существовании, но – и в идее служения Родине, к чему мы готовились, продолжая военное образование, лишь ожидая случая, когда можно будет взяться за оружие.

По словам советского маршала Василевского, взятым из его книги, "Эмигрантская белогвардейщина не оставила своих надежд и выросшая в

других условиях советская молодежь не представляет себе степени белогвардейской опасности стране".

И вот теперь, когда представился неожиданный последний, единственный, и никогда больше неповторимый случай с оружием в руках встать за Родину, отказ вступить в ряды формируемого Корпуса можно было бы посчитать равным заграничному дезертирству. Ясно, что призыв генерала Скородумова о вступлении в Корпус имел большой успех, и на корпусную запись отовсюду явились тысячи русских людей всех возрастов, начиная с гимназистов, кадет и студентов, кончая старыми генералами, при записи сбавлявшими свой возраст, лишь бы быть принятыми в Корпус.

И разве можно было отказаться от русского патриотизма, и упустить небывалый случай для достижения нашей высокой идеи только оттого, что это может не понравиться сербам, уже давно начавшими недружелюбно к нам относиться.

Кроме всего прочего Корпус подобрал много русских людей, после оккупации Югославии попавших в абсолютно безвыходное материальное положение.

Я тоже поступил в Корпус на скромную должность унтер-офицера, и затем вахмистра конного взвода 2-го полка, и до сих пор чувствую моральное удовлетворение от выполненного перед Россией долга. За что Бог вознаградил меня переселением в Аргентину, где я полноправно живу очень хорошо и, как и все аргентинцы, получаю пенсию.

Сербская точка зрения:

Потеряв Родину, русские эмигранты были гостеприимно приняты Королем Сербов, Хорватов и Словенцев в его страну, и здесь они даже принимались на государственную службу. Им была предоставлена полная возможность организовать свою жизнь по своему усмотрению, с сохранением русского быта и русских обычаев, даны полноправные русские учебные заведения и создана "Державная Комиссия для русских беженцев" с целью защиты в государстве русских интересов.

Жестокая, внезапная немецкая бомбардировка с воздуха мирного Белграда в апреле 1941 года без предварительного объявления войны, где за один день погибло около двадцати тысяч мирных жителей, разразилась в молниеносную войну (блиц-криг), и закончилась немецкой оккупацией Королевства Югославии на горе всего народа. Однако по непонятным сербам причине, русские эмигранты почему-то повернулись в сторону немцев и вступили на военную службу в состав вооруженных сил ненавистного оккупанта.

По мнению сербов, русские эмигранты в ответ на многолетнее их гостеприимство оказались неблагодарными предателями, и одевшимися в немецкую военную форму, — сами, ставши как бы оккупантами. Русские

вызвали к себе большую ненависть сербов, дошедшую даже до случаев убийств русских.

Нашей русской идеологии сербы понять не могли, не хотели и не умели, и при поддержке советской пропаганды, и при пробуждении симпатии к коммунистам образовалось огромное русско-сербское расхождение, и отступление немцев принудило большинство русских людей покинуть страну и даже переплыть океан.

Как видно из всего вышесказанного, обе стороны, каждая, со своей точки зрения, была права, и разногласие без враждебных чувств к сербам с нашей стороны произошло стихийно, а не по вине ни самих сербов, ни самих русских.

В следующей главе, как и в этой, тоже на основании личных переживаний и фактов, вырванных из жизни, я предполагаю беспристрастно описать жизнь Русского Корпуса в Сербии и его боевую доблесть.

Глава 11. РУССКИЙ КОРПУС В СЕРБИИ. Часть 1.

По словам Протопресвитера Императорской Армии "русский офицер в школе получал отличную подготовку. Но потом, поступив на службу, он засыпал. За военной наукой он не следил или интересовался поверхностно. Поверочным испытаниям при повышении не подвергался. В массе офицерства царил взгляд, что суть военного дела в храбрости, удалстве и готовности доблестно умереть, а все остальное – не так важно.

Еще меньше интереса проявляли к науке лица командного состава от командира полка и выше. Там уже обычно среди генералов царило убеждение, что они все знают и им учиться нечему. Военная наука не пользовалась любовью наших военных. В этом со скорбью надо сознаться".

Эта военно-научная отсталость приводила и к отсталости в боевой готовности, что не могло покрываться одной лишь храбростью и доблестью русских офицеров и солдат. Надежды шапками закидать японцев, конечно, не оправдались, так как они оказались научно на много впереди нас, – их артиллерия стреляла с закрытых позиций, что мы считали игрой в прятки, а управление войсками велось по радио Попова, в то время как мы еще не могли отрешиться от сигнальных флажков.

Та же наша отсталость по сравнению с немцами в науке и, главным образом, в вооружении, в расчете на храбрость была и при нашем вступлении в первую мировую войну.

В эмиграции все было как раз наоборот. Здесь считалось, что нам нужно быть всегда готовыми на случай, если представится неожиданная возможность продолжать вооруженную борьбу с большевиками, и нужно иметь знания всех боевых советских уставов и тактик, всех новейших родов войск, а также нужно знать всю военную организацию предстоящего противника.

Высшие военно-научные курсы в Белграде, где я был слушателем, прекрасно выполнили эту задачу. В своем шестилетнем курсе, который делился на первые два года, в размере изучения действий полка, что давало диплом штаб-офицерских курсов современных армий; на вторые два года, в масштабе дивизии и корпуса, состоящих из разных родов войск, включая войсковую авиацию; и на третьи два года - служба генерального штаба, стратегия и автономная авиация дальнего действия.

Курсы были вечерние, после трудового дня, и много уроков задавалось на дом, так что на прохождение курсов нами было вложено много труда. В русском Корпусе в Сербии курсанты заметно выделялись из общей офицерской среды по своему военному кругозору и пониманию обстановки и с ними приятно было иметь дело.

Формирование Русского Охранного Корпуса и его боевые заслуги, давно перестали быть новостью и превратились в давность. Теперь от него остались разбросанные по всему миру объединения корпусников и много исторической литературы, включая и доныне издающийся в Сан-Франциско, прекрасно иллюстрированный корпусный журнал "Наши Вести".

В 1941 году германские власти предоставили русской эмиграции право формирования своих вооруженных сил, что было первой и последней возможностью взяться за оружие, для восстановления борьбы с большевиками. Долгожданный момент настал, и упустить случай, было бы преступлением перед Родиной в стиле дезертирства, караемого смертью.

Мы, офицеры, по личному боевому опыту прежних войн отлично отдавали себе отчет, о предстоящей боевой жертвенности, знали на что идем, и с нашей стороны не было жалоб и разочарований, несмотря на 70% потерь в людском составе корпуса. Все офицеры, что называется, рвались в бой и видели в этом свой офицерский, подчеркиваю, именно офицерский долг, хотя бы и не на командных должностях, численно ограниченных.

В Корпусе я попал, и то только благодаря обучению на Высших военно-научных курсах, в унтер-офицеры конного взвода 2-го полка, где по штату полагался один лейтенант – командир взвода и три унтер-офицера – командиры отделений. Во взводе было 14 офицеров, ставших ефрейторами, и много подхорунжих и вахмистров, попавших во взводе на положение рядовых.

Свои личные воспоминания о Русском Корпусе в Сербии я начну с воспоминаний о своих начальствующих лицах, но не в виде некрологов, а правдивым описанием их поступков, их отношений и забот о своих подчиненных, создания ими уклада корпусной жизни и порядка, их военно-научного кругозора и мировоззрения и т.д. Все эти описания сделаны на основании фактов и случаев, взятых из жизни в соприкосновении со мной, или на моих глазах.

Таковыми моими военачальниками были:

Генерального Штаба генерал Штейфон – командир Корпуса.

Генерал Кириенко – георгиевский кавалер, его помощник.

Генерального штаба полковник Мержанов – командир 2-го полка.

Полковник Попов-Кокоулин – командир батальона 2-го полка.

Генерального штаба полковник Бальцар – командир сотни управления 2-го полка.

Полковник Попов – командир конного взвода 2-го полка.

Полковник Рогожин – последний командир Корпуса, мужественно выведший корпус из Югославии в самый критический момент.

После непродолжительного командования корпусом его основателем, генералом Скородумовым, несколько лет его командиром был генерального штаба генерал Штейфон, прославившийся в первую мировую войну на штабных должностях Кавказского фронта.

Я с ним имел очень мало соприкосновения, поэтому не вправе давать ему служебную оценку, но опишу эпизоды коснувшиеся лично меня. Забот об улучшении положения чинов корпуса и об облегчении их службы генерал Штейфон не проявлял никаких, а закуска по укладу жизни в Корпусе в Белграде вызывала общее возмущение.

Как пример приведу, что у большинства корпусников, находившихся в провинции в полках, в том числе и у меня, семьи оставались в Белграде, и при их приезде сюда к семье, генерал Штейфон требовал их явки в штаб корпуса для регистрации.

Однако всех отпускных из полков штаб задерживал на сутки у себя, заставляя подметать двор, чистить казармы и нести всякую черную работу, чуть не до чистки клозетов включительно, хотя здесь были и царские офицеры на унтер-офицерских должностях корпуса. Чтобы избежать такого незаконного обращения, выйдя из вагона, я всегда сразу же отправлялся в немецкую железнодорожную комендатуру и регистрировался на законный въезд в Белград, получал обед и ужин в немецком "сольдатенхейме", а при отъезде в полк, снова заходил в немецкую комендатуру, чтобы отметить, при этом на дорогу я получал маршферпфлегунг, то есть, закуску.

Многие отпускники поступали либо аналогично этому, либо совсем не регистрировались на что было обращено внимание в приказе по штабу корпуса.

Еще в дореволюционной России было распространено много разных "генеральских анекдотов" вроде того, что генерал, здороваясь со студентом, вместо ладони протягивает всего лишь один палец, на что студент отвечает: *"Ваше Превосходительство, один палец для меня слишком много, вот Вам пол пальца сдачи"* и показывает генералу шиш.

Таких случаев, конечно, нигде и никогда не было, и все это были стопроцентные выдумки левых авторов, но эти анекдоты, в сфере революционной молодежи вызывали насмешки и подрывали авторитет высших военачальников, а отчасти – и всего офицерства.

То, что я сейчас опишу, тоже очень близко к "генеральскому анекдоту", но на этот раз, это есть случай, вырванный из корпусной жизни и произошедший в моем присутствии. Так как он всецело принадлежит самому генералу, считавшего себя во всем правым, мой рассказ не мог бы его обидеть.

Конный взвод второго полка в то время стоял на охране медного рудника Бор, и в нем чувствовался большой недостаток в обмундировании, в сапогах, в питании и буквально во всем другом. Весть о приезде в скором времени в Бор командира корпуса генерала Штейфона была нами радостно принята в надежде, и даже уверенности, что он, увидев своими глазами нужды чинов конного взвода, примет меры к улучшению условий нашей жизни и службы. Не тут-то было!

К приезду высокого начальства казармы и конюшни вычищены до блеска и лошади стоят на аршинном слое сосновых опилок, полученных с рудника, в конюшне душистый запах сосны. Взводом командует старый полковник Попов (ему за 60 лет); я командую отделением. В строю офицеры – подхорунжие, унтер-офицеры и ни одного рядового солдата.

Генерал Штейфон, не вступая ни с кем в разговоры, но успевший обнаружить в казарме одну случайно оставленную паутинку – единственное, что его там заинтересовало, и к чему он успел придраться, молча обходит конюшни, где придраться буквально не к чему. Случайно его взгляд падает на крохотный пучок сена, лежащий в проходе конюшни. Генерал указывает на него пальцем, и говорит полковнику Попову:

- Полковник, что это за безобразие?

На это полковник отвечает:

- Ваше Превосходительство, дневальный только что раздавал корм лошадям и случайно обронил пучок сена.

- Командира корпуса встречаете, и такой беспорядок! Скажите полковник, Вы, кажется, служили в Одесском уланском полку Императорской армии?

- Так точно Ваше Превосходительство!

- Так скажите, пожалуйста, у Вас в уланском полку тоже такие порядочки были?

На этом все разговоры и опросы генерала окончились, и никаких ожидаемых благоприятных результатов от приезда командира корпуса в Бор не получилось.

Оскорбление полковника Попова, очевидно, имело целью показать взводу, вот, мол, я какая теперь важная персона но, генерал Штейфон ошибся в своих расчетах. Он не учел, что перед ним стояли не двадцатилетние новобранцы, на которых он мог бы произвести ошеломляющее впечатление, и навести страх, а люди в возрасте 45-50 лет и выше, добровольно вставшие в строй из идейных побуждений служения Родине.

Своим возмутительным поступком генерал достаточно заслужил общее негодование и презрение всего взвода и внес в жизнь новый фактический "генеральский анекдот", с теми же результатами, что дают вымышленные анекдоты.

На моих глазах, в Штабе Корпуса в Белграде, произошел возмутивший меня случай. Там на службе состоял по немецкой градации гауптманн – 10-го драгунского полка полковник Подольский. Это был отличный русский офицер, любивший военное дело и успешно окончивший шестилетние Высшие военно-научные курсы в Белграде. Современный, образованный, способный, боевой и заслуженный офицер, он, безусловно, достойно занимал штабную должность.

Однажды придя в штаб, полковник Подольский был извещен, что он теперь не гауптманн, а унтер-офицер, то есть, разжалован из офицеров корпуса. Оказалось, что где-то в частном разговоре он осудил генерала Штейфона за его несуразные поступки, кто-то донес Штейфону, и последний одним росчерком генеральского пера учинил и суд, и расправу.

По русским (и мировым) понятиям офицерское звание дается Высочайшим приказом Государя, и разжаловать из офицеров можно было только по постановлению суда после тщательного следствия и судебного процесса, но Государь еще мог помиловать осужденного офицера и отменить приговор.

Обычно во время войны разжалованных офицеров вскоре восстанавливали в правах с назначением в действующую армию, но генерал Штейфон, что называется, закусил удила, и полковник Подольский до конца войны и до смерти остался унтер-офицером.

Все эти поступки генерала Штейфона можно объяснить лишь тем, что после многолетней жалкой службы ночным сторожем на руднике Ртань он неожиданно стал генералом войск, оккупировавших Югославию, и у него так закружилась голова, что он невольно заболел манией собственного величия.

Это были первые дни зарождения корпуса. Наконец-то мы снова встали в строй на защиту Родины. Одеты кто в чем: кто в шляпе, кто в кепке, но все же, - это уже эскадрон, горящий желанием подвига. В строю большинство офицеры, есть унтер-офицеры, и почти нет солдат. В первый раз подходит к эскадрону генерал Кириенко, успевший занять в Корпусе видную должность. Он в штатском пальто, вежливо приподнимает шляпу, и говорит:

- Здоров, 2-й эскадрон! - Ответ:

- Здравия желаю, Ваше Превосходительство!

Он делает недовольное лицо, и говорит:

- Негромко отвечаете, - поворачивается и уходит.

Очевидно, генерала Кириенко после долгого жалкого беженского существования интересовало только собственное величие на новой должности и ничто больше.

Служебного соприкосновения с генералом Кириенко я больше не имел, – этого уже было достаточно, но видеть его в штабе корпуса иногда случалось, и приходилось удивляться его "блестящей русской форме", начиная с золотых петлиц на воротнике шинели.

Командир 2-го полка, долго стоявшего на охране рудника Бор, был Генерального штаба полковник Мержанов. Это был весьма образованный офицер, заботливый командир, уважавший своих подчиненных, добровольно вставших на защиту Родины, хотя бы и на низких должностях, и сам пользовавшийся уважением всех чинов полка. Он создал прекрасное полковое собрание, где стены были расписаны чисто русскими картинами и где вместе с ним запросто и непринужденно собирались все однополчане, составляя одну общую дружную военную семью.

После отъезда полковника Мержанова из Бора возглавлять русский гарнизон рудника стал полковник Попов-Кокоулин. Это был шаблонный офицер, никогда не изучавший и не вникавший в современную военную психологию, офицер, которому оказались чуждыми идеология, патриотизм и жертвенность русского офицерства, пошедшего на службу в корпус ради Родины, ему было важно лишь то, что он сегодня немецкий майор, а все остальное – мало интересовало. Творить и создавать новое он не умел и не был на то способен, а разрушить творчество своего предшественника – полковника Мержанова он легко сумел, не задумываясь долго над этим вопросом.

Его сильно шокировало сидеть за одним столом в полковом собрании рядом со старым русским генералом или полковником, если на нем сегодня был мундир немецкого унтер-офицера или ефрейтора, и он приказал открыть при полковом собрании отдельную "офицерскую" комнату, признавая под словом "офицер" лишь лиц, занимавших в корпусе должности от лейтенанта и выше.

Это привело к тому, что случайно попавший в лейтенанты Корпуса вчерашний гимназист, был в "офицерском собрании" на своем месте, а например, по преклонному возрасту не попавший на командную должность, а назначенный полковым библиотекарем, георгиевский кавалер, генерального штаба генерал Б., как сегодняшней ефрейтор, в офицерскую комнату не допускался. И двери корпусного "русского офицерского собрания", перед "русским генералом", оказались закрытыми.

Такое положение сильно подрывало авторитет и уважение молодежи к заслуженным старшим, рождало самомнение молодых лейтенантов и вторглось в единую, крепко спаянную полковую семью, которую создал и мудро возглавлял полковник Мержанов.

В боевой обстановке быть с Поповым-Кокоулиным мне не пришлось, но всем, в том числе и мне, известна трагедия в монастыре Гучья Горавозле Травника. В условиях абсолютно невозможной обороны монастыря с отходом своих и немецких войск, так как противник окружил его силами, численно в десять раз большими сил его защитников, где красные имели минометы и 105 мм орудия, где красные аэропланы сбрасывали фосфорные бомбы, вызывая пожары монастыря, - командир батальона полковник Попов-Кокоулин все же отдал приказ: - "Не взирая на обход противника, в интересах общего фронта, во что бы то ни стало удерживать Гучью Гору". При этом никакой помощи для выручки защитников монастыря не прислал, то есть обрек их на верную гибель.

Этот приказ бесцельно задержал своевременную эвакуацию "крепости", нужный момент был упущен, и единственно что оставалось, - неожиданное открытие ворот, и прорыв сквозь густое кольцо окружения в 1600 человек красных. Русскому отряду в 158 человек это как-то удалось, но стоило свыше 50-ти напрасно отданных жизней, русских героев-патриотов.

Командиром сотни управления штаба полка, включавшей конный, самокатный, артиллерийский и телефонный взводы, был прекрасный офицер – Генерального штаба полковник Бальцар. Широко образованный, он состоял на службе в Югославии на аэродроме в Земуне и был профессором Высших военно-научных курсов, кафедры авиации. Его лекции были исключительно интересными, и мы слушали их с особенным вниманием, а позже, в Русском Корпусе, я отлично различал разведывательный полет противника от боевых его полетов для предстоящей бомбардировки.

Благородный и отзывчивый человек, он всегда старался во всем помочь и поддержать своих подчиненных. Жаль, что таких офицеров, на высших должностях было у нас мало.

О жертвенности обстановки предстоящей службы никто из нас и не думал, будучи уверенными, что исполнение офицерского долга за Россию не может повести за собой ни унижений, ни оскорблений, ни лишений офицерского звания, полученного Высочайшим приказом Государя Императора. Поэтому, при записи в Корпус никаких оговорок, условий и ультиматумов офицеры не ставили.

Иначе на это дело смотрели генералы, возглавлявшие Корпус и старшие офицеры, не по уму, а по протекции попавшие на штабные должности. Они захлебывались в собственном неожиданном величии, ни во что не желали вникать, считая доблестных, заслуженных и высоко моральных офицеров, не попавших на командные должности, просто нижними чинами и ничем больше: все что было раньше, должно быть забыто. Как и откуда взялись эти нижние чины, их интересовало не больше, чем прошлогодний снег.

К сожалению, мне пришлось быть свидетелем, как молодой корпусной лейтенант обратился к заслуженному офицеру Императорской Армии: "Забудьте, что Вы когда-то были офицером, – теперь Вы ефрейтор и больше ничего!" Напротив, немецкие офицеры для связи интересовались нашими старыми русскими чинами и старались по ним обращаться к нам.

Приведу пример с моим кумом, крестным отцом моей дочери. Есаул Богословский, георгиевский кавалер раненый в первую войну, инженер-строитель путей сообщения – по окончании путейского института в Петербурге, а в эмиграции окончивший Высшие военно-научные курсы в Белграде (со знаком Академии Генерального Штаба на терновом венке), всю войну провел унтер-офицером. Как нижний чин, без письменного пропуска и разрешения не мог выйти за ворота казарм на улицу. По окончании войны, уже в Австрии он был приглашен в 15-й казачий корпус генерала фон Панныца преподавателем открывшегося там военного училища с чином лейтенанта, но попал в выдачу казаков в Лиенце и погиб в одном из Сибирских лагерей.

Ниже привожу пример из моей личной корпусной службы. За несколько лет до войны в Югославии, моя дочь, и дочь гвардии полковника Гескета одновременно учились в Белградской Русско-сербской женской гимназии, а мы оба были членами родительского комитета, при чем я был секретарем, а Гескет – казначеем комитета.

По условиям данной общественной деятельности мы с ним еженедельно встречались на заседаниях родительского комитета, и я передавал ему из протоколов заседаний постановления, требующие расходов сумм, а он передавал мне сведения о сделанных выплатах для занесения в хозяйственную часть протоколов. В общественной работе мы были на равном положении, и наши взаимоотношения носили дружелюбный характер.

Однако с поступлением в Русский Корпус в Сербии, благодаря гвардейской протекции полковник Гескет оказался на должности командира полка, и с этого момента он перестал меня узнавать не только в строю, но и при встрече с глазу на глаз в одной комнате, и как с незнакомым он не считал нужным со мной ни здороваться и ни протягивать мне руку, хотя не узнавать меня он, конечно, не мог.

Случай этот сам по себе пустяшный, но весьма характерный и говорит о многом. Полковник Гескет вполне сознательно показал себя дрянным и скверным человеком, как говорят сербы, "наображенной тыквой".

Таких случаев было много, и их больше не хочется вспоминать.

Командиром конного взвода 2-го полка в чине немецкого лейтенанта был полковник Попов, в то время – в возрасте за 60 лет, благородный, честный и порядочный офицер, воспитанный в старой идеологии и в старых понятиях военного дела и военной службы. Его отжившее свой век мировоззрение и отсталость в понимании быстро прогрессирующего военного искусства приводили меня с ним к разногласиям чисто принципиаль-

ного характера, не портивших, однако, наших взаимных дружеских отношений. Эти разногласия я опишу ниже, как факты и случаи, взятые из жизни, и не буду вносить в них критику, без которой читателю и так все самому будет ясно.

Позволю только добавить, что полковник Попов был службистом, безграничным педантом и ярким формалистом, считавшим и уверенным, что только та армия может побеждать, в которой до мелочей исполняются все ее порядки мирного времени. Эти порядки он до тонкости знал, будучи многолетним адъютантом 10-го уланского Одесского полка, как он сам про себя говорил, что считался лучшим адъютантом 10-й кавалерийской дивизии.

Конный взвод, соответствующий прежде команде конных разведчиков пехотного полка (по-немецки "рейтерцуг"), состоял из офицеров кавалерии и из подхорунжиев и вахмистров казачьих войск.

Командование взводом полковник Попов начал с изучения отдания чести по-солдатски, для чего мы должны были проходить мимо и отдавать ему честь, а он делал соответствующие замечания: локоть выше, взгляд веселее, есть глазами начальство и т.д., а на похвалу требовал громкого ответа:

- Рад стараться, господин полковник!

Затем он ввел манежную езду, хотя отлично знал, что все офицеры во взводе окончили кавалерийские училища, а об отличной езде казаков с детства сидящих на коне, даже и говорить не приходится.

Никаких современных и нужных занятий полковник Попов не проводил, не знал их и ими не интересовался, что привело к такому случаю.

Однажды я принял унтер-офицерский пост при входе в город, и там, на полке лежали ручные гранаты незнакомого мне немецкого образца. Конечно, по аналогии с русскими и сербскими гранатами мне было понятно их действие, но, все же, считая, что на войне надо не догадываться, а хорошо знать оружие, я попросил полковника Попова, как своего командира объяснить мне пользование ими. Как можно было ожидать, полковник в гранатах ничего не понимал и приказал оставить их на месте и не трогать. Но и в дальнейшем он не потрудился разрешить этот вопрос, или вызвать из полка гранатометчика для наглядного обучения взвода этому оружию.

Многое в современной корпусной жизни искренне возмущало полковника Попова. Например, он никак не мог примириться, что у моей лошади грива спускалась на правую сторону шеи, когда по правилу ей полагается падать на левую. Он требовал от меня, чтобы я два раза в день, мокрой щеткой перечесывал гриву влево, но я не видел в этом "важном" вопросе большой надобности, и всю войну провоевал на коне с правой гривой.

Был праздничный день и конный взвод пошел в церковь. Во время Богослужения я решил поставить перед иконой свечку и направился к

свечному ящику, чтобы ее купить. Мне преградил путь мой командир взвода, полковник Попов в чине лейтенанта и заявил, что мне этого делать нельзя и чтоб я вернулся на свое место, препятствуя моему желанию в церкви удовлетворить мои религиозные потребности. К тому же я был не мальчик, чтобы делать мне выговоры, а был человеком в 50-ти летнем возрасте. Глубоко возмущенный поступком Попова, прежде, чем вернуться на свое место, я все же свечку купил и зажег ее перед святой иконой.

В данном случае полковник Попов имеет некоторое оправдание, так как в его поступке не было желания меня унижить или оскорбить, а лишь так глупо вылился его служебный педантизм, устарелые взгляды и полное непонимание современной обстановки.

Никаких забот об облегчении службы или проявлений сочувствия чинам взвода, разлучившимися с семьями ради служения Родине, он не признавал, и семьи были его злейшими врагами, возмущавшими его до глубины души.

Последнее обстоятельство привело к следующим случаям.

Еще до отъезда 2-го полка из Белграда в Бор я получил приказание с моим отделением выйти на охрану геодезических съемок в районе горы Авалы. Съемки продолжались с утра до сумерек и я, отпустив людей в казарму, зашел домой, проведать жену и дочь, так как в вечерние часы все занятия в полку уже кончились, моя задержка не приносила службе никакого ущерба. Конечно педант Попов счел нужным сделать мне выговор, но, нарвавшись на мое глубокое и искреннее возмущение, что я из-за "педантных" соображений не могу даже проведать брошенную на произвол семью, все же спасовал, и тем дело и кончилось.

На первый день рождества рано утром с разрешения полковника Попова я пошел домой поздравить жену и дочь и с целью провести праздник в домашней обстановке. Поздравив, я сказал жене, чтобы она через полчаса приготовила чай, а я забегу в казарму в двух кварталах от дома — накормлю и почищу свою лошадь, чтобы не заставлять в праздник других это для меня делать. Когда же я попросил Попова дать мне пропуск из казарм, он мне ответил, что я уже поздравил семью и этого вполне достаточно, хотя во взводе не было никаких занятий. В пропуске он мне отказал. Пришлось обратиться с просьбой к генералу Иванову, никакого отношения к конному взводу не имевшему, и тот мне охотно выдал свой пропуск, разрешивший мой праздничный вопрос.

Немного позже, когда полк перешел в рудник Бор, вызывает меня к себе командир сотни управления полковник Бальцер и говорит, что в Белград предстоит одна командировка, и он назначает меня, чтобы я мог повидаться со своей семьей. Однако полковник Бальцер, вскоре вызывает меня к себе вторично, и говорит:

- Я хотел устроить Вам встречу с семьей, но теперь я ничем не могу Вам помочь, так как Ваш командир взвода, полковник Попов категорически восстал против Вашей командировки из-за недостатка у него людей.

Моя поездка домой сорвалась: ненависть полковника Попова к семьям была удовлетворена.

С переходом Русского Корпуса в немецкий вермахт, по немецким штатам пехотного полка эскадрон генерала Иванова подлежал спешиванию, а конный взвод полковника Попова оставался в конном строю. Поэтому несколько лошадей эскадрона переходило к нам, и надо было из Бора выслать приемщиков в Майданпек за лошадьми, при чем полковник Попов, желая сам выбрать лошадей, возглавил группу приемщиков.

В Бору в это время было много молодых добровольцев из числа бывших гимназистов и студентов, чьи семьи оставались в Белграде и весь командный состав полка, за исключением только Попова, всегда старался давать командировки в Белград именно тем, у кого там остались родные. На этот раз оказалось много желающих ехать за лошадьми, и я, будучи помощником полковника Попова, во всем оказывал всем им поддержку, как только мог. Предполагалось ехать из Бора через Ниш по главной магистрали Ниш – Белград, а затем Белград – Кучево (последняя железнодорожная станция в сторону Майданпека), скорыми поездами.

Однако уже в пути по расспросам попутчиков полковник Попов узнал, что есть сокращенный путь, с пересадкой в Лапово и Малой Крсне, минуя Белград, и он объявил мне, что по правилам службы, мы обязаны ехать только кратчайшей дорогой, никакие убеждения, что скорыми поездами через Белград быстрее и удобнее доедем до места назначения не помогли. Он педантично уперся, что мы обязаны ехать только кратчайшим путем. Я ему пытался доказать, что никому нет никакого дела, как мы доедем до цели, на что он мне возразил:

- А вдруг генерал Иванов меня спросит, каким путем Вы приехали сюда, и почему не ближайшим, а через Белград? Что могу я на это ему ответить?

- Такого бессмысленного вопроса генерал Иванов задавать Вам не будет, - говорю я. - Вы ему не подчинены и можете даже не отвечать, а в порядке частного разговора рассказать причину нашего заезда в Белград. Генерал Иванов очень хороший и отзывчивый человек и заботу о добровольцах он может только похвалить и одобрить Ваш гуманный поступок.

Мой ответ взбесил полковника Попова, и он продолжил:

- А если генерал Иванов снова повторит вопрос о дороге, не могу же я ему врать, или так отвечать, как Вы мне предложили. Мы обязаны ехать кратчайшим путем и выбора дороги нет, и не будет.

Можно вообразить разочарование приемщиков, предвкушавших сегодня встретиться со своими родными, и этого я допустить никак не мог. Надо продолжать действовать. Тогда я спросил Попова, известно ли ему

достоверно, охраняется ли участок железнодорожного пути: Лапово – Мала Крсна военными караулами, и могут ли чины вермахта пользоваться им?

Этот вопрос очень смутил и озадачил полковника Попова, и мы договорились узнать о нем у немецкого коменданта станции Ниш. Приходим в немецкую комендатуру. В комнате нас трое: немецкий офицер, не говорящий по-русски, полковник Попов ни полслова не знающий по-немецки, и я. Я по-немецки спрашиваю коменданта, и он мне говорит:

- Линия: Лапово – Мала Крсна охраняется частями Русского Корпуса и езда по ней свободно разрешена чинам вермахта.

- Что сказал комендант? С интересом спрашивает меня Попов.

- Он сказал. - Говорю ему по-русски, что по линии: Лапово – Мала Крсна проехать можно, но только на свой риск и свою ответственность. Лучше, быстрее и безопаснее – скорыми поездами проехать через Белград, по хорошо охраняемым путям.

На это полковник Попов сказал мне:

- Ну, теперь это совсем другое дело, и если генерал Иванов спросит меня, почему мы приехали через Белград, я отвечу ему, что так мне посоветовал немецкий комендант станции Ниш. Все обошлось благополучно, и приемщики, и сам я повидали своих родных, а по приезде в эскадрон, генерал Иванов не спросил, какой дорогой мы к нему приехали.

Я, конечно, отлично понимаю, что мне, как офицеру, при переводе врать не полагается, но кроме вранья есть еще и "ложь святая", которая ведет к добру и устраняет зло.

Такая "святая ложь" имела место и в данном случае, и тут тоже добро восторжествовало и упрямое, бессмысленное зло было устранено.

Повторяю, что зная что офицеру врать нельзя, я считаю свой поступок правильным, нисколько в нем не раскаиваюсь, и даже считаю возвышенным, ведущим к торжеству правды.

Обратный путь получился еще удачнее.

На станции Кучево мы погрузили лошадей в два вагона, и я попросил железнодорожного чиновника дать маршрут через Белград. Однако на станции Мала Крсна явился в наш вагон немецкий унтер-офицер – комендант станции с вопросом, почему мы получили направление на Белград, а не на Лапово? Я убедил его, что в Белграде мы должны получить фураж для лошадей и прочее, и он согласился маршрута не изменять.

В Белград мы прибыли утром, но там комендант станции сказал, что линия на Ниш перегружена, и раньше двух часов ночи он нас отправить не может. При нем я сделал кислое лицо, а в вагоне я радостно сообщил приемщикам, что до 12-ти часов ночи они свободны, неся, однако по очереди наряд ухода за лошадьми: водопой и раздача корма.

Полковник Попов, за весь день ни разу не вышел из вагона.

После приезда моей семьи в Бор однажды старый царский ротмистр Бобровский, а теперь – ефрейтор моего отделения, чуть засиделся в нашей уютной домашней обстановке и в казарму вернулся с опозданием на 10 минут. Полковник Попов счет нужным пробрать его и как неоспоримо веское доказательство привел сравнение:

- А помните, когда Вы были юнкером, разве Вы могли опоздать хоть на одну минуту? - Какое глупое сравнение, педантизм и тупое непонимание перемены обстановки за 35 лет от мирного времени в России, до немецкой оккупации Югославии!

Полковник Попов всегда возмущался, что у чинов взвода были жены, которые находили способ встречаться со своими мужьями в отпускные часы отдыха. Никаких забот об них Попов не проявлял и при оставлении Бора об их эвакуации и не заикался. В результате этого три всадника из казачков при отступлении верхом на своих лошадях, галопом выехали из расположения конного взвода, в сторону района, занятого противником.

Глубоко возмущали полковника Попова и новые, современные немецкие порядки, что в вечерние часы по окончании службы солдаты имели право выхода из казарм домой, в «солдатенхейм» или в кино. - Вполне достаточно и воскресных отпусков.

Не меньше он возмущался при виде во время жары расстегнутой пуговицы на воротнике дневального по конюшне, и хотя в соседней немецкой конюшне дневальные были в жару в одних только купальных трусиках.

Никаких забот к облегчению службы своих подчиненных полковник Попов никогда не проявлял и даже противился всякому изменению к лучшему их положения.

В полковых ротах было по три взвода и по три унтер-офицера в каждом, так что их дежурства выходили на каждый 9-й день.

Конный взвод стоял в Бору отдельно от других взводов сотни управления в отдаленных казармах, и наши унтер-офицерские дежурства приходились на каждый третий день: таким образом, получалось 10 суточных дежурств в месяц, 10 дней законного отдыха после бессонных дежурств, и всего лишь 10 дней нужной службы, то есть занятий в казармах или выездов разведывательных конных разъездов в окрестности охраняемого рудника Бор.

Чтобы больше оставалось полезного времени для службы, мы предложили объединить унтер-офицерские дежурства с отдельным тяжелым пулеметным взводом, стоявшим в соседних с нами комнатах общих казарм, но полковник Попов категорически заявил, что такого объединения разных частей в правилах нет, и при его упрямстве, педантичности и полном неумении проявлять собственную инициативу, считаясь с обстановкой на пользу службы, он предложение наотрез отклонил.

Основным положением военной службы во взаимоотношении начальников с подчиненными, по мнению полковника Попова, был трепет перед начальством и недопустимость никаких возражений младшего старшему, когда старший должен приказать: "молчать"! При полном отсутствии у него гибкости понимать обстановку и проявлять инициативу, произошел такой случай.

Почему-то оказалось, что рудник Бор лежал на пути полетов неприятельской авиации, ежедневно и еженощно направляющейся в Румынию бомбить Бухарест и богатые нефтяные районы. Эти перелеты были на огромной высоте, сбитых аэропланов мне не приходилось видеть, но наши сильные зенитные батареи отгоняли противника и гарантировали Бору полную безопасность. Однако при каждом таком перелете рудник громко оглашался фабричным сигналом воздушной тревоги, не вызывавшим в гарнизоне Бора никаких опасений.

Но все же, по каждой воздушной тревоге конный взвод высылал всадника для связи к штабу батальона, что ложилось тяжелым нарядом на взвод, особенно по ночам, в морозы и плохую погоду. Поэтому, в один прекрасный день я обратился к полковнику Попову как к своему командиру взвода со следующими словами:

- Как опытный командир, Вы отлично видите, что конный взвод, совершенно бесцельно несет тяжелый наряд, посылая связных к штабу батальона по каждой воздушной тревоге, в сущности, к Бору не относящейся. Все эти посылки конечно кончались благополучно, потому что нападения на Бор не было, но случись бомбардировка с воздуха, всадник на коне до штаба и не доедет. Кроме конной связи штаб батальона связан со всеми казармами и бункерами телефоном, ни разу после тревог, не подлежавших порче, и к другой связи фактически штабу не было надобности прибегать.

Вы командуете конным взводом. Командовать – это, значит заботиться о своих подчиненных и облегчать их службу, но с тем, чтобы служебные требования были бы целесообразны и достигали бы наилучших результатов. Из создавшейся у нас несуразной обстановки мне кажется выход единственный и простой: поговорить Вам с командиром батальона полковником Поповым-Кокоулиным, объяснить ему сказанное выше и просить этот наряд связи по каждому гудку воздушной тревоги – отменить. Просьба настолько ясна и логична, что отказа в ней ожидать нельзя.

Прослушав внимательно все мои доводы, полковник Попов с нескрываемым возмущением ответил мне:

- Как Вы можете предлагать мне такие вещи? Как могу я учить, или давать указания своему начальству, как он должен командовать батальоном? Приказание отдано, и наше дело выполнять, а не рассуждать. Вот и все.

- То, что я Вам предложил, – говорю я, – совсем не значит "учить" командира батальона, а значит "доложить" и "ознакомить" его с деталями

службы конного взвода. Вы, как командир взвода насквозь видите все его нужды, в то время как командир батальона, ответственный за весь русский Борский гарнизон, не может входить в такие детали, как высылка одного связного по гудку воздушной тревоги. Повторяю, не учить командира батальона, а разъяснить ему обстановку, предлагаю я сегодняшним своим собеседованием с Вами, с обменом мнениями...

- Оставим наш разговор, – прерывает меня полковник Попов, – все равно на эту тему я разговаривать с полковником Поповым-Кокоулиным не буду, и не допущу никакой критики полученных мною свыше распоряжений. Что же это будет, если все чины корпуса начнут рассуждать и критиковать приказания начальства?

Мне стало совершенно ясно, что продолжать разговор с Поповым не имеет смысла и наряды по тревоге и дальше продолжать...

Прошло некоторое время, и в Бор прибыли новый командир батальона 4-го полка полковник Голубев и его адъютант – поручик Гранитов, – оба мои "однокашники" по Высшим военно-научным курсам в Белграде и оба люди толковые и современно военно-образованные.

Поручика Гранитова я хорошо знал еще с его юности и средней школы. На моих глазах он окончил технический факультет университета, и как лучший окончивший инженер он представлялся Королю Югославии Александру I и вскоре затем блестяще защитил выпускную дипломную тему на Военно-научных курсах. Приехав в Бор, поручик Гранитов, естественно, искал встречи со мной и я, ознакомив его с жизнью гарнизона и в частности конного взвода. Я также высказал ему свой взгляд на бесцельность нарядов по посылке связных после каждой воздушной тревоге, – все то, что я раньше высказал полковнику Попову, и спросил его мнение по этому поводу.

- Двух мнений здесь быть не может, – ответил поручик Гранитов, и нелепость наряда настолько очевидна, что я сегодня же поговорю с командиром батальона об его отмене.

Два часа спустя, встречаю полковника Попова с улыбкой на лице, который обратился ко мне со следующими словами:

- Помните, как Вы возражали против нарядов после воздушной тревоги? Так вот, по телефону новый командир батальона приказал мне этот наряд отметить. Вот теперь это совсем другое дело. Теперь мы прекратим наряды, но уже по приказанию начальства. Да, это совсем, совсем другое дело!

- Я вполне с Вами согласен, что это совсем другое дело, – ответил я полковнику Попову, – ибо инициатива отмены наряда принадлежит командиру батальона, но все же я смею доложить Вам, что осведомления командира батальона о положении дел и доказательства бесцельности наряда дошли до него от меня.

Не знаю, был ли доволен полковник Попов моим поступком, но чины взвода искренне меня благодарили за это.

Страх разговоров с начальством и косность полковника Попова давали отрицательные результаты и в строевой службе взвода.

Однажды он передал мне следующее распоряжение:

- Командир полка приказал Вам завтра в 7 часов утра выехать на разведку дороги от А до В приблизительно около десяти километров длины, и добытые сведения сразу доставить в штаб полка.

- Слушаю, – ответил я полковнику Попову, – но мне важно знать на какой предмет должна быть сделана эта разведка, то есть что интересует в ней командира полка и на какие вопросы я должен ясно и обстоятельно ответить? Не можете ли Вы запросить штаб полка, о цели этой разведки?

- Как могу я вступать с начальством в пререкания? – недовольным тоном ответил мне полковник Попов, – приказание сделано, и потрудитесь завтра в 7 часов без разговоров быть на коне!

- Слушаю! – ответил я, зная, что Попов никогда не посмеет разговаривать с начальством даже в случае явной пользы для службы.

Так как телефонной связи с полком не было, и я должен был сберечь силы лошади для завтрашней работы, я остался без ответа о цели разведки и стал обдумывать ее выполнение.

Дорога от А до В было государственное шоссе и, следовательно, сама дорога, ее провозоспособность и грузоподъемность мостов интереса не представляли. По слухам, ожидался приход к нам нашего полкового обоза, и я решил, что целью разведки должен быть квартирный вопрос. Участок изучаемой дороги был густо застроен домами, занятыми частями немецких войск.

На следующий день в 7 утра я был на коне, у цели в точке А и, начав работу, стал заезжать в каждый дом и добывать следующие сведения: номер дома, имя хозяина, сколько человек можно расквартировать в доме, сколько лошадей можно разместить в сараях, есть ли фураж во дворе и какие части занимают дом в настоящее время? Как видно будет из дальнейшего, мне посчастливилось не пропустить последний важный вопрос. Мне пришлось осмотреть и описать от 150 до 200 домов; и это потребовало много времени, так что в штаб полка я прибыл после 2-х часов дня. Пока командир полка отдыхал после обеда, я на бумаге систематизировал весь собранный материал, и с его приходом в штаб я представил ясные результаты разведки, на что он мне сказал:

- Вы отлично выполнили Вашу работу, и может быть она мне когда-нибудь пригодится, но сейчас все это мне совершенно не нужно. На участке этой дороги есть всего несколько домов, занятых обозом 5-го полка Русского Корпуса, и я хотел попросить командира 5-го полка уступить мне эти дома для расквартирования моего обоза, который я ожидаю. Вот и все!

Конечно, по рубрике "воинская часть, занимающая дом" мы сразу же нашли 5 интересующих нас домов, занятых обозом 5-го полка, со всеми квартирными сведениями, но вся остальная разведка домов, занятых немцами, оказалась совершенно никому не нужной.

Моим счастьем оказалось то, что я удачно предусмотрел записать названия частей занимающих дома, а не будь этого, вся моя большая работа совершенно свелась бы к нулю, и я не удовлетворил бы требования выяснить легкий вопрос: где расквартированы части нашего 5-го полка Русского Корпуса?

Описанием отдельных эпизодов из моей совместной службы с полковником Поповым и фактов взятых из жизни я не хочу осуждать его за его неудачные поступки, так как он был честным и порядочным офицером и командовал взводом так, как это ему казалось точным и правильным, согласно уставам военной службы. Его отказ облегчить участь подчиненных при воздушных тревогах в Бору, или его абсолютно неумелое приказание о разведке дороги, превратившее пустяшную задачу в сложную, длительную работу, не были злым умыслом, а были результатом его устарелого мировоззрения и индивидуального отсутствия гибкости, в понимании новых условий войны. Он считал себя всегда во всем правым, опытным и знающим кадровым военачальником и

меня, вероятно, он искренне осуждал за мое яко бы вольнодумство и отсутствие должного трепета перед начальством.

Все это написанное не есть история Русского Корпуса, а есть лишь описание отдельных эпизодов из корпусной жизни, происшедших со мной или на моих глазах и дополняющих историю. Эти эпизоды как "генеральский анекдот", "ложь святая", правая грива лошади и трепет перед начальством и т.д. настолько невероятны, что у меня при всем желании не хватило бы фантазии, чтобы их сочинить и выдумать.

Поступки вчерашних жалких "русов избеглиц", а сегодня – блестящих генералов-оккупантов после войны никогда не должны быть

забыты. И генерал Штейфон, искавший паутинки в казарме, чтобы поиздеваться над обезличенными офицерами, и генерал Кириенко, игнорировавший офицерское достоинство лиц, не попавших на командные должности, и муштровавший своих "нижних чинов", с высоты генеральского пьедестала, должны быть хорошо известны историкам, изучающим русское лихолетье в зарубежье.

И если при жизни они не успели ответить за свои поступки, пусть они ответят после смерти перед Богом, а у людей путь войдут в историю многострадальной России.

Но к счастью, в Корпусе не в генеральских чинах попадались доблестные и благородные командиры, как описанные в предыдущей главе, полковник Рогожин, генерального штаба полковник Бальцер и другие.

В своем следующем очерке, тоже на тему о Русском Корпусе в Сербии, я предполагаю описать мою службу в конном взводе 2-го полка, возобновить в памяти всегда хорошие взаимоотношения с офицерами немецкого вермахта, приезжавшими к нам для связи, а главное отдать должное памяти последнего командира Корпуса полковника Рогожина.

Таких от рождения гениальных офицеров, как Анатолий Иванович Рогожин, у нас не было и не будет, так как он помимо своего боевого мужества, где как-то, и кто-то мог бы его заметить, он обладал еще и незаменимым мужеством гражданским, и, получив от своего высшего начальства самоубийственный приказ – вести корпус не в бой, а на убой, он нашел мужество в глаза ответить своему начальнику:

- Этого приказа я исполнить не могу и в случае его повторения, приказ категорически выполнен не будет!

Этим он добился отмены приказа идти Корпусу на верную смерть, благополучно вывел Корпус из Югославии в Австрию, оккупированную англичанами. Вечная память рабу божьему Анатолию.

Глава 12. РУССКИЙ КОРПУС В СЕРБИИ. Часть 2.

Служба в Русском Корпусе в Сербии во многом отличалась от службы в Русской Императорской и Добровольческой армиях. Корпус в Сербии был создан на чужой земле после многолетней эмиграции в последней надежде на падение большевиков в России, только силою оружия немецкого вермахта.

В личный состав Корпуса вошли остатки Белой Армии, постаревшие на 20 лет, и интеллигентная молодежь, получившая в зарубежье русское национальное воспитание и образование. Наша генерация моих ровесников оказалась в возрасте 45-50 лет и выше.

В чужих государствах никто не мог насильно мобилизовать бесподанных русских людей в Корпус, и все корпусники были исключительно добровольцы: офицеры, унтер-офицеры и казаки, считавшие своим офицерским и воинским долгом взяться за оружие, использовав неожиданную возможность продолжить борьбу с большевиками, и интеллигентная, патриотическая молодежь, жаждущая совершить подвиг для спасения России.

При малом количестве командных должностей в корпусе и при огромном большинстве в корпусном личном составе офицеров и генералов с боевым прошлым, многие офицеры попали в ефрейтора и рядовые, что усугубляло их идейный, жертвенный порыв служения Родине.

Я не буду повторять историю Корпуса, а опишу только свои личные воспоминания о службе в нем. Напомню только ту ненормальность, что большинство чинов Корпуса были старые офицеры, во много раз численно превышавшие число офицерских и унтер-офицерских должностей в Кор-

пусе, и посему многие попадали в рядовые и в ефрейтора, что доказывало идейность и жертвенность из служения Родине.

К сожалению, в корпусе эти достойнейшие русские офицеры, как видно из описанных выше случаев, иногда подвергались оскорблениям со стороны скороспелых недорослей-лейтенантов, а двери "русского офицерского собрания" были перед ними закрыты, так как "офицерами" считался только командный состав корпуса весьма сомнительного, локального немецкого производства.

Мне, гусарскому офицеру Императорской Армии выпуска из Кавалерийского училища 1-го февраля 1915 года только благодаря Высшим военно-научным курсам в Белграде удалось поступить унтер-офицером, и позже вахмистром, в конный взвод при штабе 2-го полка. Здесь, из общей среды взвода, включая и командира взвода полковника Попова, я выделялся знанием немецкого языка, современными знаниями военного искусства и заботами о подчиненных, описанными в предыдущей главе.

Конный взвод, по службе связи и разведки в интересах штаба полка и рот имел постоянное соприкосновение с немецкими офицерами, с частями немецких войск и с немецкой комендатурой. В связи с чем на меня, как на единственно говорящего во взводе по-немецки, ложилась вся работа связи с немцами, в том числе и доклады немецкому коменданту о результатах каждой конной разведки в окрестностях укрепленного района.

Современный военный кругозор давал мне возможность хорошо ориентироваться в обстановке того времени, в условиях, требовавших знаний танковой и авиационной войны, противотанковой и зенитной обороны.

Кроме того, все нестроевые занятия с чинами взвода производил я, умея что надо им интересно рассказать и показать. Для этого я просил немецких офицеров давать мне некоторые инструменты, как например, призматический дальномер, объясняя его устройство и пользование им, что вызывало общий интерес, и у каждого являлось желание самому обязательно установить прибор и самому прочесть по шкале полученное расстояние до выбранного им объекта.

Я водил свой взвод в наши бункера, где внутри стены были разрисованы видами из бойниц и над рисунками каждого объекта написано измеренное и пристрелянное расстояние до него. Это говорит о том, что наступающему на бункер противнику, лучше ложиться и окапываться на чистом месте, а не прятаться за кустами, где попадание в них будет с первой же пулеметной очереди.

Большое значение я предавал чтению топографических карт, нужному каждому разведчику, и при всех выездах в окрестности я каждому задавал вопрос, где на карте мы сейчас находимся? Рельеф местности изучался на песке, и все мои слушатели умели по рисунку горизонталей собрать из песка горку, или изобразить ее на бумаге в горизонталях. К сожалению, полковник Попов на моих занятиях никогда не бывал, так как его это мало

интересовало, а именно ему следовало бы кое-что там посмотреть и послушать.

Кроме того, многие адъютанты и командиры были из числа окончивших Высшие военно-научные курсы в Белграде, и, давая задание по разведке или связи, они просили, чтобы эту работу выполнил именно я, так как считали что я, как слушатель курсов лучше и толковее исполню их задание.

Мои заботы об облегчении службы чинов взвода, описанные в предыдущей главе никто не разделял, а полковник Попов, даже умышленно создавал лишнюю никому не нужную работу, чтобы у солдата не было бы времени скучать или тосковать по семье и дому.

Из моих частых соприкосновений с немецкими офицерами я вынес о них самое лучшее впечатление, убедившись, что в вопросах чести и благородства они близко подходили к офицерству Русской Императорской Армии. Здесь я говорю об офицерах вермахта, так как я избегал встреч с партийными офицерами СС и с нацистами-комиссарами в черной форме с красной повязкой на левой руке и с черным хакенкреуцем (свастикой) на белом фоне.

Это, подтверждаю эпизоды, взятые мною из жизни.

Однажды в Бору ожидался приезд высокопоставленного немецкого генерала и для встречи его был выслан наш конный взвод, километров на 25-30 вперед от Бора. Там, где шоссе проходило среди скал покрытых густым лесом, благоприятных для партизанских нападений, взвод остановился, ожидая высокое начальство, и выстроился в конном строю вдоль дороги. К подходу генеральского автомобиля, я, спешившись, вышел на середину шоссе, поднял руку и крикнул: - Хальт! (стой).

Остановившись, генерал вышел из автомобиля и прослушал мой рапорт:

- Ваше Превосходительство, конный взвод русского шутцкора вышел Вам навстречу. Путь на Бор свободен и противник не обнаружен, а через 3 километра отсюда Вы попадете в немецкий лагерь Организации Тодт – "Брегенс".

Хотя я был в немецкой, всего лишь унтер-офицерской форме, генерал выслушал мой рапорт, крепко пожал мне руку, поинтересовался, кем я был в русской армии и сказал мне много приветливых слов. Поздоровавшись со взводом, сидевшим на конях, и простившись со мной за руку, генерал благополучно продолжил путь на Бор, а конный взвод вернулся в свое расположение.

Во время дальних экскурсий в окрестности обороны Бора немцы любили, чтобы в походном движении и у цели разведки их роты сопровождал бы наш русский конный взвод. Помимо тактического значения конного сопровождения пехоты, особо важное значение для немцев было то, что все всадники конного взвода отлично говорили по-сербски, некоторые да-

же по-молдавски, – на языке распространенном в пограничной полосе с Румынией. Несомненно, успех выполнения немецких заданий всецело зависел от умения расспрашивать и разузнавать от местных жителей нужные сведения, что без знания местного языка было бы невозможно. Поэтому при моих докладах о результатах разведки все командиры немецких рот и взводов с уважением и благодарностью относились ко мне и просто не знали, как мне угодить и как меня угостить.

Весь немецкий гарнизон Бора очень ценил наш русский конный взвод, и при уходе из Бора 2-го полка, немецкий комендант Бора настоял на оставлении взвода в Бору при штабе прибывшего на смену батальона 4-го полка Русского корпуса.

При приезде немецких офицеров связи в русский штаб полка в Бору мне, как единственному во взводе говорившему по-немецки унтер-офицеру обычно приходилось давать им верховых лошадей и сопровождать их в объездах и осмотрах русских бункеров и позиций.

Здесь я тоже встречал всегда ту же благодарность, и, несмотря на мою унтер-офицерскую форму, я ехал не позади офицеров, а в общей группе с ними, и в обращении ко мне они называли меня "наш ритмейстер", что в дословном переводе означает: мастер верховой езды.

Как-то раз, приехавший в Бор немецкий генерал, осматривал расположение конного взвода, его сопровождал и через меня давал ему объяснения полковник Попов. Первое, что спросил генерал:

В каком русском чине был рейтерцугфюрер (командир конного взвода), херр лейтенант?

На что я ответил:

- Херр лейтенант Попов в Императорской армии был уланским офицером, а в Белой армии в чине полковника был командиром конного полка.

После этого объяснения, генерал во всех обращениях к Попову называл его "херр оберст", то есть, господин полковник.

Так внимательны были немцы к русским офицерам, попавшим в корпус на должности ниже их достоинства.

Заслуживает внимания и уличный случай моей встречи с незнакомым мне немецким полковником.

Нося немецкую форму, я всегда имел на чужом мне мундире родные мне значки Елисаветградского кавалерийского училища и 1-го гусарского Сумского полка и над ними ленты русских орденов, а в петлице ленту немецкого креста военных заслуг (Кригсфердинсткреуц).

Внешне я всегда старался быть опрятным и иметь аккуратный вид. В походе, после ухода из Бора на улице лежащего на пути города, я встретил немецкого полковника, отдал ему честь, а он, внимательно всматриваясь в меня, подошел ко мне и спросил:

- Вы русский офицер?

- Яволь!

- Очень приятно с Вами познакомиться!

И после дружелюбного разговора, пожав взаимно друг другу руку, мы разошлись, и больше никогда не встречались.

Сам по себе случай маленький, но говорит о многом!

По делам службы, мне иногда приходилось попадать на немецкую зенитную батарею, и здесь офицеры противовоздушной обороны по выполнении задания обычно приглашали меня в свое офицерское собрание, и даже в обеденные часы сажали меня за общий обеденный стол.

Какой контраст: унтер-офицеру немецкой службы открыты двери в немецкое офицерское собрание, а русскому офицеру Императорской армии двери русского собрания в Русском Корпусе плотно закрыты. Трудно поверить, но это не выдумка, а исторический факт!

При посещении конным взводом немецких лагерей О.Т. (военно-строительной организации Тодт), заведующие лагерями так же дружелюбно и внимательно, как и офицеры вермахта относились к нам. А если приходилось задерживаться в лагерях с ночевкой, они проявляли в отношении к нам массу забот. Мои переговоры с лагерным начальством всегда сопровождались стаканом хорошего вина.

Особенно светлую память оставил по себе последний немецкий комендант Бора, прибалтийский немец полковник Вундерлих, безукоризненно говоривший по-русски и отлично понимавший роль и значение Русского Корпуса. С ним мне часто приходилось иметь дело. Встречаясь с ним вне службы в корпусном театре, на концертах или в кино, он относился ко мне как к своему личному знакомому и подходил ко мне для непринужденного собеседования.

О нем я напишу ниже в связи с тем, как он по моей просьбе спас конный взвод от возможной поголовной гибели, выслав немецкую роту на выручку окруженного партизанами взвода.

Во взаимоотношениях полковника Попова с немцами происходили иногда курьезные случаи.

Однажды конный взвод, направляясь в разъезд в окрестности Бора, проходил в конном строю район обороны, занятый немецкой пехотой. К полковнику Попову, носившему форму лейтенанта вермахта, подошел немецкий унтер-офицер и сказал ему по-немецки что-то ему непонятное.

Полковник Попов обратился ко мне с вопросом:

- Что сказал унтер-офицер? Вероятно, что здесь нам запрещено ездить?

- Нет, – ответил я, – он просто Вам, как офицеру немецкой службы отрапортовал, что во время его дежурства никаких происшествий не случилось.

- Ну, хорошо, значит, нам здесь ездить можно, – с чувством успокоения после отпавшей ответственности за нарушение порядка, – сказал полковник Попов.

Как-то раз в конный взвод зашел, приехавший в Бор немецкий унтер-офицер из хозяйственной части штаба корпуса - Вернер. Для его встречи полковник Попов выстроил взвод, и скомандовал: «Взвод смирно, равнение направо!»

Когда же я спросил, зачем он, будучи лейтенантом вермахта, так встречает унтер офицера, он мне ответил:

- Ну, как же иначе, – ведь он все-таки немец!

А на лице Вернера было написано:

- Ну, как же иначе, – ведь лейтенант все-таки унтерменш (подчеловек – низшей расы), и видно было что оказанную ему честь, Вернер самодовольно принял как нечто должное.

Конный взвод имел обыкновение во время разъездов завтракать с вином и водкой за счет благодарного населения, при чем хозяина дома или сельского старосту предупреждали, что если он только попробует за угощение взять деньги, то он увидит что будет...

Полковник Попов, как щепетильно честный и порядочный человек всегда предлагал хозяину дома деньги за угощение, но, видя напоминающий кулак из-за спины полковника, хозяин всегда наотрез отказывался брать деньги.

Это кончалось тем, что полковник Попов, с искренней благодарностью давал руку хозяину дома, а при докладе немецкому коменданту Бора о результатах разведки, убедительно говорил, что местное население к нам отлично относится и даже не знает, как и угостить "дорогих гостей"!

Конный взвод постоянно выезжал в окрестности Бора для разведок или по поручению начальства, и наблюдение велось не по шоссе-ным дорогам, а в диких лесах и горах с козьими тропками, то есть в местах благоприятных для возникновения скрытных партизанских организаций.

Разъезды обычно кончались благополучно, хотя и доходили до перестрелки, но партизаны вели себя сдержанно, опасаясь немецкого реванша. Однако, перед окончательным оставлением рудника Бора, после ухода сильной немецкой зенитной артиллерии они окончательно обнаглели.

Опишу один из случаев, где нам грозила опасность полного уничтожения всего взвода.

Как и всегда взвод зашел в самую глушь гор и лесов, где были разбросаны отдельные хаты без колесных дорог к ним. Все казалось спокойным, взвод спешил, чтобы передохнуть и закусить, но вдруг, со стороны неприятеля затрещал пулемет, поддержанный ружейным огнем.

На счастье, один из всадников взвода, не слезая с коня, убил пулеметчика выстрелом из ружья, и, по-видимому, людей, умевших его заменить, у партизан не было.

Началась усиленная ружейная перестрелка, на звуки которой, партизаны быстро стали прибывать, прикрываясь буковым лесом, и накапливаться все больше и больше. С нашей стороны не было ни помощи, ни по-

полнения расходов патронов, бывших только в подсумках на поясах в очень ограниченном количестве.

Полковник Попов, хотя не мог того не знать, что командовать боем всегда должен сам командир части, а коновод, в случае спешивания, отводит лошадей в укрытие, предпочел в бою не участвовать, и, забрав почти всех лошадей, своевременно ретировался с места сражения прямо к себе домой, оставив нас без своевременных средств быстрого отхода. Командование боем принял унтер-офицер ротмистр Трипольский, который вынес правильное решение – из глуши выйти на железную дорогу линии: Метовница – Бор, и как потом я узнал, что он вошел в туннель, прикрывавший его от флангового огня противника. С ним я еще в лесу, договорился, что я прорвусь галопом из кольца окружения, доскачу до станции Метовницы, и оттуда по телефону попрошу из Бора выслать нам помощь и выручку.

Случайно впопыхах полковник Попов забыл в лесу двух лошадей, и на них я с вестовым галопом по каменистому дну горного потока, под перекрестным обстрелом партизан все же благополучно вырвался из кольца окружения, прибыл на станцию Метовицу и там попросил немецкого коменданта станции соединить меня по телефону с немецким комендантом рудника Бор полковником Вундерлихом.

По-русски я подробно рассказал всю обстановку без надежды спастись своими силами, и он обещал мне немедленно выслать немецкую роту поездом на 12-й километр линии железной дороги Метовица – Бор, что он точно и быстро исполнил.

С прибытием немцев, обстановка сразу же изменилась: среди скал и леса партизаны быстро рассеялись. С нашей стороны все обошлось без потерь в людях и лошадях.

С возвращением в свои казармы мы застали там полковника Попова, довольного своим поступком, что он спас лошадей, а что могли погибнуть все люди его взвода, – это его как-то мало интересовало. Что он дезертировал с поля сражения и не исполнил своего долга командира, он, по видимому, не понимал.

В такие моменты, могущие оказаться роковыми и погубить целиком все воинское подразделение, для спасения приходится проявлять максимум личной инициативы даже на унтер-офицерских должностях.

В данном случае, я не имел никакого законного права лично и непосредственно обращаться к высокому немецкому коменданту, минуя штаб русского полка и все свое прямое и непосредственное начальство. Но дело было крайне спешное, минуты играли роковую роль и я, обходя педантизм субординации, поступил так, как находил нужным. В этом деле мне помогло то обстоятельство, что я уже давно стал как бы личным знакомым полковника Вундерлиха и что он вообще был прекрасный человек.

За это дело он представил меня к награде немецким крестом военных заслуг, который вскоре я и получил.

Конечно, все чины конного взвода отлично разбирались в опасности обстановки и в таких случаях платили мне своей благодарностью и искренним уважением.

Вторая мировая война, благодаря развитию мощной авиации, быстрых, бронированных и сильных танков, и моторизации прежде пешком передвигавшейся пехоты, во всем стала отличаться от первой мировой войны.

Конь оказался вытесненным с полей сражений мощным и быстрым мотором, конница в крупных соединениях сошла со сцены театра военных действий. А в мелких подразделениях, таких как наш конный взвод, ушла в леса и дебри, недоступные мотору. Поэтому старым кадровым офицерам, изучавшим военное дело по устарелым опытам японской войны и считающим себя знатоками военного искусства, во вторую мировую войну надо было доучиваться или, во всяком случае, быть гибкими в понимании новой, современной обстановки.

И нам, в конном взводе Русского Корпуса в Сербии в каждом конкретном случае приходилось решать вопрос, как лучше поступить при данных обстоятельствах, и даже самим пришлось вырабатывать тактику движения и разведки взвода.

Так, например, уходя в дальние разъезды, взвод часто возвращался в Бор в полной темноте, когда, что называется, ни зги не видать. В этих случаях я всегда один ехал немного впереди остальных, чтобы при въезде в полосу обороны Бора выставленной на дороге ночной немецкой засаде по-немецки объяснить, кто и куда идет. Я боялся, что иначе незнающий немецкого языка передовой всадник, может быть в темноте принят немцами за партизана, и они могут обстрелять и его, и весь взвод.

Так оно и случилось: еду в полной темноте. Конь ногами ощущает дорогу. Вдруг вспыхивает огонек ручного электрического фонарика, направленный на меня вместе с дулом пулемета. Слышу немецкий возглас:

- Хальт! Кто идет?

Объясняю по-немецки:

- Конный взвод русского шутцкора, принадлежащий немецкому вермахту, из разведки возвращается в Бор.

Все всегда кончалось быстро и благополучно, но были случаи, что для верности, меня просили показать удостоверение личности, выданное немецкими властями.

Таких тонкостей конечно нигде в уставах нет, но они могли бы оказаться роковой ошибкой, если этого не предусмотреть заблаговременно.

Во всем походном движении при отходе Русского Корпуса из Сербии в Австрию через всю Югославию, конный взвод всегда шел в конном строю в авангарде, выработав свои собственные походные построения и способы ведения разведки.

Наиболее опасными местами для движения походной колонны корпуса были участки шоссе, где с одной стороны был обрыв к реке, а с другой – высокая, отвесная каменная стена, над которой продолжалась гора, покрытая скалами и лесом. Здесь ни вправо, ни влево нельзя, ни сойти, не съехать с дороги, и партизаны из-за укрытий легко обстреливают шоссе, сами, не подвергаясь серьезной опасности.

В этих местах конный взвод шел всегда впереди всех, в чрезвычайно рассеянном виде. Впереди ехал одиночный всадник, затем следовали за ним, на расстоянии 20-ти лошадей дистанции следующие одиночки, и лишь за ними шел взвод настолько рассеянным, что поражения всего взвода сразу быть не могло. Самым безопасным местом в строю всей большой колонны было место головного, одиночного дозорного, так как не было случаев его обстрела, – партизаны из-за одного человека никогда преждевременно не обнаруживали себя выстрелами, и бой возникал далеко позади нас, главным образом против обозов и арьергарда.

Выше я описал свои личные взаимоотношения с немцами в русском корпусе в Сербии, оставившие у меня отличные воспоминания об офицерах немецкого вермахта.

Сейчас я повторю общеизвестный поступок командира XV-го казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта немца фон Паннвица, так как этот небывалый и неповторимый в мировой истории случай немецкие и русские молодые ученые историки должны хорошо знать и передавать из поколения в поколение, как исключительный случай высшего духовного человеческого величия и как моральное величие высокого военачальника.

Во время второй мировой войны генерал Паннвиц сжился с казаками и искренне полюбил их, на что они отвечали не меньшей любовью и уважением и прозвали его "немцем с русской душой". Во время зверской выдачи англичанами большевикам казаков в Австрии 10 июня 1945 года на станцию Эннс прибыл заплетенный колючей проволокой товарный состав, охраняемый сотней солдат НКВД с пулеметами наготове. 47-ми летний генерал фон Паннвиц, внутри энкавэдэшного кордона ранее отделенный от казаков, стоял на платформе, окруженный английскими и советскими офицерами, и увидел через окна вагонов, бледные лица тех казаков, которые состояли в его корпусе. Их было в этом поезде 2146 человек. У генерала фон Паннвица выступили слезы на глазах.

Тогда британский комендант объявил генералу фон Паннвицу: «Вы должны быть счастливы, что Вы, как германский офицер не подпадаете под соглашение о выдаче. Вы можете снять черкеску, так как есть и остаетесь британским военнопленным». Но Паннвиц сказал коротко: «Нет! Я желаю, чтобы и меня тоже выдали, – пояснив, – я делил с казаками хорошее время. Теперь я хочу делить с ними плохое. Я заключил с ними друж-

бу на жизнь и на смерть. Может быть я смогу облегчить их ужасную участь, взяв часть приписываемой им вины на себя».

Сказав, он вошел в транспортный поезд, отходящий в СССР. В вагоне, в котором он отправился в свое путешествие на верную смерть, он встретился опять с теми, с которыми он был во время войны.

Официальное сообщение, напечатанное в газете Правда, говорит о том, что «Военная Коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрела дело, по обвинению главарей белогвардейских войск: генералов П.Н.Краснова, А.Г.Шкуро, князя Султан-Гирей Клыч, С.Н. Краснова, Т.М.Доманова и генерала германской армии Хельмута фон Паннвица, о ведении ими вооруженной борьбы против Советского Союза, и приговорила всех их к смертной казни через повешение. Приговор немедленно приведен в исполнение в Москве 17 января 1947 года».

Следовательно, выданные в 1945-м году, они томились в застенках НКВД на Лубянке более полутора лет.

По прошествии больше чем 50-ти лет со дня основания Корпуса, вспоминая все пережитое, я благодарю Бога.

Неисповедимы Пути Господни!

В гражданскую войну в России столкнулись две идеи: монархическая и коммунистическая, которые разделили всех русских людей на два лагеря, и в каждом из них были русские люди убежденные в правоте своей идеи и борющиеся за нее не на жизнь, а на смерть. Эти два лагеря, кроме того, были ярко обозначенные: Белое Движение и Красная Армия. Воюя против Красной Армии, белый воин знал наверняка, что борется против коммунистов. В эмиграции мы сохранили это убеждение.

Во время второй мировой войны Красная Армия столкнулась не с нами – белыми, а с внешним врагом – Германией и встала на защиту своей Родины от оккупации. В ее рядах уже не обязательно должны были быть все заядлые коммунисты (как мы об этом тогда думали), а могли находиться так же и люди, о которых только сейчас нам представилось возможность узнать. Люди, которые нас понимают, интересуются судьбой и историей Белого Движения, даже продолжают нашу идею, так как в некоторых городах России открылись отделы наших воинских организаций. Есть группа молодых монархистов.

Разве Господь, по Своей Великой Милости не спас Русский Корпус от столкновения с этими людьми? Большое огорчение испытали доблестные чины Русского Корпуса переживая разочарование в своих надеждах на немцев. Корпус рвался в бой, в Россию, в бой за освобождение ее от коммунизма, а оказался оставленным немцами в Сербии с задачей охраны стратегических для них пунктов. Но не здесь ли Милость Божья?

Корпусу действительно представилось героическая борьба с истинными коммунистами и только коммунистами, пусть они не были русскими,

а были сербами. Борясь против Тито, Корпус задерживал продвижение коммунистов в мире и тем самым, ослаблял их. Не было разве групп из русских эмигрантов принимающих участие в гражданской войне в Испании на стороне Франко?

Русский Корпус наносил удар красным и только красным, не окропив честь доблестного белого воина случайно невинной русской кровью.

Воины Русского Корпуса со спокойной совестью, честно могут сказать, что свой святой долг перед Родиной полностью исполнили в тяжких, неравных боях с врагом поработившим Россию – на Сербской земле!

На это была Святая Воля Божия.

Глава 13. КОНЕЦ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЗАОКЕАНСКАЯ ЭВАКУАЦИЯ

В 1945-м году вторая мировая война закончилась миром во всем мире, что относилось ко всем вообще за исключением только нас – русских. Пока Русский Корпус еще находился на территории Югославии, он подвергался жестокому нападению красных партизан, будущего маршала и президента Тито, хорошо вооруженных английским и американским оружием, и стремившихся не выпустить Корпус за границу, а уничтожить его у себя дома.

Против такого неподчинения международным условиям мира никто и нигде не возражал, считая это внутренним делом самостоятельного государства Югославии, с нескрываемой симпатией в пользу коммунистов в их борьбе против активного, контрреволюционного и антикоммунистического Русского Корпуса!

Окончание мировой войны сразу же создало в рядах Корпуса совершенно новое положение и настроение: кончился многолетний грохот артиллерии, настала непривычная тишина и вражеские аэропланы, наблюдающие теперь за эвакуацией германских войск из Югославии, стали низко летать над нашими головами, но уже не было больше воздушных тревог, никто больше не боялся авиации противника, и никто ее больше не обстреливал, все это казалось очень приятным.

Однако все это создавало в душах русских воинов-патриотов двойственное моральное чувство.

С одной стороны, всех нас радовало окончание кровопролития за Родину, а с другой стороны, – горе не достигнутой победы над красным врагом, поработившим Святую Русь. И горе крушения последней надежды при поддержке немцев достичь освобождения России от большевиков, противостояли радости мира и создавали новое желание при первой же возможности снова броситься в непримиримый бой с красным противником.

Кровь убиенных многих десятков миллионов русских людей, начиная с Царя и всей Царской Семьи, вопиет к Богу и требует возмездия, а мы, отдав на поле брани много молодых жизней и сами, истекая кровью, не смогли сокрушить стихийную, безбожную сатанинскую силу большевиков, а со сдачей последнего оружия потеряли на то и свою последнюю надежду.

Это свое сверхчеловеческое горе мы разнесли по всему миру, далеко за моря и океаны и течением времени мы, ровесники "нашей генерации", от имени которой я пишу, стали дряхлыми стариками, не моложе 80-ти лет.

Кончилась 2-я мировая война. Мы не победили, но сделали все от нас зависящее. Наша совесть осталась чиста перед Родиной. Настала пора переходить из подневольного положения в Корпусе на защиту прав человека.

Я, унтер-офицер по службе, которому не каждый офицер считал нужным подавать руку, выйдя на свободу, по военно-общественной линии дошел даже до должности Председателя Южно-американского отдела Военно-научного института имени профессора генерала Головина, и здесь никто больше от меня не отворачивался.

Демобилизовавшись, я пережил настроение арестанта, отбывшего срок наказания и вышедшего на свободу за тюремные ворота с правом без запроса разрешения тюремного начальства идти туда, куда он хочет, и жить, как он сам хочет.

Судьба интернированного в Австрию Русского Корпуса давно всем известна, и я не буду ее повторять, а перехожу к воспоминаниям своих личных переживаний после окончания войны.

Первоначальное расположение конного взвода, после перехода австрийской границы было в красивом сосновом лесу, в самодельных шалашах из еловых веток, безо всякой охраны и при полном безделье, так как служба кончилась.

Я часто ходил купаться в живописном озере с чистой прозрачной водой в двух верстах от взвода, или уходил в горы, где собирал массу малины и белых грибов в дополнение к скромному корпусному обеду.

Однажды ко мне и к своему мужу (то есть к моему зятю) из американской зоны приехала моя дочь, разыскавшая корпус, и вручила нам документ, написанный по-английски, что лагерь Парш в Зальцбурге, где живут наши жены, принимает нас в свое расположение и просит английские и американские власти не чинить нам препятствий и оказывать содействие в пути.

Переодевшись в штатское, с документами техника Министерства путей сообщения Королевства Югославии, я отправился в путь, и благополучно прибыл в Зальцбург, где теперь собралась вся моя семья, чтобы с

переездом за океан больше не разлучаться после глупо сложившей разлуки в Корпусе.

Лагерь Парш, где люди жили по 5 человек в комнате, конечно не мог дать нормального домашнего уюта, как в своем доме, но его обыватели пользовались всеми правами свободного человека: могли жить со своими семьями, безотчетно выходить за ворота лагеря в любом направлении, работать в австрийских городских фирмах и предприятиях, мирно спать по ночам. В общем, могли быть вполне свободными людьми, так что лагерь Парш после Русского Корпуса неоспоримо казался форменным раем на земле.

В Зальцбурге я был принят равноправным членом Союза инженеров и техников, что мне помогло при знании немецкого языка и с моим техническим стажем, найти службу в частной строительной фирме "Вигенд и Шнейдер", занимавшейся восстановлением шоссе и дорог и уличных мостов, разрушенных снарядами и бомбами во время войны.

Здесь я руководил работами мною составленной русской группы рабочих, среди которых были и офицеры, и никто здесь никого не шокировал, и, отработав положенные часы, все они оставались вполне свободными людьми, и делали что хотели.

Кроме дорожно-строительной технической службы, обладая художественными способностями, я был театральным художником лагерного театра, и мои красивые рекламы спектаклей и концертов, приобрели в Зальцбурге широкую известность. В дополнение к налаженной службе, я получал много частных рекламных заказов из лагерей других народностей и от австрийцев – жителей Зальцбурга.

Служба в австрийской строительной фирме приносила мне и моей группе не только денежный заработок, но и продовольственные карточки, что при карточной системе в стране было очень важно.

Мой молодой и энергичный зять, еще по гимназии знакомый с переплетным делом, сумел открыть в Парше лагерную переплетную, затем и чемоданную мастерскую, где особенно нарасхват раскупались чемоданы, так как все жители лагеря Парш и других лагерей в конечном результате ожидали дальний путь. Он тоже собрал рабочие руки среди свободных жителей Парша, включая и офицеров, а сам он, после нижнего чина в корпусе стал уважаемым и любимым гуманным хозяином собственного предприятия.

В ожидании организованного разъезда «де-пи» по местам их окончательного расселения, приходилось вполне удовлетворяться описанными выше временными условиями жизни и работы в "райской" по сравнению со службой в Русской Корпусе обстановке.

Общие перспективы будущей жизни еще были в туманной неизвестности, но вчерашних корпусных халифов на час, не имеющих гражданских знаний и специальностей, неминуемо ожидала жизнь на благотворитель-

ные подачки в домах призрения. А люди знающие, со специальным образованием, но забитые в корпусе, без страха твердым шагом вступали в новую плодотворную жизнь. Вот как роли сразу изменились!

Готовясь к переселению за океан невольно хотелось взвесить шансы на лучшее неизвестное будущее и оценить в туманной обстановке риск предстоящего шага к новой созидательной жизни.

Впереди, в Америке все было чужое, но светлое, а позади, в Европе, оставалось свое родное, но очень темное.

Обладая значительным багажом технических знаний, полученных мною в Политехническом институте, и имея 20-ти летний стаж технической службы в Югославии, я смело смотрел в глаза своей надвигающейся судьбе, и действительно не ошибся, так как в Аргентине до выхода по возрасту на пенсию я состоял на интеллигентных технических должностях проектанта деталей ново строящихся машин.

Радостно было видеть, как не только я один, но и все мои попутчики из Зальцбурга в Буэнос-Айрес быстро здесь становились на ноги, приобретали дома и автомобили, строили церкви и общественные дома инвалидов, корпусников, и проч., и входили в нормальную жизнь на чужой земле, сохраняя свои русские церкви, обычаи и организации.

Оглядываясь назад, просто жуть берет, в какой полный мрак погрузилась наша родная Россия, после того как потух последний светоч, зажженный первопоходниками в ледяном Кубанском походе, и освещавший путь Белой Армии на Москву.

Вступая в ряды Белой Армии, я не сомневался, что в войне армии, возглавляемой и состоящей из генералов и офицеров – специалистов военного дела, изучивших военное искусство, против дезорганизованной, первоначальной рвани Красной Армии, офицерство должно победить. Но неожиданно получилось, что по ходу войны красные лучше нас поняли и суть гражданской войны, и выдвинули из числа царских драгунских унтер-офицеров, талантливых маршалов Жукова, Буденного и царского штабс-капитана военного времени – маршала Василевского.

Отличные организаторы - эти маршалы поставили Красную Армию на ноги, вытеснили нас в заграничную эмиграцию, взяли Берлин и довели Советский Союз до мощного государства, наводящего страх и ужас на весь мир. Гибкость и понимание обстановки красных маршалов были поразительны и во время 2-й войны. Они объявили ее отечественной, открыли церкви и дали офицерам золотые погоны, играя на национальных чувствах народа и армии. Но по окончании войны все лишние поблажки были отменены, и русскому народу жить стало не лучше, а хуже.

Наши генералы и старшие офицеры такой гибкостью не обладали, и даже после 20-ти лет эмиграции корпусное начальство в Сербии не сумело использовать прекрасный, жертвенный и идейный состав молодых

патриотов и боевых офицеров, пополнивших военные знания на Военно-училищных и Высших военно-научных курсах в Югославии, и обезличило их в общей массе нижних чинов, лишенных всякой офицерской и гражданской инициативы.

Поступая в Белую Армию, я также думал, что при столкновении христолубивого воинства, каждый поход против безбожной красной банды, начинавшего молебном. Господь Бог будет помогать молящимся, и мы победим. Однако пути Божьи неисповедимы, и никакой критике не подлежат, а Господу Богу видно, когда Ему надо будет встать на защиту 220-ти миллионного русского народа, допустившему кучку безбожных коммунистов к разрушению святых храмов Божьих и к убийству десятков тысяч лиц духовного звания, епископов, священников и монахов.

После четырехлетней безрезультатной и обидной службы в Корпусе и после четырехлетней безобидной, но временной жизни в лагере Парш, в 1949 году настало, наконец, время отъезда эмигрантов за океан. При помощи международной организации I.R.O. мы были перевезены через океан к новому и окончательному месту жительства, чтобы там встать на свои ноги и перейти на собственное иждивение.

Впереди была полная неизвестность, но мы жили большими надеждами на лучшее будущее, так как Аргентина жила по мирному времени, в кровавой мировой войне не участвовала и в аргентинском народе быть не могло той ненависти, и того антагонизма ко всем чужим людям, которые возникли в Европе как следствие войны и революции.

Так оно и оказалось. Аргентинцы сохранили свои лучшие качества, остались гостеприимными и предоставляли вновь прибывшим работу с правами и с оплатой труда на равных основаниях со своими гражданами.

Здесь, состоя на службе, я пользовался всеми правами на вознаграждение за труд, со всеми семейными и прочими прибавками, наравне с аргентинцами, и даже ту пенсию, которую они нормально получают за 30 лет службы, я получил после 10-ти лет, так как к тому времени я был в возрасте старше 65-ти лет.

Кроме того, за десятки лет труда и жизни в Аргентине, почти все трудоспособные русские люди, в том числе и моя семья, обзавелись собственными домами, и многие – автомобилями, о чем в Европе не приходилось даже не думать и не мечтать.

Наша бездомность в Европе вызывала мучительную жажду окончательно обосноваться на новом месте, где можно было бы начать созидать новую жизнь в нормальных условиях мирного времени, вдали от мировых войн, со всеми ее пагубными последствиями.

Таким местом оказалась гостеприимная Аргентина – прекрасная страна незараженная войной, где все мы нашли утешение после пережитых многолетних невзгод.

И если читатель моих воспоминаний крепко задумается над тем, как тяжело бездомному человеку жить, не имея хотя бы под наем хоть одной небольшой своей комнаты, то он поймет, как радостен был наш отъезд из проходного лагеря в Италии в Аргентину и сколько светлых надежд возлагалось на предстоящую заокеанскую жизнь.

Эти переживания я правдиво изложил в прилагаемых ниже стихах, написанных мною в 1950-м году.

Аргентина

Прощай Европа! Ты осталась
За океаном позади,
Но сердце трепетно не сжалось
У отъезжающих в груди.

Не с материнскою любовью
Ты отнеслась к своим сынам,
И обагренная их кровью,
Ты в руки отдалась врагам.

Непобедима добродетель
В боях под символом креста,
И Сталин - "Красный благодетель",
Попрал учение Христа.

А тех, кто первым встал за Бога,
За честь, за правду на Руси,
Ты их не баловала много
На трудном жизненном пути.

Не легкая досталась доля
Остаткам Армии былой,
Немногие вернулись с поля,
И те не добрались домой.

И мало кто в житейском море
Героев русских приласкал,
И каждый в тяжком русском горе
Свое лишь счастье искал.

Сербский Король был исключением
С широкой рыцарской душой,
Его ж народ шел за теченьем,
За выгодой и мишурой.

И впрямь, к чему вопросы чести?
Когда в России нет Царя!
Когда не нужно больше лести,
Зачем быть благородным зря?

И даже дети, что родились,
В изгнание на земле чужой,

И те нисколько не сроднились
Со своей родиной второй.
 На русских сыпались упреки,
 Что хлеб они едят не свой,
 Давались вечные уроки,
 Чтоб ехали скорей домой.
И их всемерно убеждали,
Что большевизм в России стих,
А сами-то того не знали,
Что ожидает их самих.
 И так жилось по всей Европе
 По всем столицам и углам,
 Большевики же на галопе
 Шли к европейским воротам.
Ворота шире открывались,
Чтоб с красным хамом в дружбе жить,
А эмигранты притеснялись,
Чтоб Русь опять не воскресить.
 Одни ярлык пятой колонны
 На них старались нацепить,
 Другие с целью обороны,
 Сумели русских применить.
Напрасно много крови лилось
В жестокой мировой войне,
И пол Европы очутилось,
Уже на красной стороне.
 Ну, что ж! Пора за ум бы взяться,
 России белой помощь дать,
 Чтоб у корыта не остаться,
 И в грязь себя не затоптать.
Прощай Европа! Постарайся
Последний вызов дать врагам,
Но и на нас не обижайся, -
Плывем мы к южным берегам.
 Вот молодая Аргентина
 Под небом солнечным лежит,
 И эта дивная картина
 Всех прибывающих пленит.
Потоки крови здесь не льются,
Здесь царствуют любовь и труд,
Здесь песни звонкие поются,
И слабым помощь подают.

Однако нужно здесь трудиться,
 Здесь каждому работа есть
 Бездельником быть не годиться,
 И труд считается за честь.
 Здесь от труда вполне возможно
 Прилично, сытно, скромно жить,
 Способным, сильным даже можно
 Кой что на домик отложить.
 И после длительных скитаний,
 Здесь европейцам благодать,
 Пришел и их конец страданий,
 И право свой очаг создать,
 И жизнь сложить по своей воле,
 Без принужденья воевать,
 Чтоб новой радоваться доле
 И Божий мир благословлять.
 И все ж Европа, - не забудем
 Тебя мы, как родную мать,
 И вдалеке мы все же будем.
 Тебя частенько вспоминать.
 Нельзя забыть твою природу,
 Твои березки и снега, -
 И за твои честь и свободу
 Мы здесь горой стоим всегда!
 Как только по родной равнине
 Наш красный враг начнет бежать,
 Едва ли русских в Аргентине
 Удастся дольше удержать.
 И верим мы, — настанет час,
 И Русь святая расцветет,
 И под своим шатром всех нас,
 Со всего света соберет!

Эти стихи являются точным зеркальным отражением настроений и истории русской заокеанской эвакуации, включая и два последних четверостишья о нашем возвращении на Родину, которые теперь стали казаться пародоксальными.

30 лет тому назад теплилась еще надежда, что свержение большевиков произойдет уже не нашими руками, а неожиданным внутренним или дворцовым переворотом, или с возникновением 3-й мировой войны.

Но и теперь совершенно ясно, что большевизм в России долголетен, но не вечен. Но никто не может знать как, когда, где и во что выльется будущая мировая история...

Переезд через Средиземное море и Атлантический океан мы совершили на Северо-Американском военно-транспортном корабле, со всеми удобствами, и океан был спокойным все время нашего пути от Генуи до Буэнос-Айреса.

Аргентина оправдала возлагаемые на нее надежды.

Да здравствует Аргентина!

Глава 14. ЖИЗНЬ РУССКИХ В АРГЕНТИНЕ

После многолетних горьких страданий в Европе в результате войн, революций и бездомной лагерной жизни, без средств к существованию в 1949 году часть русских эмигрантов, эвакуированных за океан, попала в гостеприимную Аргентину.

С первых же шагов по новой земле в глаза бросился резкий контраст между оставленным там и приобретаемым здесь, так как мирный аргентинский народ, неиспорченный войной, не знал ни взаимной вражды между собой, ни антагонизма к инородцам, и был радушным и гостеприимным даже в отношении к своим новым незванным гостям, то есть к нам.

Уже на пароходе за время трехнедельного плавания, чувствовалось, что непоправимое зло осталось позади, а впереди

ожидает мирная жизнь с честным трудом, ведущим к созданию собственных домашних очагов.

По прибытии парохода в порт Буэнос-Айреса все пассажиры, принятые в страну, были размещены тут же в порту, в отлично оборудованном эмигрантском доме на средства международной, благотворительной организации ИРО. После чего, дав время осмотреться, каждый из нас получил по 10 американских долларов, с требованием выехать из дома, кто куда хочет, на все четыре стороны.

Лично я и моя семья, состоящая из пяти человек, считая двухлетнего ребенка, приехали в Аргентину без гроша в кармане,

истратив все сбережения на покупку в Австрии всего самого

необходимого, но за время плавания я бесплатно работал на пароходе, по молярному делу, за что обильно получал пачки американских папирос. Сбыть эти папиросы было легко, так как ради них скупщики осаждали эмигрантский дом, и небольшие аргентинские деньги впервые появились у меня в кармане.

При отъезде из дома моя семья получила 50 отпускных американских долларов, и на них надо было начинать новую жизнь в новой стране, что без знания языка было делом далеко нелегким.

Теперь, когда мы обжились в Аргентине и давно уже приобрели собственные дома и автомобили, изучили испанский язык, и имеем заработки и пенсии. Оглядываясь на 30 лет назад, можно сказать, что первые шаги здесь были трудными.

Свою личную жизнь я опишу ниже, а сейчас начну с общего описания жизни русских в Аргентине.

Первыми жизненными вопросами вновь прибывших в страну русских людей были - куда временно можно приткнуться, и как найти заработок?

При помощи наших соотечественников, ранее прибывших и обосновавшихся в Буэнос-Айресе, были организованы в крайней тесноте, но без малейшей обиды временные общежития, а в поисках службы, помогли газетные объявления со спросом на труд, так что все как-то нашли выход из затруднительного положения.

Хорошие служебные должности удавалось получить не сразу, а нужда требовала немедленного заработка, но первоначальный, простой, физический труд находился легко, и с него большинству эмигрантов приходилось начинать. Дальше по мере ознакомления с условиями здешней жизни дело шло лучше и легче.

Обеспечив себя хлебом с маслом и стаканом вина, которое здесь пьют, как в России квас, русские люди постепенно стали втягиваться в службу, и, кроме того, в свою общественную жизнь, охватывающую церковные приходы, военные, бытовые, политические, благотворительные организации, и патриотическое воспитание молодежи и заботы о ней.

По сравнению с Западной Европой русская Императорская власть всегда была на большей духовной высоте, и всегда стояла несравненно больше к церкви, чем правительства Запада - Вера в Бога, вера в неизбежность ответа перед Престолом Всевышнего за судьбу России и ее народа была основой всех взглядов Русских Императоров.

Русский Царь был помазанником Божьим и его венчание на царство и коронация совершались Главой Русской Православной Церкви в Кремлевском Соборе, где Царь входил в алтарь через царские врата и причащался там Святых Тайн по царскому чину.

Русский народ тоже отличался большой религиозностью и мистицизмом, доходящим даже до юродства и кликушества.

Русская эмиграция сохранила свою православную религиозную стойкость, и церковная жизнь в Аргентине заняла первое место среди других видов русской общественности. И если за несколько десятилетий многие военные и гражданские организации потеряли свое прежнее значение, и даже существование, православная церковь всегда остается нам нужной для крещения детей, бракосочетания молодежи, упокоения стариков и для удовлетворения православных религиозных потребностей всех русских людей независимо от возраста.

В настоящее время в Буэнос-Айресе имеется 11 русских православных церквей, а до прибытия русской эмиграции здесь был единственный Свято-Троицкий Собор по своей красоте представляющий Императорскую Россию во всем ее величии. Его освещение торжественно состоялось 8 октября 1901 года. Оно прошло в очень торжественной обстановке, в присутствии президента республики Рока, дипломатического корпуса и министров тогдашнего аргентинского правительства. Это был первый православный храм, не только в Южной Америке, но и во всем Южном полушарии.

Решение об устройстве храма было принято Императором Александром III, но осуществлено в царствование Императора Николая II, в значительной мере на пожертвования Императорской Фамилии.

Огромное историческое значение этого храма еще не может быть полностью оценено, ибо здесь - колыбель Православия для целого континента.

Совершенно справедливо Собор Святой Троицы состоит в подчинении непосредственно Владыки Митрополита Филарета, так как мировое значение его далеко превышает рамки одной епархии.

Этот Собор в Буэнос-Айресе - чудо чисто русского зодчества, украшенный великолепными иконами и исключительно красивым внутренним убранством, служит не только великолепным памятником Русского Православного Царства, но и проповедником Славы Божией. Сотни туристов ежедневно посещают великолепный собор, являющийся гордостью столицы Аргентины.

Буэнос-Айресская епархия состоит под управлением Архиепископа Аргентинского и Парагвайского Афанасия. Его подворье находится при Кафедральном Соборе, где раньше организовывались духовные собеседования с молодежью, что теперь прекратилась, вероятно, из-за упадка интереса к ним подросшей молодежи, родившейся и акклиматизировавшейся в Аргентине.

Кроме непосредственной церковной службы и Богослужений наше духовенство обслуживало несколько церковных детских школ, из коих теперь осталась лишь одна, но хорошо поставленная в собственном трехэтажном доме с большим залом, где устраиваются школьные акты, елки и детские спектакли с играми.

И в церковных приходах заметна убыль в числе прихожан, так как смертность старых превышает приток новых посетителей храмов. По тем же причинам надвигается трагедия с недостатком священников, и настоятель нашего храма в Термиерли стал теперь обслуживать три церкви и один приход в старческом доме, а раньше литургии служились у нас каждое воскресенье и каждый праздник.

По этому поводу, в газете "Русское слово" была помещена

следующая передовая статья: «Минувший 1977 год производит на нас довольно грустное впечатление. С духовной точки зрения Российская эмиграция потеряла много достойных священнослужителей, смены для которых не предвидится. Канонические правила запрещают возводить в священный сан, так называемых "двоеженцев", т.е. лиц женатых вторично. Между тем события двух мировых войн, революции, гибели миллионов от политических и религиозных преследований не могли не отразиться на семейном положении русских людей. Нам думается, что если во время чумы, церковь допускает сжигание трупов, то следовало бы применять этот же критерий и в других отношениях. Что лучше? Оставлять без духовного руководства и таинств десятки тысяч верующих, и особенно молодежи, или принять экстраординарное решение, вызванное бедствием, и посвятить в священники даже "двоеженцев", если оказываются достойными?

Нам думается, что в настоящее исключительное время, нужны исключительные меры для укрепления нашей Русской Зарубежной Церкви».

Я всецело согласен с данной газетной статьей, и, кроме того, полагаю, что если "двоеженец" развелся со своей первой женой, то есть сознательно нарушил Божие таинство бракосочетания, что можно подвести под слово "блуд", то он не должен быть священником, но если его первая жена скончалась волею Господа Бога и погребена по всем церковным правилам, то второй брак является таким же полноправным таинством Божиим, и никто из людей не может аннулировать благодать Бога и препятствовать достойному лицу стать священнослужителем.

Большое значение в церковной жизни в Буэнос-Айресе имеет благотворительность оказанием моральной и материальной помощи больным и старцам в больницах и в старческом доме. Видное место на этом поприще занимает аргентинский отдел Общества Святого Иоанна Кронштадтского.

Среди русских эмигрантов непримиримых в отношении к Советам и коммунистам особое место занимают офицеры и все военные, цель которых была не только спастись бегством от советских зверств, но и при первой возможности взяться за оружие для продолжения борьбы с большевиками. Их роль я подробно описал в предыдущих главах. На этом вопросе я останавливаться не буду, а перехожу к современной жизни военных и к военным организациям в Аргентине.

В Буэнос-Айресе были различные Императорские военные организации, куда входили участники 1-й мировой и Добровольческой армии, ставшие теперь 80-ти летними стариками и старше, среди которых смертность и дряхлость занимают видное место. Наше военное значение после пережитых доблестных боевых действий, теперь свелось к нулю, но у нас сохранилась память о прежнем величии России и ее армии, и наши воспоминания могут для ученых историков представлять известный интерес.

В лучшем положении находятся все организации участников 2-й мировой войны, на четверть века моложе нас, но и они уже не молодые, а

старше 55-ти лет; они уже отцы и деды и им поздно возобновлять военную службу, кстати, сказать, и не предвидящуюся.

С потерей всякой надежды на боевое будущее для спасения России отпали все прежние приготовления к войне и закончились всевозможные повторительные, военные и высшие военно-научные курсы.

К числу военных организаций 1-й мировой и гражданской войн в Аргентине относятся: Русский Общевоинский Союз (РОВС), включающий; Союз Галлиполийцев и Корниловское объединение; Южно-Американский отдел Военно-научного института по исследованию проблем войны и мира, имени профессора генерала Головина; Суворовский Союз; Союз Императорской Конницы и Конной Артиллерии; Гвардейское объединение; Группа первопоходников; Союз пажей; Объединение Дроздовцев; Казачья станица; Каюткомпания; Императорская Армия и Флот в Южной Америке (легитимная организация); различные полковые и военно-училищные объединения; Аргентинский отдел Союза военных инвалидов; Общество военных инвалидов имени генерала Баратова;

К числу военных организаций участников 2-й мировой войны относятся: Аргентинский Отдел Общества Св. Благоверного Вел. Князя Александра Невского (состоящего из чинов Русского Корпуса в Сербии); Аргентинский Отдел Обще-Кадетского объединения (ОКО); Организация власовцев.

Корпусная и кадетская организации еще живы и следует удивляться их долгосрочной спайке, достигнутой на полях сражений ценою крови. Корпусники до сих пор издают прекрасный иллюстрированный журнал "Наши Вести", а кадеты - такой же отличный журнал Обще-Кадетского Объединения "Кадетская перекличка", связывающие своих однополчан и однокашников в одну крепкую военную семью.

Поэтому на зарубежных книжных полках легко можно найти прекрасно изданные и хорошо иллюстрированные истории полков, военных училищ и кадетских корпусов, при полном отсутствии аналогичных историй университетов и гимназий, численно превосходящих военно-учебные заведения и полки.

Я, например, в моей домашней библиотеке имею прекрасно изданные и иллюстрированные истории своего училища и своего полка, на русском и на английском языках под заглавием: "Незабываемое прошлое Славной Южной школы. Исторический очерк Елисаветградского Кавалерийского Училища", "Сумские гусары" и "Russian Hussar".

Из прочих исторических книг военно-учебных заведений особенно роскошно, красиво и богато издана книга-альбом с массой фотографий далеко удаленного Хабаровского кадетского корпуса.

Из числа этих организаций я состоял членом правления Союза Императорской Конницы Конной Артиллерии, и сперва вице-председателем,

а затем – председателем Южно-Американского Отдела Военно-Научного Института имени профессора генерала Головина.

Деятельностью Союза Императорской конницы очень хвастаться не приходится, так как кроме красивых воспоминаний прошлой кавалерийской жизни, банкетов в дружеской обстановке с вином и шампанским Союз ничего другого и полезного не предпринимал.

Председателем Союза Императорской Конницы и Конной Артиллерии был видный и представительный гвардии полковник Дараган, который по окончании Пажеского корпуса намеревался выйти в 5-й гусарский Александрийский Императорский полк Александры Федоровны. Однако, при встрече с хорошо его знавшей Царицей, она ему сказала: "Я желаю Вас видеть в своем Уланском полку". И по ее желанию Дараган вышел из Пажеского корпуса в лейб-гвардии Уланский Ее Величества полк. Здесь он часто встречался с государыней даже в частной жизни за чашкой чая, и был искренно предан Царю и всей Царской семье.

Полковник Дараган был отличным председателем, и он удачно устраивал наши дружеские встречи, где за стаканом вина вспоминалась "днем служба царская, а ночь гусарская". Но, кроме того, он всегда просил меня подготовить небольшой и кратковременный доклад из истории кавалерии или изложить сведения о современных атомных бомбах и вероятных будущих условиях атомной войны. Таким образом, при встречах полковник Дараган стремился совместить приятное с полезным.

К нашему несчастью, среди членов Союза кавалерии было несколько человек "легитимистов", считавших только себя законопослушными, а всех других законоотступниками. Внося всюду раскол, они и у нас откололись, образовав параллельно второй Союз Конницы.

Однако с отъездом полковника Дарагана в Северную Америку оставшиеся нашли компромисс с отколовшимися и восстановили в Аргентине единый Союз Императорской Конницы и Конной Артиллерии.

После двух полковников, по возрасту отказавшихся от председательствования вскоре скончавшихся, согласно устава был избран председателем легитимист ротмистр Меньшиков. Не проявив никакой деятельности на своем новом посту, на одной из дружеских встреч он объявил во всеуслышание:

- Его Императорское Высочество, Государь Великий Князь Владимир Кириллович утвердил меня в должности председателя Союза Императорской Конницы и Конной Артиллерии в Аргентине, и никаких выборов начал в Союзе впредь не будет.

Очевидно, что ни что другое, кроме своего Высочайшего утверждения на высоком посту, его не интересовало, так как за 10 лет своего председательствования, он не созвал ни одного заседания правления и ни одного собрания, и Союз быстро покатился к развалу.

Я знаю только один случай проявления деятельности ротмистра Меньшикова. Как-то раз в газете "Русское Слово" появилась заметка, что на одной из общественных чашек чая, первый тост был поднят за здоровье "В. Князя Владимира Кирилловича", что побудило его разразиться длинным и назидательным наставлением по адресу редактора газеты от лица Союза, что возмутительно и недопустимо писать "В. Князь", а надо писать полностью "Великий Князь". Вот и вся деятельность "Высочайше" пожалованного председателя Союза, гордого своим "законным" назначением.

Теперь все это никакого значения не имеет, так как в живых осталось очень мало членов Союза. Я, например, из 12-ти гусарских офицеров остался единственным и последним, а у улан, драгун и казаков, дело обстоит не лучше.

Совершенно в другом положении оказался Южно-Американский Отдел Военно-Научного Института. Здесь Председателем, возглавлявшим Отдел института, был человек высокого ума и знаний военного искусства профессор военных наук генерального штаба полковник Месснер. Он всецело вкладывал свою любовь и энергию в возглавляемое им дело, которое процветало, давая отличные результаты.

Будучи подпоручиком артиллерии производства 1912-го года полковник Месснер закончил 1-ю мировую войну начальником штаба 15-й пехотной дивизии, был награжден Георгиевским оружием и 7-ю русскими боевыми орденами и одним иностранным, а за 2-ю мировую войну еще двумя иностранными орденами.

Защитив диссертацию, он был удостоен Военно-Научным Институтом звания профессора военных наук. Он автор 37-ми научных трудов, из коих 7 премированы на конкурсах, а 3 переведены на немецкий, итальянский, сербский и болгарский языки. В качестве корреспондента, редактора и директора печатных органов он опубликовал на 10 языках, в 12 странах, тысячи статей по вопросам войны, дипломатии, антикоммунизма, и русского национализма.

Кроме печатного дела полковник Месснер был лектором в Белграде на Офицерских повторительных курсах ген. Драгомирова, на Кубанских Казачьих Курсах и профессором Высших Военно-Научных Курсов генерала Головина, где читал лекции по гражданской войне.

Обладая таким высоким научным стажем в Аргентине, полковник Месснер легко мог руководить Южно-Американским Отделом Института, организованные им публичные лекции и доклады, многолюдно посещались офицерами и широкой публикой и слушались с большим интересом.

Он и других членов Института, в том числе и меня, привлекал к военно-научной и исторической работе, и я тоже неоднократно выступал в Буэнос-Айресе с публичными докладами. Благодаря ему, я вошел в контакт с Русским Историческим Архивом Колумбийского Университета, что продолжаю и до сих пор.

Глубокое понимание полковника Месснера в военном искусстве и его способность разбираться в военной обстановке, видны из следующих фактов.

Принято считать, что по опытам конца предыдущей войны следует готовиться и к будущей, предстоящей войне. 1-я мировая война закончилась позиционно, все живое глубоко зарылось в землю и поля сражений опустели. На этом логичном основании военные ученые всех стран были уверены по собственному опыту, что предстоящая 2-я мировая война должна быть позиционной, и, тратя колоссальные деньги, начали строиться неприступные оборонительные линии: Мажино во Франции, Зигфриды – в Германии и Сталина в Советском Союзе.

Несмотря на авторитет военных ученых всего мира, полковник Месснер один наперекор всем выступил с возражением против общего мнения, предсказывая маневренный характер очередной войны, считая, что новое сильное, быстроходное, бронированное оружие как танки и авиация производят революцию в военном деле, и приведут его к новому маневру. Потом так оно и оказалось, чудеса техники по постройке оборонительных линий пропали даром.

В ожидании 3-й мировой войны полковник Месснер предсказал, что такой войны по типу двух предыдущих больше не будет, а будут лишь многочисленные мелкие военные столкновения и революции по всему миру, что он назвал "мятежевойной".

В 1973-м году оставив меня своим заместителем, полковник Месснер поместил в местной газете "Русское Слово" следующее сообщение: "В Военно-научном институте. Вследствие кончины Генерального штаба генерала И.А.Свищова, председателя Института по исследованию проблем войны и мира имени профессора генерала Н.Н.Головина, и тяжелой затяжной болезни следующего по старшинству в институте Генерального штаба полковника Сергеевского, выполнение обязанностей председателя означенного Института вступил полковник профессор Месснер; штабс-ротмистр Вакар назначен председателем Южно-Американского Отдела Института".

Еще при жизни Месснера я успел поставить его в известность о своей болезни, но смену мне найти было трудно, так как в Институте не осталось ни одного офицера генерального штаба или слушателя Высших Военно-Научных Курсов. Однако долго председательствовать мне не пришлось, так как вскоре у меня был такой тяжелый приступ инфаркта, что пять докторов считали, что и одного дня не проживу. После удара я полгода пластом пролежал в кровати, и остался навсегда прикованным к дому инвалидом, но на голове приступ не отразился и сидя за столом, я теперь еще могу писать мои воспоминания.

Со смертью полковника Месснера и моей болезни, Институт потерял свою активность, но моя посылка исторических трудов в Колумбийский

Университет, есть прямое продолжение моей прежней деятельности в Институте.

Кроме церковных и военных организаций в Буэнос-Айресе есть еще много различных гражданских обществ, тоже вследствие длительности эмиграции постепенно теряющих свое прежнее значение и число членов.

К таким организациям относятся:

- ✓ Русская Колония.
- ✓ Центр Русских Белых.
- ✓ Российский Имперский Союз-Орден.
- ✓ Объединение Толстовского Фонда.
- ✓ Красный Крест старой организации.
- ✓ Газеты и журналы: "Русское Слово", "Наша Страна", "Русская газета", "Сеятель" и церковные журналы. Издательство русских книг в аргентинских типографиях с русским отделом и с русским набором шрифта.
- ✓ Русские библиотеки.
- ✓ Старческий дом "Русский Очаг".
- ✓ Объединение учеников и учениц Белградских Русских гимназий.
- ✓ Объединение институток.
- ✓ Организация Русских юных разведчиков – ОРЮР.
- ✓ "Витязи".
- ✓ Театральная студия и Русский Театр.

Русская Колония и параллельный ей Центр Русских Белых большого значения теперь не имеют, но Русская Колония и до сих пор еще ежегодно организовывает три национальных собрания: день русской культуры, день непримиримости и день скорби; последнее посвящается умученным в Екатеринбурге Императору Николаю II, его Царской Семье и преданным ему слугам.

Конечно, стариков, помнящих величие Российской Империи, с каждым годом остается все меньше и меньше, а подрастающую молодежь эти темы стали мало интересовать, и это понизило прежнюю многочисленность собраний.

Российский Имперский Союз-Орден в связи с другими монархическими организациями еще живет.

Объединение Толстовского Фонда, Красный Крест старой организации и старческий дом "Русский Очаг" несут свою высокую обязанность по оказанию помощи нуждающимся русским людям.

Объединение учеников и учениц Белградских Русско-Сербских гимназий после смерти энергичного председателя Горбова, как-то стало зати-

хоть, но зато Союз Институтков, как и кадетское объединение, до сих пор проявляет поразительную стойкость, свойственную учащимся закрытых учебных заведений.

Из числа русских организаций, посвятивших себя национальному воспитанию молодежи, "Витязи" и по названию и по духу являются чисто русской замкнутой организацией, они устраивают свои летние лагеря в красивой местности на собственном участке земли.

Напротив, Национальная Организация Русских Скаутов, носящая международное имя и форму, но с русской трехцветной ленточкой на погоне, оставаясь чисто русской по духу, работает в контакте с аргентинскими и иностранными скаутами и на международных скаутских слетах она во всеувидение поднимает русский национальный бело-сине-красный флаг в общей группе прочих иностранных флагов.

Местные газеты, "Русское Слово", "Наша Страна" и "Русская газета" при малом тираже не в состоянии выходить ежедневно, а выходят еженедельно, раз в 2 недели и ежемесячно. Многие русские книги, написанные в других государствах, печатаются в Буэнос-Айресе, так как по курсу размена денег (выгодно в пользу доллара) книгопечатание здесь обходится дешевле, чем США.

Имеющиеся в Буэнос-Айресе театральные и артистические труппы собственного театрального помещения не имеют, а пользуются наемными залами, где ставят спектакли и концерты. Наши артисты, среди которых много молодежи пользуются любовью публики, желающей им успеха.

Буэнос-Айрес является крупным центром русской эмиграции, и его многочисленные русские организации имеют для нас чисто национальное значение по сохранению исторической памяти о России. В вопросах защиты русских интересов в Аргентине они роли не играют, так как русские "по argentino" или принявшие аргентинское подданство, и тем более молодежь, родившаяся здесь, ни в какой защите не нуждаются.

Так как русские в Аргентине пользуются всеми правами и защитой закона. Русские здесь не знают ни обид, оскорблений ни со стороны властей, ни со стороны народа как это было в Европе.

Во всей Русской эмиграции, и, в частности в Аргентине, существует легитимное движение, вносящее раскол, доходящий до вражды, не только в общую зарубежную жизнь, но даже и в активную монархическую среду и в Императорские военные союзы и объединения.

Ясно, что всякая рознь в политических и военных организациях эмиграции служит только на руку большевикам. И в то время как общество и воинство легитимизму мало придает значения, предоставляя право каждому эмигранту иметь свои взгляды и убеждения, легитимисты ведут себя заносчиво в отношении ко всем другим, считая только себя верноподданными России, а всех остальных презирают как левых изменников Родины.

Я не историк и не юрист и не беру на себя смелость решать, кто прав и кто виноват, особенно в вопросах, касающихся Высочайших Особ, а даю лишь исторический материал по этому вопросу с тем, чтобы ученые историки могли бы вывести свои заключения, которые они внесут в историю русской эмиграции.

Позволю только себе упомянуть, что в кавалерийском училище времен Российской Империи я был воспитан в преданности Царю и в бескомпромиссном уважении Императорской власти, и никогда не мог допустить спора вокруг имени Царя или самозванства на таком Высочайшем посту.

Мы привыкли знать, что Царская власть помазанника Божьего Императора Николая II была несомненной и неоспоримой для всего русского народа, а Российская Империя, им возглавляемая, признавалась всеми странами мира, имевшими с ней дипломатические отношения. Все это было вполне естественно, и без этого Царь не мог бы быть Царем.

Говоря о легитимизме, я должен начать с вопроса о признании Великого Князя Кирилла Владимировича Императором Всероссийским, и в зависимости от этого, является ли сын его Владимир Кириллович в зарубежье старшим Князем Императорской крови Дома Романовых, или Великим Князем.

Всероссийское монархическое движение в зарубежье уже насчитывает шесть десятилетий, и сумело за эти годы придти в себя после катастрофы 1917 года и выяснить свои идеологические и исторические основы, а также и ошибки, позволившие никому не нужной революции стать совершившимся фактом.

Первые годы прошли в вооруженной борьбе на всех просторах и на всех рубежах России, но не было возможности объединиться в один кулак. После окончания вооруженной борьбы стали переходить на работу идеологическую, но не было еще ни знаний, ни опыта. События второй мировой войны затмили собою все прошлое, снова перемешали всех и все, на новых местах.

Но появилась надежда возможности объединения монархистов вокруг молодого князя Владимира Кирилловича, принявшего титул Великого Князя и выразившего желание бороться за восстановление монархии в России. К великому сожалению не были учтены и устранены многие ошибки предыдущего периода, а к прежним прибавилось не мало новых.

Сегодня мы видим намечающиеся три течения монархической мысли.

Два первых течения считают себя "законопослушными" или "легитимными", но понимают свою "законопослушность" по разному.

Кто является последним Императором Всероссийским? Император Николай Александрович или объявивший себя Императором Великий Князь Кирилл Владимирович? В одном случае Владимир Кириллович есть Князь Императорской Крови – в другом Великий Князь.

В одном случае мы боремся за "Возрождение Русского Православного Царства", а в другом случае служим некой Зарубежной Империи, с ее новым титулованным дворянством, награждением орденами и т.д.

Третье течение монархической мысли: "установление – да", "восстановление – нет".

Как внук Императора Александра II-го Кирилл Владимирович является последним в роду по этой линии Великим Князем, что не переходит на правнука Царя. Признание за Владимиром Кирилловичем Великокняжеского титула возможно только в случае признания его отца Императором Всея Руси, что должно быть установлено учеными историками и профессорами университетов по кафедре русской истории.

Я же могу только дать им исторический материал и личные наблюдения, по этому вопросу на суд истории, описав взгляды и поступки той и другой стороны.

Кризис, вызванный в монархическом движении после свадьбы княжны Марии Владимировны с принцем Францем Вильгельмом Прусским, еще не изжит.

Пытаясь резюмировать сущность многочисленных мыслей, мы приходим к одному основному вопросу, от ответа на который зависят все остальные выводы: Кто является нашим последним Императором – Государь Император Николай Александрович, или объявивший себя Императором, Великий Князь Кирилл Владимирович?

На основании не вполне убедительного толкования Основных Законов Великий Князь Кирилл Владимирович принял титул Императора Всероссийского, но многие Члены Императорского Дома Романовых, во главе с Государыней Императрицей Марией Федоровной не признали этого титулования.

Точно также не признали его иностранные дворы и значительное большинство русских монархистов зарубежья, не говоря уже о лицах иных политических взглядов. На этой же точке зрения непризнания Императорского титула Великого Князя Кирилла Владимировича стоял Российский Имперский Союз.

После кончины Великого Князя вопрос о титуловании временно потерял свою остроту, и появилась надежда на возможность полного объединения русского монархического движения, но постоянно возобновлявшиеся, совершенно неприемлемые требования сторонников Великого Князя Кирилла Владимировича снова привели к общему полному расколу, который мы испытываем в настоящее время.

Итак: был ли Всероссийский Император Великий Князь Кирилл Владимирович, или не был? Для нас нет никакого сомнения, - нашим последним Императором был Император Николай II Александрович, а не Великий Князь Кирилл Владимирович.

В русской зарубежной эмиграции неоспоримый и всеми признанный Великий Князь Кирилл Владимирович оказался старшим из Князей Дома Романовых, и поэтому пользовался общим уважением. Его грехи молодости мало кому были известны, а трагедия и убийство Царя, Его Семьи и всех Великих Князей, оставшихся в Советском Союзе, конечно отрезвили и образумили Кирилла Владимировича, и его провозглашение себя Блестителем Императорского Престола считалось законным и нормальным.

Никаких расколов и споров вокруг имени Великого Князя не было и не могло быть. Однако после необдуманного и незаконного провозглашения себя Императором Всероссийским рескриптом на имя Высшего Монархического Совета он должен был бы понимать, что кроме небольшой партийной группы монархистов, никто его не признает.

Верные заветам Императорской России и присяге Императору Николаю II-му патриоты от него отшатнулись, и с Великим Князем осталась лишь небольшая группа преданных ему лиц, которых для удержания их за собой, он (и его сын Владимир Кириллович) осыпали милостями и наградами.

Так, уважаемый гвардии полковник Скородумов – основатель Русского Корпуса в Сербии и прекрасный организатор... стал генералом; отличный редактор прекрасного журнала "Наши Вести" – есаул Конвоя Его Величества Вертепов стал гвардии полковником; правитель канцелярии Князя – ротмистр Вуич стал графом; Князь Императорской Крови Дома Романовых Гавриил Константинович стал Великим Князем; и даже Принц Франц Вильгельм Прусский стал русским Великим Князем Михаилом Павловичем и получил Андреевскую звезду, даруемую только Великим Князьям при рождении.

У всех предыдущих самозванцев в русские Цари тоже были свои сторонники: Лжедмитрий 1-й – расстрига Григорий Отрепьев при поддержке Литвы, Польши, Северной Украины, Запорожского и Донского казачества взойшел на Московский престол. Лжедмитрий 2-й – "Тушинский вор", среди своих приверженцев имел не мало московских князей и бояр, хотя они знали, что "целуют крест" явному обманщику и самозванцу.

Емельян Пугачев, имел собственную территорию и победоносную армию, угрожавшую Москве... Но все они были разоблачены и вошли в русскую историю как самозванцы.

Ту же историческую участь можно предвидеть и "Императору Кириллу I-му" и "Великому" Князю Владимиру Кирилловичу.

Пока на Земле нашей Российской господствуют большевики, и весь мир признает их как законную власть в России и имеет с ними заискивающие дипломатические отношения, ни одно государство мира никогда не признает никакой второй экстерриториальной России, и никакого Всероссийского Императора без Империи, а без такого признания Царь уже не Царь!

Легитимисты только сами захлебываются в собственных торжественных свадьбах, приемах и банкетах с тостами и шампанским, и могут быть спокойны, что им не угрожает участь генералов Кутепова и Миллера. Так как раскол, внесенный легитимистами в эмиграцию выгоден Советам.

Перехожу к своим личным соприкосновениям с легитимистами и к воспоминаниям о вреде русскому национальному делу, приносимому легитимизмом в Аргентине.

Когда Русская Армия расформировалась в Зарубежье, генерал барон Врангель образовал и возглавлял Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) как продолжение армии в скрытом виде до новой возможности взяться за оружие. РОВС был чисто национальной, беспартийной, военной организацией для всех участников минувшей войны.

Однако легитимисты, считая только себя верноподданными "Императора Кирилла I-го", отказались от всякого соприкосновения со всеми остальными соратниками доблестной армии, глядя на всех свысока.

Однажды в моем желании объединить всех расколовшихся русских офицеров и образовать одно общее гарнизонное офицерское собрание в Буэнос-Айресе как это было в Белграде, я предложил председателю Союза Императорской Конницы легитимисту-ротмистру Меньшикову войти в контакт с Обще-Воинским союзом. На что он мне ответил:

- В РОВСе все левые! Я туда не ходок!

То же мое предложение РОВСу об общем гарнизонном собрании встретило отказ, и мне вежливо дали понять, что с Союзом Конницы, с его легитимным председателем им нежелательно иметь дело, и мои мечты о дружестве всех русских офицеров в Буэнос-Айресе с треском провалились.

Провалился и Союз Георгиевских Кавалеров в Аргентине, так как на организационном общем собрании разумные инициаторы предлагали, чтобы каждый георгиевский кавалер (не коммунист) мог бы быть полноправным членом Союза, а легитимисты требовали обязательного подчинения Союза "Великому" Князю Владимиру Кирилловичу. На что здравомыслящие офицеры не согласились, и Союз распался, как и все вообще организации, куда проникали легитимисты.

Во всех Императорских военных организациях Буэнос-Айреса видна та же картина, что старое офицерство вымирает, и что смены ему нет, и не будет.

Так с чувством выполненного долга заканчивает свое существование, доблестная и героическая наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия.

* * *

Буду рад, если этот собранный мною документальный материал будет беспристрастно использован историками, и история России пополнится новой интересной главой.

Все это я посылаю на Суд Истории!

1970-1980 гг.,
Буэнос-Айрес – Темперлей

ПРИЛОЖЕНИЯ

І. ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Деникин Антон Иванович (1872-1947) – генерал-лейтенант Генштаба (1915). Окончил Ловичское реальное училище, военно-училищные курсы при Киевском пехотном юнкерском училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. в должностях начальника штаба казачьей дивизии и Сводного кавалерийского корпуса. С 1910 г. командир 17-го пехотного Архангелогородского полка. В годы первой мировой войны командир 4-й стрелковой («железной») бригады, развернутой затем в дивизию. С сентября 1916 г. командир 8-го армейского корпуса, с марта 1917 г. – помощник начальника штаба Верховного Главнокомандующего, с июля 1917 г. – главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. Награжден орденом Св.Гергия 3-й и 4-й степеней, дважды – Георгиевским оружием. В Добровольческой армии с января 1918 г. начальник 1-й Добровольческой дивизии, заместитель командующего, а с марта 1918 г. – командующий Добровольческой армией. С декабря 1918 г. – Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР). После отступления войск ВСЮР осенью 1919 г. – зимой 1920 г. генерал Деникин, потрясенный катастрофой во время эвакуации Новороссийска, поставил перед Военным советом вопрос об избрании нового Главнокомандующего. 22 марта 1920 г. передал свои полномочия избранному Военным советом генералу Врангелю. С марта 1920 г. в эмиграции, проживал с семьей в Англии, Бельгии, Венгрии, Франции и США.

Бальцар В.В., полковник. В Русском корпусе капитан (гауптман) (1944): с сентября 1944 г. командир 5-й учебной роты 2-го полка и 9-й роты 5-го полка, с 14 апреля 1945 г. начальник разведывательного отделения штаба корпуса.

Баторий (Batory) Стефан (1533-1586), король польский с 1576 г., полководец. Участник Ливонской войны 1558-1583 гг. против России.

Врангель Петр Николаевич (1887-1928) – генерал-лейтенант Генштаба (1918). Окончил Ростовское реальное училище и Горный институт в Петербурге. Военную службу начал в 1891 г. рядовым лейб-гвардии Конного полка. В 1902 г. выдержал испытание на корнета гвардии при Николаевском кавалерийском училище. Участник русско-японской войны 1904-1905 гг., сотник 2-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска. В годы первой мировой войны командовал казачьим полком, дивизией, конным корпусом. Награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени и Георгиевским оружием. С августа 1918 г. в Добровольческой армии, командовал конной дивизией, корпусом, с декабря 1918 г. командующим Добровольческой (с января 1919 г. – Кавказской Добровольческой) армией в составе ВСЮР. В декабре 1919 г. из-за разногласий с генералом Деникиным отстранен от командования и в январе 1920 г. подал в отставку. 22 марта 1920 г. на заседании Военного совета избран Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России, которые к 28 апреля 1920 г. переформировал в Русскую армию. Руководил операциями в Северной Таврии и обороной Крыма, в ноябре 1920 г. организовал эвакуацию войск и беженцев из Крыма. Находясь в эмиграции 1 сентября 1924 г. организовал Русский Общевоинский Союз (РОВС), который возглавлял до своей смерти 25 апреля 1928 г.

Гескет Борис Сергеевич (? – 1944), полковник. В годы первой мировой войны служил в лейб-гвардии Измайловском полку, стал инвалидом вследствие тяжелого ранения в руку. В Русском корпусе полковник (оберст) (1944), занимал ряд командных должностей: с 2 октября 1941 г. казначей стрелкового (сводного) полка, командир 2 батальона 3-го полка, с сентября 1943 г. командир 4-го полка. 23 октября 1944 г. погиб в бою за Чачак.

Зелинский Николай Дмитриевич (1861-1953), российский и советский ученый, химик-органик, один из основоположников органического катализа и нефтехимии, Герой Социалистического Труда (1945), академик АН СССР. В 1893-1953 гг. профессор Московского университета (в 1911-1917 гг. директор центральной лаборатории Министерства финансов и заведующий кафедрой Петербургского политехнического института). В 1915 г. создал угольный противогаз.

Кириенко Иван Касианович (1888-1971), генерал-майор (1919). Окончил Киевский кадетский корпус и Киевское военное училище. В годы первой мировой войны полковник, георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1918 г., командир Георгиевского полка. В 1920 г. командант 1-го армейского корпуса. После эвакуации из Крыма проживал в Галлиполи и Салониках, с 1923 г. в Белграде. В 1941-1943 гг. занимал ряд

ответственных постов в Русском корпусе: с 26 сентября 1941 г. командир стрелкового полка, с 23 октября 1941 г. командир бригады, 18 ноября 1941 г. помощник начальника Русской охранной группы, 30 ноября 1942 г. корпусной интендант (майор). 13 марта 1943 г. освобожден от службы в корпусе. После второй мировой войны проживал в Бельгии.

Мержанов Б.А., Генерального штаба полковник. В Русском корпусе капитан (гауптман) (1941), командир 2-го полка (1942-1943).

Попов-Кокоулин Н.Н. полковник. В Русском корпусе майор (1944): с октября 1941 г. командир 4-й роты 2-го полка, с 29 ноября 1943 г. командир 1-го батальона 2-го полка, с 26 октября 1944 г. командир 2-го батальона 4 полка, с 3 мая 1945 г. — командир 5-го полка.

Рогожин Анатолий Иванович, полковник. В эмиграции — командир гвардейского казачьего дивизиона в Хорватии и Белище. В Русском корпусе оберст (1944): с октября 1941 г. командир 3-го батальона 1-го сводного полка, командир 1-го батальона 1-го полка, с 15 февраля 1944 г. командир 5-го полка. 30 апреля 1945 г. после смерти генерала Б.А.Штейфона вступил в командование Русским корпусом.

Скородумов Михаил Федорович (1892–1963), полковник (1920). В 1930-е годах произведен Кириллом Владимировичем в генерал-майоры. Окончил Первый кадетский корпус и Павловское военное училище. В 1912 г. был выпущен в лейб-гвардии Павловский полк, с которым вступил в первую мировую войну. За боевые отличия был награжден орденом Св. Георгия. Осенью 1914 г. будучи тяжело ранен (потеря правой руки) и оставлен на поле боя, попадает в плен к немцам, откуда предпринимает несколько попыток побегов. Из плена прибыл в Добровольческую армию. После эвакуации Русской армии из Крыма находясь в Галлиполи, в 1920 г. назначается командиром батальона Корниловского военного училища. По окончании «галлиполийского сидения» попадает в Болгарию, откуда за участие в заговоре вместе с генералом Кутеповым высылается в Югославию. Инициатор перезахоронения останков русских воинов, погибших на Салоникском фронте и создания в Белграде Памятника Русской Славы. Явился инициатором создания 12 сентября 1941 г. и первым командиром Отдельного Русского Корпуса. Попытки добиться относительной самостоятельности русских воинских формирований привели к его смещению с поста командиру и кратковременному аресту. Позже добровольно вступил в Корпус и в чине ефрейтора находился в его рядах до расформирования. После второй мировой войны переехал в США и скончался в Лос-Анджелесе 15 ноября 1963 г.

Шкуро Андрей Григорьевич (1887-1947) – генерал-лейтенант (1920). Окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1907). Участник первой мировой войны. В 1917 г. командир отряда в конном корпусе генерала Н.Н.Баратова. В июне 1918 г. сформировал на Кубани партизанскую дивизию, которая соединилась с Добровольческой армией. В Добровольческой армии командовал бригадой, дивизией, с мая 1919 г. 3-м Кубанским корпусом и в начале 1920 г. Кубанской армией. Генералом Врангелем был уволен из армии и в 1920 г. выехал из Крыма. В эмиграции жил в Париже, работал наездником в цирке. Во время второй мировой войны сотрудничал с гитлеровским командованием, участвовал в формировании казачьих частей из белоэмигрантов и советских военнопленных. В мае 1945 г. выдан английскими оккупационными властями советскому командованию. По приговору Верховного суда СССР 16 января 1947 г. осужден на смертную казнь через повешение.

Штейфон Борис Александрович (1881-1945), генерал-лейтенант (1922). Окончил Харьковское реальное училище, Чугуевское юнкерское пехотное училище и Николаевскую военную академию (1911). Участник русско-японской и первой мировой войн. Из училища выпущен в 124-й Воронежский пехотный полк. В ходе первой мировой войны в должности и.д. помощника начальника разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии принимал активное участие в подготовке и штурме Эрзурума в январе 1916 г. В июле 1916 г. – штаб-офицер для поручений при штабе 1-го армейского корпуса. С сентября 1918 г. в Добровольческой армии командир Белозерского пехотного полка. С июля 1919 г. начальник штаба Полтавского отряда. После эвакуации армии Врангеля из Крыма – комендант лагеря в Галлиполи, а при переезде русских войск в Болгарию 1922 г. – начальник штаба 1-го армейского корпуса. В эмиграции проживал в Югославии, перебиваясь случайными заработками. В 1941 г. начальник штаба, а затем командир Русского Охранного Корпуса в Сербии. Умер от паралича сердца 30 апреля 1945 г. Автор ряда работ по военному искусству.

II. УКАЗАТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ (УЧРЕЖДЕНИЙ) И ОТДЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

Варшавский политехнический институт императора Николая II – многопрофильное высшее учебное заведение, один из 5 политехнических институтов (наряду с Донским, Киевским, Петербургским и Рижским), действовавших в России до 1917 г. Открыт в 1898 г. в соответствии с планом развития в Российской империи народно-хозяйственных высших учебных заведений, отвечавших новейшим требованиям промышленности и торговли. До 1895 г. состоял в ведении Министерства финансов, затем

Министерства торговли и промышленности. Включал горное, химическое, механическое и инженерно-строительное отделения. Курс обучения составлял 4 года. Преподавание велось на русском языке. Выпускники получали звание инженера (горного, технолога, строителя). В 1901 г. в институте обучались 804 чел. (в т.ч. 505 поляков), в 1910 г. – 774 чел. (в т.ч. 134 поляка), в 1914 г. – 1561 чел., в 1916 г. – 1639 чел. В 1905-1908 гг. институт бездействовал из-за бойкота студентов-поляков, требовавших полонизации института, и отъезда русских студентов. В 1915 г. в связи с оккупацией Царства Польского германскими войсками институт был эвакуирован в Нижний Новгород (по ходатайству и при финансовой поддержке местных купцов и промышленников), переименован в Нижегородский политехнический институт.

Елисаветградское кавалерийское училище – одно из пяти кавалерийских военно-учебных заведений Российской Империи (наряду с Николаевским и Тверским кавалерийскими, Новочеркасским и Оренбургским казачьими училищами). Основано 1 сентября 1865 г. в г.Елисаветграде Херсонской губернии в виде юнкерского кавалерийского училища для комплектования офицерским составом кавалерийских частей Киевского, Харьковского и Одесского военных округов. Число обучавшихся постоянно возрастало с 90 чел. в 1865 г. до 300 чел. начиная с 1874 г. В 1902 г. из юнкерского преобразовано в военное училище (с приемом только лиц с законченным средним образованием). В 1908 г. в училище введена форма уланского образца. С началом первой мировой войны стало производить подготовку офицерских кадров по сокращенным программам (от 4 мес. до 1 года). В ноябре 1917 г. было расформировано. Воссоздано в 1920 г. в Крыму, затем вместе с войсками генерала Врангеля эвакуировано в Галлиполи, где было переименовано в Николаевское кавалерийское училище, а затем переведено в Югославию. В течение трех лет функционировало в г.Белая Церковь, осуществив три выпуска с производством в корнеты. В 1923 г. прекратило свое существование.

Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала проф. Н.Н.Головина (ЗВВНК) – высшее военно-учебное заведение русской эмиграции (1927-1944). Созданы по типу Императорской Николаевской военной академии на основе функционировавших в 1922-1927 гг. в местах расселения русских войск "Кружков военного самообразования" для "подготовки кадров русских офицеров с современным высшим образованием". 22 марта 1927 года ЗВВНК начали функционировать в Париже под официальным названием "Общества русских комбатантов по изучению мировой войны и ее последствий". 31 января 1931 г. открыт филиал ЗВВНК в Белграде, заочное и военно-училищное отделения.

Занятия организовывались и проводились два раза в неделю с 21 до 23 часов по 800 часовой учебной программе, в свободное от основной работы преподавателей и слушателей время. Курс обучения был рассчитан на 50-52 месяца (3 класса). Выпускники курсов получали академический знак и причислялись к Российскому Генеральному штабу. Для продолжения научных изысканий преподавателей выпускников курсов при Белградских ЗВВНК в 1936 году создан "Русский военно-научный институт", а при Парижских - в 1938 году - "Институт по исследованию проблем войны и мира". В 1936-1938 г.г. Белградским военно-научным институтом издавался журнал "Осведомитель".

Парижские военно-научные курсы и Институт по исследованию проблем войны и мира просуществовали до сентября 1939 года, Белградские военно-научные курсы и Русский военно-научный институт функционировали, прекратили деятельность в 1944 году. На Парижских и Белградских ЗВВНК обучалось свыше 600 офицеров, из которых 159 окончили полный курс, и получили академические знаки.

После второй мировой войны бывшими преподавателями и слушателями Парижских и Белградских Военно-научных курсов и институтов были образованы общественные организации, занимавшиеся научными разработкой военной проблематики: "Институты по исследованию проблем войны и мира имени генерала профессора Н.Н.Головина" в Париже и Нью-Йорке с Южно-американским отделом в Буэнос-Айресе. Последнее официальное упоминание о их деятельности относится к 1976 году.

Запасные части – полки и батальоны содержались во внутренних округах как база, на которой развертывались и обучались войска, предназначенные для пополнения частей действующей армии. В кавалерии было 10 запасных полков (8 номерных, гвардейский и Кавказский). 7-й запасной кавалерийский полк был расквартирован в Тамбове и предназначался для пополнения личным составом 1-й кавалерийской дивизии, в состав которой входил 1-й Сумской гусарский полк. За период войны в полк прибыло 5 маршевых эскадронов в среднем численностью по 100-150 чел. каждый.

Защита от химического оружия. В русской армии руководство вопросами химического нападения было возложено на Главное артиллерийское управление (ГАУ), а руководство вопросами противохимической защиты – на Управление санитарной и эвакуационной части.

В июле 1915 г. началось формирование и обучение двенадцати химических команд, – по одной команде для каждой армии. В начале осени формирование и обучение команд было закончено. В первые месяцы 1916 г. русская Ставка направила химические команды на фронты: 2 – на Северный фронт, 5 – на Западный и 4 – на Юго-Западный фронт. Эти команды стали заниматься обучением войск.

С осени 1916 г. при каждом фронте была введена должность заведующего средствами химической борьбы на фронте (с непосредственным подчинением Инспектору артиллерии фронта), главной его задачей являлось руководство боевыми действиями химических команд и наблюдение за применением химических снарядов. Под руководством заведующего работала химическая лаборатория.

В конце 1916 г. в каждой армии был введен учебный отряд по противогазовому обучению войск, подчиненный санитарному отделу армии. Подготовка пополнений для химических команд и отрядов осуществлялось на базе запасной химической роты. Кроме того, по инициативе войск во всех соединениях и частях действующей армии были введены нештатные руководители и подразделения по противогазовой обороне. Началось формирование огнеметных команд при пехотных полках и трех тяжелых огнеметных батарей (по одной для каждого фронта).

«Корнетские комитеты» – неформальные органы самоуправления в юнкерской среде, существовавшие в некоторых военно-учебных заведениях. Состояли из наиболее авторитетных юнкеров старшего курса («зубров-традиционеров»). Брала на себя функции рассмотрения спорных случаев во взаимоотношениях юнкеров старшего и младшего курсов («пересолы» решительно одергивались «приказами по курилке»), а также приема «экзаменов» у «зверей» и выдачи последним разрешений на убытие в отпуск, увольнение и т.п.

Лемнос – греческий остров, расположенный в северной части Эгейского моря вблизи входа в пролив Дарданеллы, площадь 482 кв. км. На Лемносе после эвакуации из Крыма в 1920 г. были размещены 16050 кубанских казаков.

Новороссийская трагедия (1920). 26-27 марта 1920 г. из Новороссийска в Крым морем были эвакуированы остатки Добровольческого корпуса и Донской армии. 27 марта в город вошли части Красной Армии. Сопротивление остатков деникинских войск в отдельных районах Северного Кавказа еще продолжалось до начала мая 1920 г.

Оборона Крымского полуострова (1920 г.). В марте 1920 г. часть Добровольческой армии (2-й армейский корпус генерал-лейтенанта Я.А.Слащева) закрепились в Крыму, сюда же кораблями Антанты были доставлены части белогвардейских войск с Юга Украины и Северного Кавказа. 4 апреля во главе этих сил встал генерал-лейтенант П.Н.Врангель. После пополнения (прибытие в Крым эвакуированных из Одессы, Новороссийска и Грузии белогвардейских войск и мобилизация местного населения) и реорганизации Вооруженных сил Юга России 11 мая 1920 г. была

образована Русская армия (25 тыс. штыков и сабель, 126 орудий и до 450 пулеметов). В распоряжении Врангеля находились и корабли военно-морского флота (2 линкора, 3 крейсера (в т.ч. 1 вспомогательный), 11 эсминцев, 4 подлодки и 8 канлодок). В течение июня-июля 1920 г. войскам Врангеля удалось захватить значительную часть Северной Таврии, но их атаки в августе против Каховского плацдарма и десанты в северной части Азовского моря (июль) и на Таманском полуострове (август) потерпели неудачу. Попытка белогвардейцев прорваться за Днепр окончилась провалом. Остатки разбитых в октябре-начале ноября в Северной Таврии белогвардейских войск Врангеля (свыше 23 тыс. штыков, около 2 тыс. сабель, 213 орудий, 1663 пулемета, 45 танков и броневых автомобилей, 14 бронепоездов, 42 аэроплана) заняли укрепления на Перекопском перешейке у переправ через Сиваш.

В период с 1 по 17 ноября 1920 г. войсками Южного фронта (146 тыс. штыков, 40 тыс. сабель, 985 орудий, 4435 пулеметов, 57 броневых автомобилей, 17 бронепоездов, 45 аэропланов) под командованием М.В.Фрунзе была успешно осуществлена Перекопско-Чонгарская наступательная операция, в ходе которой врангелевские войска, оборонявшие Перекопские и Иншуньские позиции и прикрывавшие Чонгарскую и Сивашскую переправы и Арбатскую стрелку, были разгромлены, но сумели организованно отойти (оторвавшись от преследовавших их красных войск на 1-2 перехода) в порты Крымского полуострова. Благодаря заранее подготовленной операции белогвардейцам удалось вне боевого соприкосновения с противником произвести на кораблях военного торгового флота эвакуацию своих войск и гражданского населения. Советскими войсками без боев были заняты: 13 ноября – Симферополь, 14 ноября – Феодосия, 15 ноября – Севастополь, 17 ноября – Керчь.

Отсрочка от военной службы для студентов. С начала войны студенты высших учебных заведений имели отсрочку от призыва на военную службу до окончания обучения. Отсрочка эта была отменена только 31 января 1916 г., когда студенты (преимущественно младших курсов) стали направляться на обучение в военные училища и школы прапорщиков. До этого момента их поступление на военную службу осуществлялось сугубо в добровольном порядке.

Провал наступления на Москву (1919). Наступавшие на Москву войска Деникина к осени 1919 г. добились наибольших результатов: 20 сентября захватили Курск, 6 октября – Воронеж и 13 октября – Орел.

В период с 13 октября по 16 ноября 1919 г. советские войска левым крылом Южного фронта: частью сил 13-й, 8-й армий и конным корпусом С.М.Буденного (всего 12 тыс. штыков, 8,4 тыс. сабель, 94 орудия, 351 пулемет) осуществили контр наступательную Воронежско-Касторненскую

операцию против белогвардейских войск в составе: 3-го Кубанского конного (ген. Шкуро) и 4-го Донского конного корпусов Добровольческой армии и 3-го Донского корпуса Донской армии (всего 5,3 тыс. штыков, 10,2 тыс. сабель, 60 орудий, 337 пулеметов, 6 броневиков, 3 танка). В результате ожесточенных боев в сложных погодных условиях советские войска продвинулись на 250 км и взяли Воронеж (24 октября) и Касторное (16 ноября).

Одновременно с этим в период с 11 октября по 18 ноября в ходе Орловско-Курской наступательной операции советские войска силами 13-й и 14-й армий (62 тыс. штыков и сабель, 1119 пулеметов, 278 орудий) на харьковском направлении нанесли поражение 1-му армейскому корпусу Добровольческой армии (22,3 тыс. штыков и сабель, 373 пулемета, 72 орудия, 14 бронепоездов, 9 танков) и освободили Орел (20 октября) и Курск (17 ноября).

В результате Орловско-Курской и Воронежско-Касторненской операций произошел коренной перелом в борьбе, стратегическая инициатива окончательно перешла к советским войскам, сумевшим к концу марта 1920 г. полностью очистить от белых весь Северный Кавказ (Ростов-на-Дону советскими войсками был взят 20 января, Ейск – 9 марта, Екатеринодар – 17 марта, Новороссийск – 27 марта 1920 г.).

Речь Посполита (Rzeczpospolita – республика), официальное название объединенного польско-литовского государства со времени подписания Люблинской унии (28 июня 1569 г.) – соглашения об объединении Польши и Великого княжества Литовского. Просуществовала до 1795 г.

Российская кавалерия (конница). Всего российская Императорская конница во время первой мировой войны включала: 10 гвардейских полков, 56 армейских полков регулярной кавалерии, 10 запасных полков, 6 Заамурских, 6 Прибалтийских, 10 Туземных, полк Офицерской кавалерийской школы, 2 пограничных конных полка (по др. данным – 5) и 152 казачьих полка. Итого: 253 конных полка, 15 дивизионов и 127 отдельных сотен (250 тыс. шашек).

Русский корпус – коллаборационистское воинское формирование из числа русских эмигрантов, созданное немецким оккупационным командованием в сентябре 1941 г. для охраны тыловых объектов и коммуникаций германской армии и борьбы с партизанами на территории Югославии. Набору в части корпуса подлежали военнообязанные русские эмигранты, проживавшие преимущественно на территории Югославии и Болгарии в возрасте от 18 до 55 лет, однако ограничения в возрастном цензе не соблюдались. По возрастным категориям в ноябре 1944 г. личный состав корпуса распределялся следующим образом: от 17 до 30 лет - 48,5%; от 31

до 40 лет – 3,4%; от 41 до 50 лет – 27,2%; от 51 до 60 лет – 20,4%; от 61 до 73 лет – 0,5%. В марте 1943 г. корпус получил пополнение из числа военнопленных – бывших военнослужащих Красной Армии (297 чел.).

Р.к. состоял из пяти полков трех батальонного состава с отдельными взводами: артиллерийским, ПАК (противотанковых орудий), саперным, конным и связи. В каждом полку по штату было 1183 чел. (в 1-м и 4-м полках – по 2111 чел.). В непосредственном подчинении командиру корпуса находился отдельный батальон «Белград» (около 600 чел.). Части Корпуса располагались: штаб Корпуса и батальон «Белград» – в Белграде, 1-й полк – в северо-западной части Сербии по р.Дрина (Лозница – Крупань – Зворник); 2-й полк – на северо-востоке Сербии по Дунаю на границе с Румынией (Пожаревац – Градиште – Милановац); 3-й полк – в Косово (Косовская Митровица – Звечаны), центральной (Фабрика Лисса) и северо-восточной (Прахово) частях Сербии; 4-й полк – в восточной Сербии (Алексинач – Лесковац – Большой Камен – Бор); 5-й полк – в центральной и южной частях Сербии (Рашка – Биляновац – Крушевац).

При штабе Корпуса существовал «Германский штаб связи», состоявший из офицеров вермахта, а в строевых частях находились полковые и батальонные офицеры, и ротные инструкторы. На вооружении частей Корпуса находилось стрелковое оружие – винтовки и пулеметы преимущественно югославского, итальянского и чехословацкого производства, тяжелого вооружения: артиллерии и минометов было очень мало.

Форма одежды первоначально приближалась к русскому обмундированию периода первой мировой войны: на югославском обмундировании защитного цвета нашивались погоны, обозначающие последний чин в русской армии, которые никакого служебного значения не имели, поскольку в Р.к. использовались воинские звания, принятые в вермахте. С осени 1942 г. с переходом в вермахт личный состав корпуса был одет в германское и итальянское обмундирование, а все русские знаки отличия были упразднены. С 16 февраля 1945 г. чины Корпуса стали носить нарукавные знаки «Русской освободительной армии» – РОА.

Корпус имел наименования: с 12 сентября 1941 г. – Отдельный Русский корпус; со 2 октября 1941 г. – Русский охранный корпус; с 18 ноября 1941 г. – Русская охранная группа; с 30 ноября 1942 г. – Русский охранный корпус (в составе Вермахта); с 10 октября 1944 г. – Русский корпус в Сербии; с 31 декабря 1944 г. – Русский корпус.

Максимальная численность Р.к. достигала 12 тыс. чел. (июнь 1944 г.), минимальная – в мае 1945 г. при переходе австрийской границы – 4,5 тыс. чел. Всего с 12.09.1941 г. по 12.05.1945 г. через ряды корпуса прошло свыше 17 тыс. чел. (в т.ч. около 300 чел. – бывших военнопленных Красной Армии и около 5000 тыс. чел. добровольцев из числа жителей Бесарабии и Юго-Западной Украины). Убито и умерло 1132 чел., ранено – 3280,

пропало без вести – 2297, самовольно убыло – 1057, эвакуировано по болезни и уволено – 3740.

В апреле-мае 1945 г. части Р.к. начали отступление из районов Брчко и Зеница на Загреб и Любляну. 12 мая 1945 г. остатки Р.к. (около 4,5 тыс. чел.) перешли границу Австрии в районе Клагенфурта, где были разоружены англичанами и помещены союзниками в лагеря для перемещенных лиц. 1 ноября 1945 г. распоряжением английского командования чины корпуса переведены на гражданское положение и перевезены в лагерь Келлерберг, где некоторые из них находились вплоть до 1950 г. Русский Корпус прекратил свое существование.

Большинство бывших военнослужащих корпуса и члены их семей в период 1945-1950 гг. выехали на постоянное место жительства в страны Латинской Америки и США. 1 ноября 1945 г. образован «Союз бывших чинов Русского Корпуса», отделения которого продолжают функционировать и в настоящее время преимущественно в США и странах Южной Америки. (Русский Корпус на Балканах во время Великой войны 1941-1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников /Под ред. Д.П.Вертепова. –Нью-Йорк: Изд-во «Наши вести», 1963).

Создание противогаза. В России ранее, чем в других странах начались поиски универсального защитного средства. Уже в июне 1915 г. Н.Д.Зелинский сделал научный доклад о применении древесного угля в качестве универсального сорбента для защиты от ОВ и предложил универсальный сухой угольный противогаз. Идея “сухого противогаза” вскоре становится известна противнику (в германской армии уже к концу 1915 г. он поступает на вооружение). В России заказ на массовое производство противогазов был размещен на заводах только в конце марта 1916 г. Всего в 1916 г. в действующую армию было направлено 5030660, в 1917 г. – 6155511 противогазов Зелинского. Всего за период войны отечественной промышленностью было произведено более 12 млн. противогазов.

44-й армейский корпус в 1914-1915 гг. организационно входил в состав 10-й армии Северо-Западного (Северного) фронта, а затем – последовательно в 4-ю и 7-ю армии. В 1917 г. находился в резерве Румынского фронта.

Сумской гусарский полк. В середине XVII века городское малороссийское казачество вследствие нестерпимого польского ига стало покидать свою родину по Днепру и селиться в южных окраинах Московского государства. Образовавшиеся таким образом поселения формировали полки, носившие названия по этим селениям. Поселившиеся по рекам Пселу, Суме, Выгре и Ольшавке получили название Сумских слободских казаков. Основателем Сумского полка был полковник Герасим Кондратьев. Кроме

постоянных отражений набегов татар и других кочевников Сумские казаки принимали участие в подавлении восстания Степана Разина в 1668 году, в Турецкой войне под Чигирином в 1667 году, в осаде Азова 1696 г., в войне со шведами в 1700 г., в усмирении Астраханского бунта в 1703 г., во взятии Перекопа в 1736 г. и Очакова в 1737 г., с 1746 г. несли сторожевую службу в Лифляндии, участвовали в Семилетней войне.

В 1756 г. на базе Сумского слободского казачьего полка был сформирован шести эскадронный Сумской гусарский полк. Полк участвовал в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. В 1783 г. полк был переименован в Сумской легкоконный полк, в 1787-1788 гг. в период русско-турецкой войны участвовал во взятии Очакова. При Павле I был развернут до 10-ти эскадронного состава и переименован в Сумской гусарский генерала Шевича полк. В Швейцарском походе 1799 г. входил в корпус генерал-лейтенанта Римского-Корсакова. Участвовал во французской кампании 1806-1807 гг. и в Отечественной войне 1812 г. (в т.ч. в Бородинском сражении) и в заграничных походах 1813-1814 гг. Из его рядов вышли герои Отечественной войны 1812 г. – А.Н.Сеславин, И.С.Дорохов, Я.П.Кульнев. В 1830-1831 и 1863-1864 гг. полк участвовал в подавлении польских восстаний. В 1857 г. переименован в Сумской гусарский генерал-адъютанта графа фон дер-Палена полк. Участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. В 1865 г. получил наименование: 1-й гусарский Сумской Его Королевского Высочества Наследного Принца датского полк, в 1882 г.: 3-й драгунский Сумской Наследного принца датского полк, в 1907 г.: 1-й гусарский Сумской Наследного принца датского полк, в 1912 г.: 1-й гусарский Сумской генерала Сеславина полк. С 1876 г. полк был расквартирован в Москве в Хамовнических казармах, где располагался до начала 1-й мировой войны.

В ходе первой мировой войны С.г.п. входил в 1-ю кавалерийскую дивизию и участвовал в боевых действиях в составе 1-й, 10-й и 5-й армий Северо-Западного (Северного) фронта. В начале марта 1917 г. 1-й гусарский Сумской полк был снят с позиций на Западной Двине и направлен в г. Режицу для подавления возникших там беспорядков, а затем использовался для охраны железной дороги в районе: Псков-Дно-Порхов-Режица. В декабре 1917 г. полк был передислоцирован в с.Станисово Рыбинского уезда Ярославской губернии, где в феврале 1918 г. расформирован.

3-й (Кубанский) конный корпус входил в состав Добровольческой армии Вооруженных Сил Юга России. Командир корпуса генерал-лейтенант А.Г.Шкуро, начальник штаба генерал-майор А.М.Шифнер-Маркевич. Состоял из 1-й Кавказской казачьей дивизии (1-й, 2-й и 3-й Хоперские Кубанского казачьего войска полки, 1-й Партизанский Кубанского казачьего войска полк, Стрелковый полк 1-й Кавказской казачьей дивизии, Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион.) и 1-й Тер-

ской казачьей дивизии (1-й и 2-й Волгские казачьи полки, 1-й и 2-й Горско-Моздокские казачьи полки, Стрелковый полк 1-й Терской казачьей дивизии, 1-й Терский казачий конно-артиллерийский дивизион). В октябрь-ноябре 1919 г. 3-й Кубанский конный корпус совместно с 3-м и 4-м Донскими корпусами вел оборонительные бои с наступающими советскими войсками (частями и соединениями 3-й, 8-й армий и конным корпусом С.М.Буденного) в районе Воронеж-Касторное).

Ускоренные выпуски в военных училищах. Последний мирный выпуск (производство в офицеры) в военных училищах состоялся ранее обычного срока: не 6 августа, а 12 июля 1914 г. С началом войны началась подготовка юнкеров по сокращенным программам. В Елисаветградском кавалерийском училище 1 октября 1914 г. состоялось производство юнкеров в корнеты, которые прослушали полный курс младшего класса и сокращенный старшего, пробыв в училище 1 год и 2 месяца. Первые 5 ускоренных (4-6-8 мес.) выпусков военного времени (с 1 августа 1914 г. по 1 февраля 1916 г. включительно) были произведены в прапорщики. 6-8 выпуски военного времени со сроком обучения в 1 год (октябрь 1915 г. – октябрь 1916 г.; февраль 1916 г. – февраль 1917 г.; октябрь 1916 г. – октябрь 1917 г.) были произведены в корнеты. Последние два (9-й и 10-й) набора юнкеров (февраля и октября 1917 г.) в офицеры не производились. С.В.Вакар проходил обучение во втором ускоренном (4-х месячном) выпуске (1 октября 1914 г. – 1 февраля 1915 г.).

Химическое оружие (отравляющие вещества). В ходе первой мировой войны инициаторами применения химического оружия выступили немцы. На Западном фронте 27 октября 1914 г. при атаке на Нев-Шапель немецкая артиллерия использовала артиллерийские снаряды, снаряженные отравляющими веществами (ОВ) – солями дианизида. Поражающее действие данного ОВ оказалось недостаточным. Наиболее эффективное применение ОВ состоялось 22 апреля 1915 г. у г.Ипр, когда немцами на фронте 6 км было использовано 6 тыс. баллонов, содержащих 180 т хлора. В результате газобаллонной атаки в англо-французских войсках от ОВ пострадало 15 тыс. чел., из них умерло до 5 тыс. чел.

На Восточном фронте ОВ немцами впервые были применены 31 января 1915 г. на Варшавском направлении (местечко Болимов) против 6-го корпуса 2-й русской армии. Немецкой артиллерией было выпущено около 18 тыс. химических снарядов “Т”, содержавших 63 т. ксиллброма. Но ввиду малой летучести этого ОВ при низких температурах раздражающее его действие было недостаточным и успеха не имело. 31 мая 1915 г. на этом же участке фронта немцами была проведена газобаллонная атака (12 тыс. баллонов с 264 т хлора) против 14-й сибирской стрелковой дивизии и 55-й пехотной дивизии 2-й русской армии. Ввиду недостаточного количе-

ства или полного отсутствия средств защиты (марлевых повязок, смоченных в растворе гипосульфита или содовом растворе) только за один день русские войска потеряли пораженными от ОВ 8934 чел., из них умершими 1101 чел.

Первые газобаллонные атаки со стороны русских войск были проведены 8-й и 9-й армиями Юго-Западного фронта при прорыве австро-германской обороны 4-5 июня 1916 г. В течение 1916-1917 гг. русской армией наряду с газобаллонными атаками активно использовалась стрельба химическими снарядами, которых за время войны было произведено более 4 млн. единиц.

Всего за период 1915-1917 гг. в русской армии от применения отравляющих веществ пострадало около 50 тыс. чел., из них погибло около 10 тыс. чел. Аналогичные потери в Германии составили 80 тыс. чел. и 2300 чел.; в Англии - 181 тыс. чел. (6,1 тыс. чел.); во Франции - 190 тыс. чел. (8 тыс. чел.); в США - 80 тыс. чел. (2,3 тыс. чел.) (Красильников М.В., Петров Г.И. История химической службы и войск химической защиты Советской Армии. –М.: ВАХЗ, 1958).

«**Цук**» («подтяжка») – система неформальных неуставных взаимоотношений между юнкерами старшего и младшего курсов (заимствованная из германских кадетских корпусов), существовавшая в некоторых военно-учебных заведениях Российской Империи. Особое распространение «цук» получил в кавалерийских училищах, где юнкера младшего класса – «звери» или «сугубые» подвергались издевательствам со стороны юнкеров старшего класса – «корнетов», «дядюшек». Находил оправдание и рассматривался большинством юнкеров в качестве особой формы товарищеской помощи в освоении неформальных корпоративных военных традиций и привычки моментального исполнения без излишних размышлений приказаний старшего начальника. “«Корнеты» нас и вращали, и заставляли приседать, и стоять «по-лубенски» под шашкой, знать на «зубок» со всеми кантиками «полчки» и словесность, а также не ошибаться в имени любимой женщины «благородного корнета», желая ему спокойной ночи” (Исторический очерк Елисаветградского кавалерийского училища /Под. ред. С.Н.Ряснянского. –Нью-Йорк, 1965. –С.159).

6-я армия сформирована 16 июля 1914 г. (ст. ст.) в Петроградском военном округе в составе 1, 42 и 43-го армейских корпусов. Самостоятельно выполняла задачи по обороне Петрограда и побережья Финского залива, взаимодействуя с Балтийским флотом (в оперативном отношении последний был подчинен командующему 6-й армии генералу от артиллерии К.П.Фан-дер-Флиту). С августа 1915 г. по декабрь 1916 г. была в составе Северного фронта, действуя на его правом фланге. В декабре 1916 г. в свя-

зи с образованием Румынского фронта полевое управление 6-й армии было переведено в Румынию, где возглавило корпуса бывшей Дунайской армии.

Эвакуация войск и населения и Крыма (1920 г.) кораблями Черноморского флота готовились заблаговременно (приказ ген. П.Н.Врангеля N 002430 от 4 апреля 1920 года предписывал командующему Черноморским флотом в условиях строгой секретности подготовить необходимый тоннаж для перевозки в случае необходимости в Константинополь до 100 тыс. человек). Сосредоточение необходимого количества судов было завершено к 30 октября 1920 г. К 5 ноября эвакуация была полностью завершена.

За время перехода было потеряно два судна – команда катера "Язон", шедшего на буксире парохода "Эпильдифор", ночью отрубив концы, ушла в Севастополь, и в семибалльный шторм затонул эскадренный миноносец "Живой" (7 человек команды и 250 пассажиров – в основном офицеры Донского полка). Все остальные суда военного и торгового флота благополучно прибыли в Константинополь.

Ярославское антисоветское вооруженное восстание. В период с 6 по 21 июля 1918 г. в Ярославле произошло антисоветское вооруженное выступление, организованное "Союзом защиты родины и свободы" и являвшееся частью общего плана антисоветских мятежей в городах верхней Волги. Мятеж был подготовлен подпольной офицерской организацией (до 100 чел.) во главе с полковником А.П.Перхуровым, направленным из Москвы в Ярославль Б.В.Савинковым. Восставшие, склонив на свою сторону местный гарнизон и часть горожан, обезоружили милицию, захватили арсенал с оружием, наиболее важные объекты города и объявили о создании "Северной добровольческой армии". Одновременно с этим произошли антисоветские вооруженные выступления в Рыбинске (8 июля) и Муроме (9 июля). К Ярославлю были стянуты советские войска и рабочие отряды из Твери, Кинешмы, Иваново-Вознесенска, Костромы и Вологды. После ожесточенных боев, в ходе которых мятежники понесли тяжелые потери, 15 июля Перхуров с отрядом в 50 чел. бежал из города на пароходе; оставшиеся 21 июля сложили оружие.

* * *

ВОСПОМИНАНИЯ РУССКОЙ ДЕВУШКИ

Прошло 20 лет в эмиграции. Настал 1941-й год.

Грянула 2-я мировая война, и русским эмигрантам на Балканах, где больше всего сохранилось остатков Белой Армии, представилась возможность вновь взяться за оружие против большевиков. И что же случилось?

А случился новый национальный подъем: не только военные, но даже гимназисты, и вообще все, все, все пошли записываться в Русский Корпус, оставив свои двадцатилетние службы и дома, оставив жен и детей без средств к существованию, на полный произвол, да еще в такое тревожное время.

И русская военная песня далеко разносилась из Пончидерских казарм в Белграде. Туда шли и почти дети, и седые генералы. Тысячам офицерам не могло хватить командных должностей, они шли простыми рядовыми, и в Корпусе не казалось ненормальным видеть даже генерального штаба генерал-майора с белым офицерским георгиевским крестом на груди в форме простого ефрейтора (в гарнизоне на руднике Бор).

Какое величие духа русского офицера!

Знает ли хоть одна иностранная армия что-либо подобное?

Этот национальный подъем захватил так же и русскую женщину и русскую девушку. Они сумели поддержать и разделить стремления своих дорогих родных воинов, не думая о себе, о своей судьбе. Не было слез, отчаяния, страха перед неизвестностью во враждебной обстановке - была сила духа, было желание выполнить "смысл всей жизни" - побороть коммунизм.

Сколько матерей не дрогнувшей рукой благословляло своих сыновей на военный подвиг, сколько жен стойко в последний прощальный момент благословляло своих мужей на бой за Родину, и сколько нас, русских девушек, воспитанных на чужбине, с чувством глубокой любви к России, благословляло своих отцов и братьев, уходящих на фронт.

Мне было 16 лет. Длинный жизненный путь не смог изгладить из памяти яркой картины пережитого. Попрощавшись с Мамой дома, Папа уходил в казармы, и я пошла провожать его. Папа уже был в форме (коричневой) что обращало на нас внимание сербов, которые с нескрываемой ненавистью смотрели на нас. Взяв Папу под руку, мы шли бодрым шагом, высоко подняв головы. В душе царила великая радость – радость от сознания, что пришел желанный час, который долго ожидали, к которому готовились, и который дал возможность реально на деле начать борьбу за нашу горячо любимую Родину.

Прошли годы. Настала вторая разлука, все было потеряно, пережито огромное разочарование. Наша борьба оказалась маленькой каплей в море, которая не смогла дать перевес войны в нашу пользу. Нам надо было отступать при приближении Красной Армии. Женщин и детей чинов Русского Корпуса немцы решили вывезти на работы в Германию из тех мест, где ожидалась бои. Не было радости в сердцах, были слезы, отчаяние, страх перед неизвестностью. Мне лично пришлось в этот раз, проститься не только с Папой, но и с моим супругом, который состоял в рядах 2-го полка

Русского Корпуса. За три дня до нашего отъезда мы повенчались, чтобы в случае окончательной разлуки – смерти унести навсегда с собой нашу клятву перед Богом о нашей любви.

Только через год, в течение которого мы не знали ничего друг о друге, мы, наконец, встретились при помощи Интернационального Красного Креста. Велика была Милость Божья к нам, не хватает слов, не хватает сил, чтобы полностью отблагодарить Господа за то что Он нас сохранил, не достойных Его рабов.

Из 24-х моих одноклассников, 18 бросило учение и поступило добровольно в Корпус. В первом бою, первый раненый оказался мой одноклассник Сергей Шауб – 17 лет.

Елизавета Сергеевна Серб, урожденная Вакар.